ФАНТОМЪ (Г. Т. Сѣверцевъ).

ПО СТАРИННОМУ „ЗАМОРСКОМУ“ ПУТИ и СѢВЕРНЫМЪ ГНѢЗДАМЪ.

Путевыя замѣтки по сѣверу, встрѣчи, итоги и впечатлѣнія.

1-ая тысяча.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГИ Г. Т. Сѣверцева-Полилова.

Среди коронованныхъ особъ, встрѣчи и воспоминанія, ц. 1 р. 25 к.

Вездѣ женщина. Разсказы, ц. 1 р. 25 к.

Кряжъ. Романъ, ц. 1 р. 30 к.

Слѣпая любовь. Романъ, ц. 1 р. 25 к.

Въ погоню за славой и золотомъ. Романъ изъ жизни оперной богемы. Ц. 1 р. (распродано).

На оперныхъ подмосткахъ. Разсказы изъ жизни оперныхъ пѣвцовъ. Ц. 1 р.

Отъ шарманки—на сцену. Романъ извѣстн. пѣвицы, ц. 80 к.

Ядъ. Ром. изъ жизни артистовъ—люби елей, 2-ое изд., ц. 75 к.

Послѣ грозы. Три повѣсти современ. растерянности, ц. 1 р. 25 к.

Проснулась женщина. Разсказы изъ совр. жизни въ Финляндіи, ц. 1 р.

Въ странѣ труда. Финляндскіе разсказы, ц. 1 р.

Аттестатъ на дурака. Разсказы, ц. 1 р. (распрод).

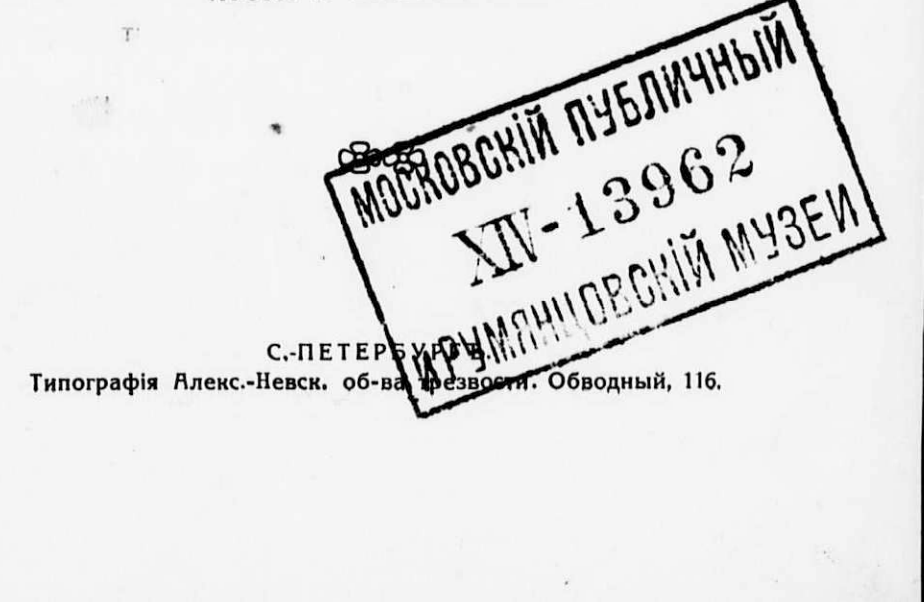
Наши дѣды-купцы. Картина начала XIX столѣтія. Роскошное изданіе съ рис. худ. Апсита. Получивш. отъ Импер. Акад. Наукъ почетный отзывъ имени А. С. Пушкина, ц. 3 р., въ коленк. стил. пер. 3 р. 75 к.

ФАНТОМЪ.

ПО СТАРИННОМУ „ЗАМОРСКОМУ“ ПУТИ
И
СѢВЕРНЫМЪ ГНѢЗДАМЪ

Путевыя замѣтки по сѣверу, встрѣчи, итоги и впечатлѣнія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Алекс.-Невск. об-ва трезвости. Обводный, 116.

На рѣкѣ.

I.

На единственномъ водяномъ пути, по которому въ старину ѣздили въ далекую Московію заморскіе „торговые гости“, иноземныя посольства, искусные мастера...

Многоводная прошедшій годъ Сухона на этотъ разъ обмелѣла; большіе пароходы сѣверо-мурманскаго общества ходятъ изъ Архангельска только до Котласа, а въ Вологду посылаются суда небольшого размѣра, да и они постоянно опаздываютъ, „притыкаются“ на перекатахъ.

Скоро идти нельзя, когда воды въ Сухонѣ только 5—6 четвертей.

На „Усть-Сысольскѣ“ нѣтъ свободнаго уголка, все набито пассажирами и... товаромъ. Уходимъ вмѣсто 9 часовъ вечера послѣ одиннадцати.

Бѣлая сѣверная ночь незамѣтно спустила прозрачное покрывало, слабо слила очертанія городскихъ зданій, сгрудила ихъ, выравняла берега, навѣяла чуткую дрему...

Сравнительно тепло, хотя вѣтеръ, дующій навстрѣчу, свѣжитъ.

Спятъ только торговцы, ѣдущіе по дѣламъ въ низовые города, большинство пассажировъ размѣстились на палубѣ, любуются бѣлой ночью, чутко настороженной, готовой каждую минуту вспорхнуть...

Ведутся тихіе разговоры, кажется, что сама ночь притушила ихъ, сдѣлала болѣе робкими, нерѣшительными. Даже бойкій коммивояжеръ, ѣдущій съ новымъ для этого края товаромъ: домашними кинематографическими аппаратами, притихъ, хотя все-таки старается навязать своему

сосѣду купцу-толстосуму съ Вытегры свой товаръ:

— Вы только подумайте, господинъ, что сидя у себя дома, тамъ, въ глухомъ мѣстечкѣ, вы можете собственными глазами любоваться, какъ дерутся всякіе народы между собою, разныя представленія съ убійствомъ и съ кражами...

— Ну, этого намъ не требуется,—отвергаетъ его предложеніе покупатель и машетъ рукой.—Красть-то и мы сами умѣемъ безъ твоего показа!

— Видѣть можно, какъ живыми, обезьянъ, слоновъ, крокодиловъ и прочихъ иностранныхъ животныхъ, однимъ словомъ, все, что вамъ угодно,—настаиваетъ продавецъ.

Купецъ качаетъ отрицательно головой

— А нашего о. протоіерея можешь показать, какъ онъ въ банѣ моется?—неожиданно спрашиваетъ онъ, озаренный какой-то мыслью, и смѣется въ упоръ надоѣдливому сосѣду.

— Такихъ снимковъ у насъ не имѣет-

ся, можетъ какіе-другіе случаи изъ жизни?—и, наклонившись къ купцу, онъ что-то тихо ему шепчетъ.

— Ну тебя къ шуту! Не надо, все равно не возьму,—рѣшительно говоритъ толстосумъ и, надвинувъ картузъ ниже на лобъ, встаетъ и уходитъ въ каюту.

Съ кормы несется довольно согласно пѣсня: поютъ экскурсанты-гимназисты, ѣдущіе съ директоромъ въ Соловки,—„Изъ краевъ, краевъ далекихъ, съ Волги-матушки широкой"... — стройно звенятъ молодые голоса, среди нихъ рѣзко выдѣляется сопрано-фистула „спадыша". По заснувшему простору рѣки пѣсня несется далеко, стелется мягко по береговымъ лугамъ и гаснетъ въ легкой пеленѣ росы, уже начинающейся волноваться надъ ними.

Снизу изъ трапа вынырнула голова матроса: не всходя на палубу, онъ пристально окинулъ глазами пассажировъ и крикнулъ одному изъ нихъ:

— Василь Петровичъ, а Василь Петровичъ! Бочка одна изъ твоей партіи течь въ уторѣ зачала!

Встрепенулся бѣлясый молодой парень, любезничавшій съ какой-то молоденькой пассажиркой и угощавшій ее монпасье.

— И впрямь, черти всѣ вы! Даве, какъ катали ихъ, должно, поприжали которую. Ну, адью-съ, до-свиданья,—обратился онъ къ спутницѣ,—нужно бѣжать, крѣпить бочку гипсомъ, а то бѣда, спиртъ, извѣстно дѣло, акцизные за каждую недохватку въ градусахъ сильно по карману бьютъ.

Мало-по-малу жизнь на пароходѣ совсѣмъ затихаетъ, только мягко постукиваетъ машина, слабо шумитъ вода подъ колесами парохода, да надоѣдливо перекликиваются по бережнымъ низинамъ коростели и болотныя курочки. Время близится къ утру, но росистая волна все еще держится на лугахъ, хотя ароматъ освѣжившихся за ночь травы и цвѣтовъ доносится до парохода...

На востокѣ слабо затепливается розовая полоска утренней зари, переливаю-

щейся все больше и больше въ красный цвѣтъ. Тучи на востокѣ просвѣчиваются фіолетовымъ отблескомъ, но ближе къ пароходу онѣ попрежнему угрюмо сгрудиваются, заволакивая небо...

— Завтра опять задождитъ, почитай на цѣлый день!—невольно цѣдитъ сквозь зубы штурвальный.

— Только бы „бусинецъ“ не зачастилъ бы!—отзывается эхомъ его товарищъ, налегая на ручку штурвала.

Подходимъ къ Шуйску, пароходная сирена осторожно реветъ, чтобы не разбудить спящихъ.

Свѣжѣетъ.

На пристани суетни нѣтъ, выходящихъ пассажировъ мало. Тучи на востокѣ зажглись расплавленнымъ янтаремъ, скоро принявшимъ золотой отблескъ...

Всходило солнце, косые лучи его скользнули изъ-за дальней рѣчной извилины и позолотили окна каютъ. Просыпалось утро, загадочное, свѣжее... Дождь или ведро готовитъ грядущій день?..

Въ Тотьмѣ.

II.

Ровнымъ, серебристымъ зеркаломъ лежитъ извилистая Сухона...

Солнце багрянымъ шаромъ быстро скрывается за невысокимъ береговымъ перелѣскомъ, слабо маячитъ легкая дымка вечера, незамѣтно переходящая въ свѣтлую сѣверную весеннюю ночь.

Пароходъ, мѣрно постукивая машиной, торопится къ „низу“.

Пароходъ переполненъ пассажирами, это преимущественно мѣстные торговцы, коми-вояжеры и дровяники; отовсюду несется характерный вологодскій говоръ на „о“. Навигація оживила этотъ тихій

уголокъ Вологодской губерніи, зимою, за отсутствіемъ желѣзной дороги, сообщаться съ центрами не такъ-то легко...

Спустилась бѣлая ночь, трепетная, полная какого-то очарованія, мечтательная, напоенная неуловимой дремой...

Стукъ машины сдѣлался глуше, точно желая дать возможность пассажирамъ забыться сномъ, потухло и обычное пароходное оживленіе, все затянулось дремотой необходимаго отдыха.

Не спятъ только наверху, въ рубкѣ лоцмана, да стоящій на вахтѣ помощникъ капитана... а все-жъ и ему невольно дремлется, смежаются очи, чаровники соловушки, не смолкающіе всю ночь въ побережныхъ кустахъ, будятъ въ душѣ какіе-то несбыточные сны, волнуютъ кровь, заливаясь трелями, переливами, то безъ умолку щелкая, то заставляя замирать сердце тягучею, страстною мелодіей...

Кажется, что ихъ пѣнію заслушались: и мирно текущая рѣка, и тихо плывущій по ней пароходъ, и сама трепетная ночь, охватившая эту дремлющую природу. Какой-то особенной покой испытываешь въ подобную свѣтлую ночь, плывя по серебристой, безмолвной лентѣ сѣверной рѣки...

Подъ утро, еще рано, меня разбудилъ толчокъ. Я поднялся, не зная, что такое случилось и, наскоро одѣвшись, вышелъ на палубу.

Оказалось: пароходъ нечаянно врѣзался въ гущу плотовъ, запрудившихъ рѣку и разнесъ одинъ изъ нихъ. Плотовщики орали, отталкивались отъ желѣзныхъ бортовъ баграми, старались изловить уплывающія изъ затони бревна...

Кое-какъ все наладилось, мы двинулись дальше, гуща плотовъ осталась далеко за нами. Снова ложиться спать не стоило, я остался на борту, тѣмъ болѣе, что скоро изъ-за рѣчной извилины показалась и Тотьма.

Какая старина охватила меня въ этомъ маленькомъ городкѣ! Она глядѣла ото-

всюду, попадалась на каждомъ шагу, въ каждомъ бѣломъ храмѣ, а ихъ здѣсь не мало... Древніе иконостасы, поставленные строго по уставамъ церковнымъ, въ пять ярусовъ, поражаютъ свѣжаго человѣка, посѣщающаго эти храмы. Наивная, очень часто примитивная живопись, въ которой чуется искренняя вѣра ея создателя, всѣ эти длиннобородые святые, ничѣмъ, кромѣ своихъ бородъ, не прикрытые, ихъ смиренныя постныя лица, всевозможныя чудеса, ими совершенныя, тоже воочію изображенные на рисункахъ, подвиги униженія плоти, мученія святыхъ, однимъ словомъ все, на чемъ зиждется вѣра,—какъ-то невольно умиляютъ, заставляютъ тебя самого вѣрить, что все это дѣйствительно такъ и было, все совершенно вѣрно, и сомнѣнію скептиковъ здѣсь нѣтъ мѣста...

Тотьма раскинулась на холмистомъ, но невысокомъ мѣстѣ. Еще недавно ея земство считалось однимъ изъ передовыхъ, земская библіотека очень полна

серьезными сочиненіями, имѣются большія книгохранилища и у частныхъ лицъ...

Граждане ея, несмотря на зимнюю отчужденность ихъ отъ городка, всѣми силами стремились къ его просвѣщенію: устроили еще давно женскую гимназію, принимали горячее участіе въ выборѣ состава ея преподавательницъ, пеклись о ней. Стремительная волна движенія 1905 года поразметала многихъ изъ нихъ, но сѣмя просвѣщенія не заглохло, и гимназія не потерпѣла крушенія, а напротивъ того, еще больше окрѣпла, и теперь перебралась въ большое каменное помѣщеніе, нарочно для нея выстроенное.

Съ будущаго года предполагается устройство въ городѣ курорта на мѣстѣ бывшаго кокоревскаго солевареннаго, теперь упраздненнаго, завода. Мѣсто какъ будто нарочно предназначено для него, окружено стариннымъ паркомъ, около котораго помѣщается большой теплый домъ въ 30 комнатъ, отдаваемый въ настоящее время за гроши частному лицу.

Крѣпость соляного разсола очень сильна, примѣсь іода и другихъ цѣлебныхъ солей въ немъ превышаетъ знаменитыя Старорусскія воды, удобство сообщеній со столицей, а главное, съ мѣстными городками и селеніями, жители которыхъ, главное, и нуждаются въ отстоящемъ недалеко отъ ихъ мѣстопребыванія курортѣ. Яркій примѣръ этой необходимости — лежащій въ 35 верстахъ отъ Тотьмы курортъ въ мѣстечкѣ Леденгскѣ переполненъ, несмотря на неудобное къ нему сообщеніе и отсутствіе сносныхъ жилыхъ помѣщеній.

Земство опасается, что съ устройствомъ въ самомъ городѣ новаго курорта, Леденгскій упадетъ, но едва ли это такъ, найдутся желающіе пользоваться водами и тутъ и тамъ.

Во время „Великой разрухи" 1613 года въ Тотьмѣ бывали проходомъ изъ Великаго Устюга и Поляки; 22 января они напали на городъ, но тотьмичи, поставивъ чудотворную икону Богоматери на городскую стѣну, отбили нападеніе...

Богата эта мѣстность и кладами... Въ началѣ прошлаго столѣтія здѣсь, копая колодецъ, вырыли кожаное голенище, зашитое съ обоихъ концовъ и набитое серебряными копейками временъ царя Алексѣя Михаиловича. Около старинныхъ церквей находили не разъ котлы съ монетой разной чеканки, немало было вырыто и старинныхъ вещей домашняго обихода.

Великій Преобразователь три раза во время своихъ поѣздокъ на Сѣверъ навѣщалъ Тотьму и даже, осматривая мѣстныя солеварницы, самъ вытащилъ бадью съ разсоломъ, желая убѣдиться въ его плотности.

— Не даромъ же я работалъ,—смѣясь, сказалъ онъ, обращаясь къ солевару,—ну-ка, уплати мнѣ, что я заработалъ,—и, получивъ „деньгу", бережно спряталъ ее въ кошелекъ.

Здѣсь когда-то былъ посланъ на вое-

водство родитель нелюбимой супруги Петра, Евдокіи Ѳеодоровны Лопухиной. Здѣсь же до своего постриженія въ суздальскомъ монастырѣ проживала недолго и она сама.

Мнѣ удалось пріобрѣсти отъ крестьянскаго мальчика вырытую имъ на берегу монетку, которую опредѣлили теперь какъ древнюю нормандскую.

Устроилъ здѣсь уроженецъ гор. Тотьмы г. Токаревъ нѣсколько лѣтъ назадъ чрезвычайно интересное ремесленное училище, задачи котораго должны были преслѣдовать обученіе кустарному производству, преимущественно игрушечному, дѣтей мѣстныхъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы развить здѣсь этотъ небезвыгодный промыселъ. Возведено прекрасное 3-хъ этажное зданіе, отлично оборудованное, имѣется дѣятельный, знающій руководитель, каждый годъ оканчиваютъ здѣсь нѣсколько отлично подготовленныхъ учениковъ и ученицъ, къ слову сказать, занимающихся съ изумительной

любовью и стараніемъ къ дѣлу... Все-таки, кустари около Тотьмы отсутствуютъ, желаемый промыселъ не развивается!

Чѣмъ объяснить это? Трудно сказать; завѣдывающій говоритъ, что всѣ оканчивающіе здѣсь курсъ расхватываются какъ преподаватели въ другія кустарныя училища, возникающія съ каждымъ годомъ по городамъ и весямъ нашей родины.

Вторая бѣда для училища, что изготовляемыя чрезвычайно изящныя вещи, очень оригинальныя, изъ дерева, папье-маше, различныхъ металловъ поддѣлки подъ старинные ларцы, ковши, шкатулки и т. п. не находятъ себѣ сбыта, ими заставлена вся кладовая и училищный музей, между тѣмъ, какъ болѣе грубыя произведенія Троице-Сергіевскаго посада и другихъ кустарныхъ селеній московскаго района находятъ себѣ такой большой спросъ, что не хватаетъ товара.

На всѣхъ выставкахъ выставляемыя произведенія тотемскаго училища получаютъ высшія награды; мебель, сдѣлан-

ная руками учениковъ, отличается изяществомъ и прочностью.

Учащимся предоставляется примѣнять ихъ собственную фантазію, какъ они хотятъ, но, къ сожалѣнію, фантазія у простыхъ крестьянскихъ дѣтей этого захолустнаго городка не велика, ограничиваются все больше перепѣвами уже прежнихъ формъ и образцовъ, новыхъ пріобрѣсти не на что, средства училища ограничены.

Мнѣ пришлось наблюдать странное обстоятельство: ученицы обнаруживаютъ значительно больше фантазіи и изобрѣтательности, ихъ работы выполнены изящнѣе и старательнѣе, рѣжутъ онѣ по дереву превосходно, трудно повѣрить, чтобы простая деревенская дѣвушка могла такъ точно и въ то же время изящно вырѣзать изъ простой березы человѣческую фигуру, соблюдая всѣ пропорціи.

Нужно изумляться способностямъ учениковъ по живописи, попадающихъ въ школу прямо изъ глухой деревни, и черезъ годъ прекрасно владѣющими кистью и хорошо уже знакомыми съ свойствами красокъ; главную часть всего этого успѣха нужно приписать неустанной дѣятельности и любви къ дѣлу покойнаго руководителя г. Сершпинскаго, умѣвшаго побѣдить въ преподаваніи заѣдающую дарованіе учениковъ рутину и отыскать въ каждомъ учащемся „душу живу“.

Какъ будетъ жаль, если подобное оригинальное и чрезвычайно полезное начинаніе отъ недостатка быта начнетъ хирѣть и, потерявъ вѣру въ себя, примется за выработку, по пріѣвшемуся всѣмъ крупнымъ рынкамъ сбыту, шаблона кустарей московскаго района!

Солнце высоко стояло на полднѣ, когда на другой день я распрощался съ мирнымъ городкомъ, съ многочисленными древними храмами, съ окутывающими его береговыя кручи густыми садами и стоящимъ высоко на пригоркѣ красивымъ зданіемъ кустарнаго училища.

Кое-что о Великомъ Устюгѣ.

III.

Жарко, невыносимо паритъ. Трудно повѣрить, что мы плывемъ по сѣверной рѣкѣ, что зимою здѣсь „трещатъ морозы“!

Въ общей каютѣ второго класса пассажиры не обращаютъ вниманія на удушливую атмосферу и полдень—съ самаго утра дуются въ карты...

Играютъ во что-то азартное, споры не умолкаютъ, дѣло доходитъ даже до брани, больше всѣхъ горячится еще нестарый крѣпышъ - лѣсоторговецъ. Онъ какъ-то ухарски сдаетъ карты, первый ихъ открываетъ и кричитъ громче всѣхъ пронзительнымъ теноромъ...

— А! ты, вотъ, какъ! Подъ меня подкапываешь!—оретъ онъ на одного изъ партнеровъ, кидаетъ карты, выбѣгаетъ изъ каюты и прыгъ черезъ бортъ...

Мы всѣ, стоявшіе вблизи, такъ и ахнули. Кто-то кричитъ:

— Остановите пароходъ!

Кто за спасательнымъ кругомъ побѣжалъ; всѣ кричатъ, суетятся безъ толку, только помощникъ капитана невозмутимо стоитъ себѣ въ рубкѣ да посмѣивается:

— Сейчасъ, господа, настоящее представленіе начнется,—успокаиваетъ онъ встревоженную публику,—не впервые доводится намъ съ его степенствомъ-то вмѣстѣ ѣздить! Не безпокойтесь, не утонетъ, только покуражится... Дамъ тихій ходъ... полюбуйтесь, какіе выкрутасы начнетъ выдѣлывать.

Хотя пассажиры съ изумленіемъ слушали говорившаго, не довѣряя его словамъ, но все же немного успокоились.

Выкинувшійся за бортъ купецъ, какъ сидѣлъ въ каютѣ въ одной жилеткѣ, безъ

пиджака, такъ и плылъ за пароходомъ стоя, даже фуражка у него съ головы не свалилась. Плыветъ и ругаетъ своихъ партнеровъ, а тѣ его, стоя на кормѣ, упрашиваютъ, умаливаютъ, чтобы куражиться бросилъ и снова на пароходъ влѣзалъ, все по его обѣщаютъ сдѣлать...

— Ну, чортъ съ вами, такъ и быть, вылавливайте меня! — согласился, наконецъ, „его степенство".

Пароходъ пріостановили немного, кинули упрямому пловцу кругъ, и вотъ, весь мокрый, коммерсантъ сидѣлъ опять за столомъ и покрикивалъ теноркомъ.

— Рѣдкій разъ, какъ ѣдетъ онъ съ нами на пароходѣ, обходится безъ какого-нибудь фокуса,—сказалъ намъ помощникъ,—съ другими капитанами боится такія штуки продѣлывать, пригрозили, что бросятъ его и уйдутъ съ пароходомъ дальше, а мы ему мирволимъ, парень-душа!

Протянулась линія куполовъ и верховъ древнихъ храмовъ и колоколенъ

Великаго Устюга, когда-то властнаго повелителя всего Сѣвернаго края, богатаго торговаго гостя, пытавшагося даже съ Новгородомъ соперничать...

Теперь онъ медленно умираетъ, торговля отходитъ отъ него, благосостояніе рушится съ каждымъ годомъ все больше и больше, сами горожане настойчиво отклонились отъ преуспѣванія своего города.

Вели отъ Вологды желѣзную дорогу на Вятку, намѣтили инженеры путь черезъ Устюгъ; напугались одичалые устюжане, взвыли даже.

— Все теперь у насъ подорожаетъ, всю торговлю нашу перековеркаютъ, тишины нашей богобоязненной лишатъ, шумъ да гамъ непотребный въ городокъ нашъ вторгнутся, одинъ развратъ только будетъ!

И подали въ министерство такія статистическія данныя, что тамъ даже руками развели да съ сожалѣніемъ головами покачали:

— Вотъ, бѣдняги-то какіе, чуть не по міру побираются! Ничего у нихъ нѣтъ— ни денегъ, ни торговлишки никакой не ведутъ, а ужъ о промышленности и понятія не имѣютъ! Не къ чему имъ желѣзную дорогу строить, и безъ нея хороши!

Такъ и провели линію на Котласъ, а Великій Устюгъ въ сторонѣ остался.

Недолго ликовали избавившіеся отъ желѣзнодорожнаго зла устюжане; какъ пошелъ весь товаръ на Котласъ, ихъ минуя, какъ стала тамъ развиваться торговля, а здѣсь падать, еще пуще прежняго завыли горожане, въ Петербургъ прискакали, просить стали:

— Смилостивьтесь, хоть какую вѣтку малую къ намъ приладьте! Мы, говорятъ, все вамъ наврали: и товару у насъ всякаго много, и деньги имѣются...

Не смилостивились въ Петербургѣ, поздно ужъ было, такъ ни съ чѣмъ домой устюжане и поѣхали. Кусаютъ теперь локоть, да поздно, прозѣвали свое счастье!

Храмовъ здѣсь такое множество, что даже некому въ нихъ ходить, а какъ зазвонятъ въ Воскресъ-день по колокольнямъ—словно Пасха Христова наступила!

Позвонить тутъ любятъ, мастерски звонятъ, но не одни только люди... козлы даже!

Имѣется здѣсь старенькая, очень низенькая церковь во имя св. Александра Невскаго; узенькая, прямая лѣсенка со стертыми ступенями, не выше двухъ саженъ, ведетъ на колокольню. Рано утромъ гулялъ около церковки батюшкинъ козелъ, благо площадка вся здѣсь травой заросла. Любопытенъ былъ „Васька", влѣзъ на колоколенку, рогами и запутался въ колокольныхъ веревкахъ; хочетъ распутаться, да еще больше только крутитъ. Рванулся—и пошелъ звонъ по всему городу...

Посбѣжались устюжане, не поймутъ:

пожаръ что ли, или архіерей чуть свѣтъ въ городъ пріѣхалъ; смотрятъ, виновникъ всей кутерьмы—козелъ батюшкинъ.

Цѣлый мѣсяцъ потомъ разговору было о случаѣ, въ глухомъ городкѣ обрадовались хоть и такой новости...

А должно быть, дѣйствительно, здѣсь тоска зимою, когда Устюгъ отрѣзанъ отъ своихъ сосѣдей, когда начнутъ пѣть надоѣдливыя пѣсни „вѣи да перевѣи".

Въ давно прошедшія времена отличился Устюгъ тѣмъ, что, кажется, первый изъ всѣхъ русскихъ городовъ устроилъ у себя, кромѣ обычныхъ тюремъ: „опальной" и „разбойно-татинной", еще, зная слабость своихъ горожанъ къ зелену-вину и брагѣ, „бражную".

Тюрьма эта, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, существовала еще во время посѣщенія города Петромъ Великимъ и вызвала его насмѣшливое замѣчаніе:

— Должно быть, ваши устюжане къ бражничью склонность великую имѣютъ.

Въ одинъ изъ его пріѣздовъ сюда протодіаконъ Михаилъ Сурна прочиталъ въ соборѣ евангеліе такъ громко, что Петръ, находившійся на другомъ берегу рѣки, явственно слышалъ его чтеніе.

Вернувшись въ Устюгъ, государь, призвавъ его къ себѣ, далъ выпить штовъ романеи и благосклонно объявилъ ему:

— Не голосъ у тебя, протодьяконъ, а настоящая труба іерихонская, мой конь даже ушами прядать сталъ, какъ тебя услыхалъ, а какъ ты „концы" рявкнулъ, на заднія ноги съ перепугу осѣлъ!

Государь взялъ Сурну въ Петербургъ, съ нимъ вмѣстѣ также двухъ пѣвчихъ, отца съ сыномъ Шапошниковыхъ, и опредѣлилъ въ Троицкій соборъ въ новой своей столицѣ.

Здѣсь, въ Устюгѣ, вліяніе «именитыхъ людей" Строгановыхъ очень замѣтно: многіе изъ храмовъ обязаны своимъ благолѣпіемъ только имъ.

Очень интересенъ пожертвованный Строгановыми образъ преподобнаго Прокопія, вышитый на полотнѣ очень тонко

и искусно шелками, канителью и жемчугомъ, онъ помѣщается надъ мощами преподобнаго въ соборѣ.

Славенъ Устюгъ еще своими издѣліями изъ бересты, чрезычайно изящно выдѣлываемой.

Существуетъ здѣсь другой изумительный промыселъ, составляющій секретъ только одной семьи—это особый способъ наложенія на серебро черни, при чемъ рисунокъ, наложенный такой чернью, мѣстами тонкій, какъ волосъ, никогда не исчезаетъ и не крошится, какъ кавказской работы. Серебро, украшенное подобной чернью, продается здѣсь не дешево, и производство ея не велико.

Въ соборѣ имѣется шелковая у одной лампады кисть; она обладаетъ изумительнымъ, ничѣмъ необъяснимымъ свойствомъ, предугадывать погоду.

Къ ненастной погодѣ эта древняя, вся уже побурѣвшая кисть, скручивается или свивается, при первой же перемѣнѣ къ лучшему — медленно раскручивается, а

во время ведра виситъ совершенно развитая.

Въ одной изъ устюжскихъ церквей, кажется, въ церкви пророка Ильи, не имѣется колокольни, вмѣсто нея, надъ прикрѣпленной у арки каменной лѣстницей виситъ колоколъ-иноземецъ!.. Его вылили въ Голландіи; трудно рѣшить, какъ онъ попалъ сюда, въ русскій сѣверный городъ: „Ansverus Kloster me fecit. Amsterdam anno 1638"—гласитъ надпись на немъ.

Улицы въ Устюгѣ представляютъ пустыни, кое-гдѣ встрѣтишь прохожаго, да прошумятъ старинныя двухстороннія дрожки, загруженныя съ одной стороны тяжелыми тѣлесами мѣстной купчихи, и опять тишина, точно все въ городѣ вымерло. Увеселеній — никакихъ, нѣтъ даже театральнаго зданія.

— Какіе еще тамъ театры устраивать, — негоцующе возражаютъ устюжане, — къ чему всякую нечисть въ городѣ разводить! И то отбою нѣтъ

отъ всѣхъ этихъ фокусниковъ, гадателей...

Дѣйствительно, я нигдѣ не видѣлъ такого количества афишъ, оповѣщающихъ о пріѣздѣ профессоровъ „мантевизма“, душеискательства и тому подобныхъ „измовъ“. Публика здѣсь, какъ оказывается, очень падка на этихъ „предсказывателей судьбы“ и валомъ валитъ на ихъ представленія.

Такъ и живутъ устюжане—между усерднымъ посѣщеніемъ храмовъ Божіихъ и коротаніемъ вечеровъ, созерцая „ловкость рукъ и ума“ гг. фокусниковъ и професоровъ „черной и бѣлой магіи“, а днемъ, прогуливаясь до одурѣнія въ городскомъ саду.

Боже мой, какимъ непробуднымъ сномъ спятъ здѣсь обыватели, ихъ только лѣтомъ не надолго будятъ своими свистками пароходы, съ окончаніемъ навигаціи у нихъ отсутствуетъ и этотъ будильникъ!

У Котласа.

IV.

Читаешь въ календаряхъ замѣтку „заря во всю ночь“, и дивишься, какъ это заря бываетъ ночью? Попавъ же сюда, въ эти „сѣверные углы“, не знаешь, какъ ими любоваться, этими зорями-ночами, длящимися, самое большое, часъ времени.

Заливъ напослѣдокъ весь небосклонъ на востокѣ ярко багрянымъ румянцемъ, таинственно затрепетавъ, она тухнетъ, такая заря, въ сіяющихъ золотомъ лучахъ, сразу выкатившагося изъ-за долей, дневного свѣтила...

Точно молоденькая красавица, вся трепещущая отъ восторга ожиданія своего

милаго, природа зальется напослѣдокъ, при его приближеніи, знойнымъ румянцемъ, сомлѣетъ въ его жаркихъ объятіяхъ, испепелится отъ страстныхъ ласкъ своего желаннаго...

Только тутъ, въ этомъ спокойствіи, разлитомъ и въ этой медленно струящейся величественной рѣкѣ, и въ безсвязномъ шелестѣ прибрежныхъ кустовъ, и въ тихомъ постукиваніи пароходной машины,— во всей лѣтней ласкѣ сѣверной природы чувствуешь чарующую прелесть этой „зари во всю ночь“, этого таинственнаго средостѣнія между блѣдной ночью и лучезарнымъ днемъ!

Пароходъ бѣжитъ по рѣкѣ книзу, приближаемся къ Котласу...

Развѣ можно представить себѣ что-нибудь старѣе этого сѣвернаго уголка. Здѣсь отовсюду глядятъ на тебя не вѣка, а нѣсколько тысячелѣтій...

На правомъ берегу не такъ давно профессору Амалицкому удалось отыскать въ этомъ мѣстѣ цѣлое кладбище допотопныхъ созданій. Изъ вырытыхъ костей доисторическаго парелойзавра онъ возстановилъ полный скелетъ этого историческаго животнаго и показалъ воочію, какими гигантами были въ тѣ времена всѣ творенія животнаго царства.

Еще теперь Амалицкій пріѣзжаетъ сюда ежегодно и продолжаетъ свои раскопки, проливая все больше и больше свѣта на допотопную фауну, открывая ея сокровенныя тайны на пользу науки и человѣчества.

Ближе къ полудню стало даже жарко; въ каютахъ сдѣлалось душно; старое судно общества, „Великая Княгиня“, давно уже требующее коренной передѣлки и представляющее собою анахронизмъ между своими товарищами, отличающимися всѣми современными удобствами, буквально перегружено пассажирами.

— Намъ такъ много говорили объ удобствѣ и комфортѣ воднаго, рѣчного, сообщенія въ Россіи, что мы соблазнились и выбрали этотъ путь въ Архангельскъ,

хотя онъ отнимаетъ лишнее время,—дѣловито говорилъ мнѣ голландскій купецъ, ѣдущій съ сыномъ по дѣламъ въ Архангельскъ.—Неужели этотъ пароходъ является представителемъ русскаго удобства и комфорта? — насмѣшливо прибавилъ онъ.

Пришлось объяснить корректному амстердамцу объ его ошибкѣ, и только, когда мы пересѣли въ В. Устюгѣ на пароходъ „Генералъ Кондратенко“, вслѣдствіе своей низкой осадки доходящій съ низа только сюда, иностранецъ повѣрилъ моимъ словамъ и на его красноватомъ, сухощавомъ лицѣ появилась добродушная улыбка.

— Не правда ли, мой мальчикъ,—обратился онъ къ сыну, здоровому верзилѣ, футовъ шести,—русскимъ можно иногда и повѣрить.

Громадныя зернохранилища Котласа стоятъ пустыя, недородъ сибирскаго хлѣба причиной этого. Второй ужъ годъ желѣзнодорожная вѣтка сюда плохо работаетъ, случайно выбранный пунктъ для перегрузки отправляемыхъ за море хлѣбныхъ грузовъ не оправдалъ себя...

Дѣйствія путейскихъ инженеровъ очень часто просятся для сюжета веселаго фарса; на этотъ разъ отличились не сухопутные, а водяные...

Для углубленія русла Сѣв. Двины, вычерпыванія мѣшающихъ судоходству песковъ, кромѣ имѣющейся уже здѣсь одной драги, заказали на Путиловскомъ заводѣ еще двѣ, стоящихъ около 300 т. р.— Землечерпалки были давно готовы, необходимый для нихъ штатъ инженеровъ и прочихъ служащихъ приглашенъ еще прошлый годъ весною, положено всѣмъ крупное содержаніе, но машины оказываются до сихъ поръ не принятыми изъза нѣкоторыхъ недостатковъ, что подтвердила и сама заводская администрація.

Сказъ да дѣло, а содержаніе отъ казны ничего не дѣлающему штату служащихъ идетъ уже второй годъ; злополучныя драги съ исправленными уже де-

фектами только теперь поступили на новое испытаніе, возбуждая общій смѣхъ въ Котласѣ.

Вычегда перещеголяла нынѣшній годъ Сухону, воды въ ней очень много, даже большіе пароходы общества „Св. Савватій“, „Св. Зосима“ и др. свободно добираются до зырянской столицы—Яренска, идутъ и дальше, не напарываясь на перекатахъ на камни и не „притыкаясь“ къ пескамъ.

Бѣлыя... нѣтъ, не бѣлыя, а розовыя ночи, когда солнце одною половиной окунется за синеватыя дали, а другою снова торопливо выползаетъ на свою дневную работу, отдохнуть даже не успѣваетъ, золотомъ кропить широкое раздолье многоводной рѣки, отнимая у нервныхъ классныхъ пассажировъ сонъ, мѣшая имъ хоть на короткое время забыться чуткою дремою...

Внизу, на палубѣ, третьеклассники спятъ крѣпкимъ сномъ вповалку; имъ не до „невровъ“, сморились за день. Душно

внизу, пройти нельзя, чтобы не наступить на спящаго. Дежурный офиціантъ приткнулся у себя въ каютѣ на стулѣ и храпитъ, точно іерихонская труба. Въ салонѣ еще сидятъ нѣсколько пассажировъ, оживленно толкуя о мѣстныхъ дѣлахъ-дѣлишкахъ.

Быстро проплываетъ свѣтлая ночь, незамѣтно день клонится снова къ вечеру. На правомъ берегу рѣки красиво высится изящная постройка.

— Домъ художника Борисова!—поясняетъ кто-то.

Вспоминается талантливый самородокъ, яркій изобразитель на полотнѣ картинъ родного ему Сѣвера. Точно старинный замокъ, красуется на высокомъ пригоркѣ его домъ. Солнце косыми лучами золотитъ стекла оконъ и длинной галлереи. Кто-то машетъ платкомъ оттуда, съ парохода отвѣчаютъ; но плывемъ дальше, домъ весь залитъ золотомъ послѣднихъ лучей...

Заштатный Красноборскъ почти незамѣтенъ съ парохода; тарахтитъ телѣга

на берегу, кто-то торопится къ пристани. Торопливые свистки одинъ за другимъ. И снова заработала машина.

Почти къ ночи пробѣгаемъ алебастровые холмы, или горы, по мѣстному. Протянулись они на 20 верстъ, высоки, до 15 саженъ мѣстами вздынулись. Разрабатываются, но въ ничтожныхъ размѣрахъ, хотя спросъ изъ Германіи на алебастръ прекрасный, нуженъ онъ нѣмцамъ для гипсованія полей, охотно берутъ, хорошъ онъ и для другихъ цѣлей по своему превосходному качеству и бѣлоснѣжному цвѣту, но что-то тормозитъ вывозъ...

Вѣчное „но“ русскихъ предпріятій.

Древняя обитель.

V.

Дорогу перехлестнуло море...

До деревни Рикасихи пришлось перебираться на небольшомъ пароходикѣ. Плыли по устью Сѣверной Двины верстъ пятнадцать, а потомъ недалеко и море.

Воскресенье. Взрослые мужики гуляютъ, близость Архангельска сказывается, а въ особенности нравы лѣсопильныхъ заводовъ: почти всѣ, перепившись, бродятъ по улицѣ деревни, какъ заспанныя мухи, а нѣкоторые уже спятъ, несмотря на то, что только седьмой часъ вечера.

— Ужъ и не знаю, кто бы васъ въ монастырь о сей день предоставилъ,—

соболѣзновала мнѣ старуха, жена содержателя почты:—сами видите, сколь у насъ безобразно... Семъ-ка; покличу ребятъ, може они порядятся васъ свезти.

Ребята были скоро найдены, они въ укромѣ, за амбаромъ, дулись въ карты.

— Васъ, баринъ, свезти требуется? Что жъ, мы можемъ въ самый монастырекъ предоставить,—развязнымъ тономъ сказалъ мнѣ подростокъ лѣтъ шестнадцати, франтовато одѣтый въ „спинжакъ" и „щиблеты"; въ рукахъ онъ держалъ бутылку съ остатками водки.

— Да ты никакъ пьянъ?—усомнился я въ „подрядчикѣ", пытливо посматривая и на его двухъ товарищей, болѣе скромныхъ по виду парней.

— Что вы, баринъ, пьянъ, это вода, а не водка!

Но посоловѣлые глаза парнишки говорили противное.

Столковались за пять рублей до Николо-Корельскаго монастыря и обратно, немного отдохнувъ тамъ и осмотрѣвъ его.

Мальчики пошли готовить лодку, а я разговорился со старухой.

— Вы не бойтесь, господинъ, ѣхать съ ними, хоть Ванька и взаправду выпивши, а мои пареньки, сынокъ Егорушка да племяшъ Ѳедя, въ ротъ хмельного никакого не берутъ, смогутъ выгрести. Тутъ до обители верстъ двадцать, сплывать хорошо, все по рѣчкамъ почитай, по одной и той же, Малой Курьей прозывается, а тамъ, подъ монастыремъ, въ разливъ морской выплывете. Норовить вамъ нужно сплывать сейчасъ же, пока вода еще не ушла.

Прибѣжали и мои „рядчики"; на первомъ изъ нихъ было теперь уже одно простенькое пальто, длинные сапоги-осташи, взялъ онъ и ружье, старинное шомпольное.

— Это къ чему взялъ?—спросилъ я его.

— Птицу стрѣлять, ловокъ я ужъ больно на это дѣло, теперь „каваша" (утятъ) много, а на монастырскихъ пож-

няхъ всякой птицы кишмя-кишитъ. И тебѣ лебедь бѣлая, и гусь сѣрый дикій, журавлей многоватко, и коростелька по берегамъ бѣгаетъ!

Я невольно заслушался. Хотя мнѣ не хотѣлось, чтобы пьяный парнишка стрѣлялъ, но я разсчитывалъ, что ему не удастся охотиться. Такъ и случилось.

Вода уже пошла на убыль, морской отливъ начался, отозвался онъ и въ рѣчкѣ; пришлось тащить карбасикъ по грязному руслу до болѣе глубокаго мѣста.

Поплыли, царапая днищемъ карбаса песокъ.

Рѣчка порасширилась. Мальчики гребли старательно, только Ванька все время курилъ и оставлялъ весло, другіе двое налегали дружно на весла. На рѣкѣ было тихо, солнышко стояло еще на горизонтѣ, гдѣ-то на берегу въ травѣ скрипѣли болотники.

Проплыли деревеньку Личку, недалеко отъ нея показалась другая—Шихариха.

Ванька сломалъ одну изъ деревянныхъ уключинъ, гребли только въ три весла.

— Теперь ужъ не миновать никакъ, чтобы не привернуть сюда!—какъ-то обрадованно залопоталъ послѣдній.—Я однимъ мигомъ слетаю, возьму молотокъ, гвозди и все справлю.

Не дожидаясь моего согласія, парнишка поналегъ на оставшееся весло, причалилъ карбасикъ къ берегу, выпрыгнулъ и побѣжалъ въ деревню.

— Ишь, стаканчикъ-другой опрокинуть захотѣлъ,—насмѣшливо замѣтилъ бѣлокурый Егорушка:—нонѣ тутъ празднуютъ.

— Престолъ у нихъ, что ли?—спросилъ я.

— Не, допрестолье, престолъ Петру и Павлу празднуютъ, а это значитъ, зачинъ сегодня,—объяснилъ онъ мнѣ дѣловито.

Долго пришлось ожидать гвозди и молотокъ.

— Вы по какому дѣлу и куда проѣзжаете?—услышалъ я громкій окрикъ, поднялъ глаза на песчаный бугоръ, къ которому пристали, и невольно расхохотался надъ оригинальностью костюма спрашивающаго.

Красная франтоватая кумачная рубашка, помятый котелокъ на головѣ, голыя ноги въ резиновыхъ галошахъ, зонтикъ въ рукѣ и полное отсутствіе прочихъ принадлежностей костюма.

— Любуешься на меня, милый человѣкъ? Любуйся, не воспрещаю,—поймалъ онъ мой изумленный взглядъ,— хвасонъ самый новѣйшій безъ портокъ ходить, за нихъ тетка Авдотья бутылку водки отпустила. Добрая она у насъ, всего до гола раздѣнетъ, а водки дастъ! Пей, пропивайся, заводскій человѣкъ!— закричалъ онъ, споткнулся и кубаремъ скатился въ рѣчку.

— Вотъ мы и здѣсь, живо доѣхали!— стоя въ водѣ, добавилъ пьяница.

Наконецъ прибѣжалъ и Ванька и принесъ гвозди и молотокъ, но приколачивать не могъ.

Все справилъ старательный Ѳедоръ. Поплыли. Ванька пытался закурить снова, но уронилъ спички въ воду и дремалъ; гребли оба другіе мальчика; я сидѣлъ на кормѣ и правилъ веселкой.

Рѣчка капризно извивалась между берегами, въ нее вливались очень часто другія рѣчонки, и, благодаря имъ, мы плыли то по водѣ, то противъ воды. На одномъ изъ загибовъ навстрѣчу намъ попалась шняка, паруса ея сквозили золотомъ заходящаго солнца; на веслахъ сидѣли здоровыя молодицы-поморки, благодаря воскресному дню разодѣтыя въ красный цвѣтъ. Веселкой правилъ старикъ съ длинной бородой, два парня справлялись съ парусами, слабо надутыми вѣтромъ. Плыли молча, только журчала вода подъ ихъ шнякой. Какое-то древнее видѣніе, точно я перенесся лѣтъ на 500 назадъ, ко временамъ власт-

наго торговаго гостя—Новгорода Великаго...

— Эй, дядя, нѣтъ ли спичекъ?—рѣзкимъ окрикомъ нарушилъ таинственное очарованіе пьяный Ванька.

Старикъ презрительно посмотрѣлъ на него, понажалъ могучимъ плечомъ на веселку и ничего не отвѣтилъ.

— Съ какимъ товаромъ путь держите?—полюбопытствовалъ я.

— Съ Неноксы соль въ Архангельскъ веземъ да съ Сюжмы раннюю семюжину прихватили немноговато, сюжемскіе робята выпросили, изъ-за мелочи сами везти въ городъ не хотѣли!—отозвался старикъ, и плавный говоръ его на „о", пронесся надъ водой.

Бѣлымъ лебедемъ поплыла шняка дальше...

Солнце зашло, по берегамъ протянулись фіолетовыя тѣни, точно легкія морщины на челѣ старѣющаго человѣка. Куда-то укрылась черная излучина, совсѣмъ пропала, изничтожилась; болотнички закричали громче, надоѣдливѣе...

Еще нѣсколько изгибовъ, поворотовъ, и нашъ карбасикъ выбрался на разливъ, казавшійся моремъ, но это было только самообманомъ, подъ нами стояло воды не болѣе аршина.

— Вонъ и монастырь!—указалъ рукой Ѳедоръ на вырѣзавшіеся черными силуэтами на востокѣ монастырскій храмъ и звонницу.

Востокъ, еще не залившійся золотомъ разсвѣта, таинственно закрывался свѣтлою завѣсою. Потянуло вѣтеркомъ навстрѣчу, карбасикъ легко скользилъ по мелкой ряби воды. Все ближе, все яснѣе становился древній монастырь, пережившій болѣе полустолѣтія; еще нѣсколько минутъ, и мы причалили къ мосткамъ.

Въ монастырѣ все уже спало, наступила полночь. Мои гребцы, не только бывавшіе, но и жившіе здѣсь подолгу, юркнули въ помѣщеніе рабочихъ, но прежде провели меня въ комнаты одного

изъ троихъ жившихъ здѣсь монаховъ, считающагося за старшаго; игуменомъ состоитъ самъ архангелогородскій владыка Нафанаилъ, очень рѣдко сюда наѣзжающій.

Едва ли кому-нибудь извѣстно, что Николо-Корельскій монастырь былъ причиной возникновенія нашей торговли съ Западной Европой!

Сильная буря забросила сюда отважнаго морехода-торговца англичанина Ченслера; монахи пріютили его со спутниками, помогли добраться до далекой Московіи, гдѣ предпріимчивый мореходъ сумѣлъ найти ходы и выходы.

Полюбился онъ и царю, и съ торговыми гостями сошелся, завязалъ съ нимъ сношенія и начался „заморскій торгъ"...

Славна обитель и другими историческими воспоминаніями.

Сыновья гордой, властолюбивой Мареы Посадницы, по ея приказу, объѣзжали на стругѣ „морскія волости" Великаго Новгорода и погибли во время бури. Тѣла

ихъ угрюмое море выкинуло здѣсь на берегъ, тутъ ихъ и погребли, а Мареа поставила въ память погибшихъ дѣтей обитель, для вѣчнаго ихъ помину...

Сослала сюда позднѣе Екатерина II извѣстнаго проповѣдника Арсенія Мацѣевича; тутъ онъ и скончался, прикованный къ тяжелой колодѣ. Немало и другихъ неугодныхъ правительству лицъ окончило здѣсь грустные дни въ заточеніи, много безыменныхъ могилъ раскинуто на монастырскомъ дворѣ; толстыя каменныя стѣны келій и казематовъ не разскажутъ своихъ тайнъ, не выдадутъ тяжкихъ вздоховъ и стоновъ узниковъ...

И тутъ, гдѣ тяжелыя оковы держали человѣческую плоть въ неволѣ, гордый умъ не зналъ для себя узъ и заслоновъ, далеко летѣлъ онъ изъ-за обительскихъ стѣнъ, несся свободно по суровому морю, на далекій просторъ...

Заснуть долго мнѣ не удалось; ужъ въ пять часовъ я поднялся и подошелъ къ широкому окну—передъ моими глазами

раскинулись монастырскія пожни, зеленый коверъ ихъ былъ покрытъ бѣлыми и сѣрыми точками. Я схватилъ бинокль и снова посмотрѣлъ... Точки шевелились. Цѣлыя стаи бѣлоснѣжныхъ лебедей, крупныхъ дикихъ гусей гостили здѣсь, подкрѣпляя силы на жирныхъ пожняхъ и готовясь къ дальнѣйшему путешествію на Новую Землю, гдѣ они кладутъ яйца и высиживаютъ птенцовъ. Бродили здѣсь и важные журавли, тоже готовившіеся къ перелету...

— На Божью птицу любуетесь?—услышалъ я голосъ іеромонаха, моего гостепріимнаго хозяина. — Они наши лѣтніе гости, а по зимамъ олени прибѣгаютъ сюда. Прежде тѣмъ и другимъ вольготно было у насъ, никто ихъ не тревожилъ, а теперь вотъ нѣсколько ужъ лѣтъ крестьяне сосѣдскіе черезъ тундры по лежнямъ прибѣгаютъ, бьютъ птицу изъ ружей, одинъ изъ деревни Корода, почитай, воза три никакъ лебедей на саняхъ по лежнямъ отсюда уволокъ!

Пожалѣлъ я этихъ свободолюбивыхъ, гордыхъ птицъ: разрушитель-человѣкъ и здѣсь, въ далекомъ, отчужденномъ отъ людей уголку отыскалъ ихъ и принялся истреблять!

Странное сопоставленіе невольно напрашивалось на мысль: томившіеся здѣсь, въ монастырскихъ темницахъ, узники и вольныя, гордыя дѣти воздуха, тѣ и другіе нашли себѣ здѣсь гибель...

А лѣтопись повѣствуетъ: „1419 года пришедшіе мурманы войною 500 человѣкъ съ моря въ бусахъ и шнекахъ и повоевавши въ Варзугѣ Корельскій монастырь святого Николы... Три церкви сожгли и чернцовъ всѣхъ посѣкли“...

Роковое мѣсто, отмѣченное гибелью!

По океанскимъ волнамъ.

VI.

Исчезъ изъ глазъ длинный островъ Маймаксы, промелькнуло нѣсколько входныхъ башенъ и небольшихъ маячковъ, суша все больше и больше отходила назадъ, темнѣла чуть замѣтной полоской, туманной дымкой, пока не исчезла совсѣмъ. Нашъ пароходъ „Николай II“ былъ оторванъ отъ земли окончательно и плылъ по мутновато-желтымъ водамъ Бѣлаго моря...

Ночью слабо качнула волна, „откликъ стараго волненія“,—какъ назвалъ ее нашъ капитанъ,—а утромъ, когда мы выбрались въ океанъ, благополучно миновавъ сердитый „сувой“ въ „горлѣ“, океанъ,

видимо, утомленный весенними хлопотами по устройству всевозможныхъ шкваловъ, бурь и т. п., ласково покачивалъ нашъ пароходъ, и вчерашніе трусы сегодня прибодрились и съ аппетитомъ принялись пить утренній кофе.

„Трепыханіе“ наше начиналось чрезвычайно пріятно: не вѣрилось, что плывешь по Сѣверному Ледовитому океану, пароходъ буквально скользилъ по изумруднымъ волнамъ его, жара стояла такая, что въ пору тропикамъ, до 35 градусовъ! О жестокихъ испытаніяхъ, со всѣми прелестями качки, при 40° наклона, со всѣми ея послѣдствіями не было и помина!

Къ довершенію всего, судьба оказалась чрезвычайно благосклонна ко мнѣ въ подборѣ моихъ случайныхъ спутниковъ...

Прежде всего капитанъ: вообще командиры морскихъ судовъ отличаются привѣтливостью, но Ф. М. Вальневъ и между ними долженъ считаться однимъ изъ самыхъ привѣтливыхъ и общительныхъ.

чрезвычайно занимательный разсказчикъ, послушать за обѣденнымъ столомъ или за завтракомъ котораго собирались чуть ли не всѣ пассажиры I класса, „старый морской волкъ“ немало чего повидалъ на своемъ вѣку, „протрепыхавшись“ на волнахъ болѣе тридцати пяти лѣтъ, есть чего поразсказать! Все Бѣлое море, весь океанъ въ русскихъ предѣлахъ исчертилъ онъ на всевозможныхъ судахъ, и на пароходахъ, и на парусникахъ, выдержалъ немало штормовъ онъ и на простыхъ шнякахъ... а бодрости, чисто русскаго удальства не потерялъ еще и до сей поры!

Поморъ настоящій!

Цѣлая экскурсія гимназистовъ одной изъ кіевскихъ гимназій, веселыхъ, бойкихъ, какъ бѣлыя мыши, направлялась въ обходное путешествіе вокругъ Нордъ-Капа, чтобы возвратиться домой черезъ Норвегію. Съ ними ѣхали два наставника, чрезвычайно пріятныхъ собесѣдника, и докторъ, типичный хохолъ, оригинальная

фигура, по своему добродушію напоминавшій жюльвернскаго доктора Паганеля... Еще нѣсколько пассажировъ: типичныхъ шведовъ—лѣсопильныхъ заводчиковъ, двѣ-три барышни-туристки, кое-кто изъ администраціи, художники и купцы. Было пестро, порой немного шумно, но въ общемъ уютно и своеобразно весело...

Шли стариннымъ варяжскимъ путемъ, не отдаляясь отъ береговъ Лапландіи въ открытый океанъ, приходилось довольно часто заходить по становищамъ Мурмана.

Еще наканунѣ вечеромъ, при выходѣ изъ устья Двины, солнце точно играло въ прятки; оно спряталось гдѣ-то тамъ, за линіей горизонта, но такъ, что золотой краешекъ его оставался видѣнъ, а черезъ короткое время снова стало подниматься изъ моря. Сегодня же ночью свѣтило не стало уже больше хитрить и хладнокровно продолжало оставаться на небѣ все время, хотя, какъ экономный хозяинъ, не желало слишкомъ много рас-

ходовать своего тепла и свѣта ночью, когда вся природа и люди спятъ...

На полуночное солнце можно смотрѣть, свѣтъ его не слѣпитъ глаза, вмѣсто рѣзкихъ тѣней оно бросаетъ только слабый ихъ абрисъ.

Приближаемся къ Поною, первому становищу на русскомъ Мурманѣ... къ сожалѣнію, имѣется и... норвежскій, когда-то составлявшій тоже наше владѣніе!

Одинъ изъ нашихъ глубокомысленныхъ администраторовъ еще сравнительно недавняго прошлаго, маркизъ де-Траверсе, говоря презрительно про Мурманъ, изрекъ такую истину:

— Здѣсь могутъ жить только пѣтухъ да курица!

Другой ему подобный административный мудрецъ пошелъ еще дальше, категорически заявивъ:

— Что такое Мурманъ? Совершенно ни къ чему ненужный край, дикія скалы, лишайный мохъ! Чѣмъ съ нимъ зря возиться, Россія должна его отдать хотя бы даромъ норвежцамъ, все будетъ выгоднѣе.

Объ имени сего мудреца я умолчу...

Къ счастью для насъ, русскихъ, надъ первымъ мудрымъ изреченіемъ только посмѣялись, а второму совѣту не послѣдовали, хотя все-таки приняли къ свѣдѣнію. Суровое Мурманское побережье осталось во владѣніи Россіи и съ каждымъ годомъ даритъ ей немало изъ своихъ „неисчерпаемыхъ“ сокровищницъ...

Онѣ, дѣйствительно, неисчерпаемы и разнообразны: къ сожалѣнію, не всѣ двери къ нимъ еще отперты, не всѣ ключи къ этимъ дверямъ подобраны! Далеко еще неумѣло извлекаемъ мы эти роскошные дары природы!

Загремѣло въ якорныхъ шлюзахъ, громадный якорь бухнулъ въ океанскія глубины, застопорилась машина, глухо зашумѣлъ отдыхающій паръ-работникъ, къ пароходу спѣшили съ берега карбасы, елы и „пашки“. На палубѣ около трапа столпились высаживающіеся пассажиры.

Среди нихъ знаменитая когда-то піонерка-поморка—Т. И. Куковѣрова, чрезвычайно интересный типъ энергичной женщины, „сидѣвшей“ раньше на маякахъ Мурманскаго побережья; затѣмъ, посадивши вмѣсто себя своихъ выросшихъ сыновей, сама она занялась „промысловою работой“, ловила рыбу, сумѣла выработать пару парусниковъ и на нихъ возила свой уловъ по осени въ Петербургъ; наживала и копила деньги, но фортуна перестала ей улыбаться—Т. И. потеряла на старости лѣтъ весь свой честно заработанный капиталъ... У ней остались, несмотря на ея преклонный возрастъ, до сихъ поръ изумительная энергія, трудолюбіе и увѣренность въ себѣ.

„Матерью лопарей“ называетъ ее весь Мурманъ, и дѣйствительно, едва ли ктонибудь сталъ бы отстаивать и защищать ихъ интересы такъ горячо, какъ Куковѣрова; она печется о нихъ, какъ о своихъ дѣтяхъ.

Спустилась старушка по трапу въ ожидающій ее карбасъ, слѣдомъ за ней молоденькій поморъ швейную машину въ футлярѣ потащилъ. Былъ ли послѣдній плохо закрытъ, или ужъ такому грѣху случиться... машинка выскочила изъ него, сверкнула въ воздухѣ на прощанье и пропала въ зеленой волнѣ! „Зуекъ“ недоумѣвающе держалъ пустой футляръ, кругомъ всѣ смѣялись, мнѣ было жалко бѣдную старуху...

Якорь снова вытянутъ на бортъ парохода, машина заработала, поплыли дальше, къ полудню добрались до Святого Носа. Скептики все еще не вѣрили, что океанъ останется такъ же ласковъ съ нами.

— Теперь ужъ потреплетъ на славу,— говорили со злорадствомъ „бывалые“, довольно потирая руки, точно имъ самимъ доставляло удовольствіе переносить всѣ непріятныя послѣдствія этого „трепанья“.

Нс не хотѣлось, должно быть, мирно настроенному старику-океану сердиться,

„волноваться“ и „выходить изъ себя“ въ буквальномъ смыслѣ слова; онъ попрежнему слабо покачивалъ насъ, не обнаруживая никакихъ злыхъ намѣреній.

Новое развлеченіе для пассажировъ предстояло у слѣдующаго становища—Іоканки. Какой-то поморъ везъ изъ Архангельска на пароходѣ старенькій карбасъ, привязанный на рострахъ; здѣсь его принялись спускать на воду, хозяинъ самъ залѣзъ въ него.

— Ей, ты, тамъ, тресковникъ, вылѣзай, дай сперва спустить!—кричали ему матросы.

— Знай свое дѣло, верти шкивень, а мы про свое ужъ прознали!—огрызнулся онъ.

Одно мгновеніе кольцо, за которое онъ былъ зачаленъ къ лодчонкѣ, не выдержало, карбасъ оборвался съ ростровъ и упалъ килемъ вверхъ въ воду; тамъ ужъ барахтался и его владѣлецъ, успѣвшій схватиться за какой-то конецъ пароходнаго троса.

— Проклятая команда! Ничего толкомъ сдѣлать не могутъ!—кричалъ онъ и ругался, не забывая въ промежуткахъ между ругательствами пѣть „Христосъ воскресе!“

Наконецъ парня удалось выловить изъ воды, и онъ, мокрый до костей, продолжая кричать, побрелъ въ буфетъ согрѣваться...

Неожиданно сгрудились на небѣ тучки, прыснулъ славный, лѣтній дождичекъ, съ палубы точно смело любопытныхъ пассажировъ; дождь сильнѣе забарабанилъ по пустымъ бочкамъ, заставлявшимъ всю палубу и отправляемымъ по становищамъ для засола свѣжей трески...

— Ой, казала тоби мати!—неожиданно раздалось изъ-подъ брезента, свѣшивающагося съ бочекъ; тамъ засѣла „стайка“ веселыхъ гимназистовъ, вмѣстѣ съ своимъ руководителемъ, прекраснымъ музыкантомъ, и докторомъ, басокъ котораго гудѣлъ заблудившимся шмелемъ.

Тучка пролетѣла. Снова на бездонномъ

куполѣ неба неутомимое солнышко, бросающее золотые блики на плывущія лодки и превращающее водяныя брызги отъ ихъ веселъ въ драгоцѣнные камни. Тамъ, дальше, на берегу высятся суровыя громады угрюмыхъ утесовъ, и, какъ жалкія постройки пигмеевъ, ютятся незатѣйливыя постройки промышленниковъ. Повсюду носятся прожорливыя чайки, надоѣдающія рѣзкими криками. Все пространство между пароходомъ и берегомъ покрыто лодками и плавающими бочками, которыя сгруживаютъ прямо въ воду, а промышленники ихъ вылавливаютъ. Оживленная, красивая картина...

Китовый малютка и треска.

VII.

Время на пароходѣ бѣжитъ незамѣтно, тѣмъ болѣе, что не знаешь, когда день, когда ночь, все время солнце на небѣ; кое-кто изъ пассажировъ, проспавъ день, вылѣзъ изъ своихъ коекъ за полночь, изумленно спрашивая:

— Скоро ли будутъ обѣдать?

Но послѣ девяти часовъ пароходный буфетъ запирается, приходится потерявшему счетъ времени прогуливаться ночью по палубѣ голоднымъ!

А между тѣмъ, рядомъ, за бортомъ, океанъ кишащій рыбою; ея такъ много, что на стоянкахъ парохода пассажиры занимались ловлею трески, пикшуя и дру-

гихъ на „поддевку“, т. е. просто забрасывая въ воду двухсторонній крючокъ безъ всякой наживки и только подергивая веревку... минута-другая, и рука ловильщика уже чувствуетъ тяжесть; что-то прицѣпилось на крючокъ. Порывисто тащитъ, и на палубѣ бьется крупный пикшуй или треска...

Киты за послѣднія десять лѣтъ пользуются особымъ международнымъ благоволеніемъ; въ Сѣверномъ океанѣ ихъ не ловятъ, всѣ заводы уничтожены, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже силою; норвежскіе рыбопромышленники сломали всѣ китобойные и салотопенные заводы.

Оказывается, что киты вмѣсто вреда приносятъ промышленникамъ только пользу; они загоняютъ въ мелкія губы наживку, куда она спасается отъ преслѣдованія китовъ, и ее легче ловить. По словамъ ученыхъ, это обстоятельство несправедливо, но споконъ вѣка дознано, что теорія говоритъ одно, а практика доказываетъ совсѣмъ противоположное, сло-

вамъ промышленниковъ придали болѣе вѣры, — киты въ настоящее время могутъ безъ всякаго опасенія прогуливаться въ изумрудныхъ глубинахъ Ледовитаго океана...

Но всякое правило не бываетъ безъ исключеній, то же самое случилось и съ китами.

Одинъ изъ нихъ, еще недостаточно долго понырявшій въ океанѣ, неопытный малютка, отбился отъ своихъ благоразумныхъ родителей, и попалъ въ бѣду... За нимъ погналась цѣлая стая прожорливыхъ касатокъ, больно коловшихъ его нѣжное полосатое брюхо принадлежностями ихъ разбойничьяго ремесла—острыми костяными отростками. Плохо пришлось бѣднягѣ. Загнанный ими въ мелкую бухту, онъ предпочелъ за лучшее выкинуться на берегъ, а тутъ его добили топорами промышленники, такъ и погибъ неопытный китенокъ...

Мнѣ пришлось его осматривать; совсѣмъ еще малютка, всего три съ поло-

виной сажени, и усы не черные, какъ бываютъ у старыхъ китовъ, а бѣлые. Съ нашего парохода съѣхали на берегъ чуть ли не всѣ пассажиры посмотрѣть такую диковинку, а еще недавно, нѣсколько лѣтъ всего назадъ, въ факторіи русскаго китобойнаго промысла, поглотившаго не мало денежныхъ средствъ на содержаніе дорого стоящаго директорскаго персонала, почтенныхъ посѣтителей угощали котлетами изъ китоваго мяса, разумѣется, блюдо это было обильно полито шампанскимъ...

Sic transit gloria... отъ всего предпріятія теперь не осталось и воспоминанія!

Вернулись съ берега, опоздали къ обѣду, остававшіеся на борту пассажиры уже кончали съ нимъ.

Океанъ попрежнему точно завороженъ — лежитъ, какъ успокоившійся страшный звѣрь, зеленыя волны его сонно покачиваютъ пароходъ, точно въ люлькѣ, небо — безъ облачка, на палубѣ жарко, сѣверное лѣто коротко, но дѣйствительно

настоящее лѣто, не вѣрится, что находишься такъ далеко, на 70 гр. сѣверной широты.

Тутъ же на палубѣ бесѣдуютъ два мѣстныхъ дѣятеля: энергичный курляндецъ Спаде и тюленепромышленникъ. Разговоръ о мѣстныхъ нуждахъ и промыслахъ. Спаде успѣлъ въ короткое время завести 5 траулеровъ для ловли трески, а сейчасъ хлопочетъ объ устройствѣ въ бухтѣ Портшнихѣ рыбно-консервнаго завода. Предпріимчивая мысль молодого дѣятеля бѣжитъ еще дальше, онъ предвидитъ въ недалекомъ будущемъ также устройство громадной каменоломни; банки ввѣрились въ него, предпріимчивый Спаде сумѣлъ заинтересовать ихъ своей кипучей дѣятельностью, остановки за деньгами не можетъ быть...

Качаетъ головой, чешетъ себѣ затылокъ его собесѣдникъ,—не привыкли русскіе люди такъ широко раскидываться, да еще въ такое короткое время.

— Ой, не оборвись, Карлъ Юльевичъ!—

шепчетъ,—больно ты въ ширь пошелъ, приглядись сперва, на одномъ дѣлѣ поукрѣпись, дается оно тебѣ, ну дѣлай пока его!

Не таковъ Спаде, чтобы медлить; жизнь не ждетъ, медлить грѣшно. Изъ хорошей школы вышелъ этотъ человѣкъ, съ покойнымъ адмираломъ Макаровымъ на „Ермакѣ" плавалъ, правой рукой ему былъ... Въ Новый Свѣтъ не разъ слеталъ, Цусиму пережилъ, все испыталъ, былъ и „на конѣ и подъ конемъ", ничто его не пугаетъ, смѣло глядитъ впередъ, посмѣивается только, въ сѣрыхъ глазахъ настойчивые огоньки бѣгаютъ; такого человѣка не убѣдить словами, все хочетъ самъ испытать, увѣриться...

— Чудакъ, право, ты, Михаилъ Дмитріевичъ, къ чему мнѣ ждать-то? Посмотрѣлъ бы ты, какой у меня въ Портшнихѣ водопадъ имѣется, жаль даже, что ни къ какой работѣ неприспособленъ; зря водой шумитъ! А тутъ его я къ дѣлу приставлю, динамо устрою, верти себѣ ее, нагоняй электричество! Да что еще, лѣсопилку поставлю, клепку пилить стану,—увѣренно говорилъ Спаде, заражая своей увѣренностью и энергіей и другихъ, прислушивавшихся къ его словамъ.

Эхъ! если бы намъ, русскимъ, столько энергіи и увѣренности въ самихъ себя, въ свои силы, иначе бы смотрѣли всѣ эти богатѣйшіе, но заброшенные углы нашей родины!

Снова въ морѣ, проходимъ становища съ оригинальными наименованіями: Красная Щелья, Тюва... имѣются и попроще: Захребетное.

Остановки не частыя, въ мелкихъ становищахъ нашъ „Николай" не останавливается, иной разъ по долгу не бросаетъ якоря; въ Гавриловкѣ только остановились и то далеко отъ берега, верстахъ въ двухъ, на моторѣ туда перебрались вмѣстѣ съ почтой, оттуда на карбасѣ насъ вывезли. Въ становищахъ грязь, вездѣ валяются тресковыя головы отъ мелкой рыбы, крупныя же висятъ длин-

ными рядами на веревкахъ, ихъ сушатъ, а затѣмъ везутъ въ Архангельскъ, гдѣ на нихъ имѣется особый покупатель— скотоводы; они отпариваютъ эти головы и отваромъ поятъ скотъ,—говорятъ молоко дѣлается гуще и жирнѣе...

Вдали показались Кильдинскія скалы, суровыя съ виду; точно кольцомъ окружили онѣ глубокую бухту и ровной грядою побѣжали вглубь материка. Красиво вздымается громадный утесъ „Быкъ“, —какъ его здѣсь называютъ, точно старинный замокъ высится на его вершинѣ, зубцы грозныхъ стѣнъ и башенъ рѣзко вырѣзались на фонѣ блѣднаго, безоблачнаго неба...

Еще выше пріютилась маленькая капелла, чудится крохотный крестъ надъ нею, проемы колокольни...

Пароходъ бѣжитъ дальше; фантастическіе силуэты мало-по-малу сглаживаются, суровый утесъ могуче выступаетъ въ своемъ величіи... засмотрѣться можно... Здѣсь очертанія горъ красивѣе,

чѣмъ на ранѣе миновавшихъ берегахъ, грознѣе, оригинальнѣе...

Для промышленниковъ выдалась хорошая недѣля, ловъ рыбы очень большой, наживка доставлена во-время, на берегу кипитъ работа, поморы свѣжуютъ рыбу, приготовляютъ для посола. Ловко, однимъ взмахомъ остраго, какъ бритва, ножа, отрѣзаетъ „промысловый“ голову трескѣ, пикшую... Еще не уснувшая громадная пестрая зубатка пытается схватить его руку зубами, но голова ея летитъ прочь. Осторожно отрѣзается печень трески, эта вкусная часть рыбы, и кидается въ особую бочку, „макса“ идетъ на аптекарскій тресковый жиръ, отъ котораго въ дѣтствѣ отворачивались мы съ такимъ непріязненнымъ чувствомъ. Запахъ стоитъ повсюду тяжелый, съ трудомъ выдержать. Въ плохо слаженной хибаркѣ сварили для насъ уху изъ свѣжаго пикшуя и тресковой „максы“,— изумительно вкусная, жирная; золотисто-нѣжный цвѣтъ ухи поспоритъ съ стер-

ляжей, да и по вкусу она ей не уступитъ.

— Хотя не уха, а „примитивъ“,—отдуваясь, говоритъ одинъ изъ пассажировъ, протягивая снова ложку къ общему котелку,—но по вкусу ее превосходитъ!

Около парохода цѣлое скопище лодокъ; поморы о чемъ-то просятъ, чуть не молятъ... водки, хоть одну-двѣ бутылочки!

Буфетчикъ, съ виду неумолимъ, отмахивается руками, но скоро почему-то изъ-за пазухи просильщиковъ начинаютъ выглядывать красныя головки „монопольки“, и рыбаки мирно отчаливаютъ отъ борта парохода. Одного изъ нихъ, болѣе неаккуратнаго, урядникъ, ѣхавшій съ нами съ цѣлью наблюденія за недопущеніемъ продажи вина въ становища, успѣлъ уловить, но поморъ быстро кинулъ бутылки въ океанъ и онѣ, покачиваясь, болтыхались на водѣ.

— На, выкуси!—торжествующе проговорилъ промышленникъ, обращаясь къ блюстителю трезвости и, торжествующе спускаясь въ баркасъ, показалъ ему выразительный знакъ...

О. Константинъ и финнъ-пасторъ.

VIII.

Второй часъ ночи, а солнце попрежнему стоитъ на горизонтѣ и заливаетъ бѣловатымъ, металлическимъ свѣтомъ и небольшую морскую губу, съ легкой рябью на зеленоватой поверхности ея, и оба парохода: „Императоръ Николай II“ и „Преп. Трифонъ“, на который я перебрался, чтобы объѣздить становища Мотовскаго залива, посѣтить Пазъ-рѣку и Печенгскій монастырь и, когда „Николай II“ вернется обратно изъ Варде, снова перебраться на него.

Отливъ уже начинается; замѣтно, какъ оголяются отъ воды прибрежныя скалы...

Вонъ выглянула черная проплѣшина подводнаго камня... За нимъ потянулась цѣлая каменная гряда, съ полегшими на нее длинными водорослями. Дохнуло іодистой волной отъ убѣгавшей все больше и больше воды...

— Надо торопиться уходить на глубь,—слышу я за собой голосъ моего новаго капитана; грузная фигура его чувствуется рядомъ со мною.

Запищала якорная цѣпь, „заворковала“ въ шлюзахъ, вздохнула притаившаяся машина, и „Преп. Трифонъ“ началъ грузно уплывать съ отливомъ въ океанъ...

Послѣ дневныхъ скитаній по становищамъ мы добрались къ вечеру въ губу Пазъ-рѣки.

Волшебная перемѣна... Голые холмы Мурмана, мимо которыхъ мнѣ приходилось до сихъ поръ плыть, смѣнились красивыми горными скатами, точно сплошной зеленой волной, залитыми частымъ невысокимъ лѣсомъ, луговыми прорѣзами съ вкрапленною въ нихъ массою желтыхъ

и бѣлыхъ цвѣтовъ. Среди зелени прячутся красные домики, бѣгутъ цѣпью телеграфные столбы... Въ бинокль вижу, какъ пылитъ узкая полоска длиннаго шоссе...

— Не сплю ли я?—невольно задаю я себѣ вопросъ,—неужели это 70 параллель сѣверной широты, скорѣе это средняя полоса Россіи!

Въ карбасъ садятся пасторъ-финнъ съ своимъ кистеромъ, тащащимъ на плечѣ большой ящикъ, обитый тюленьей кожей... Въ немъ пасторское облаченіе, книги служебныя и Св. Дары,—пасторъ совершаетъ поѣздку по дальнимъ поселкамъ своихъ единовѣрцевъ для духовныхъ требъ послѣднихъ.

Тучный финнъ сразу огружаетъ небольшую лодку, садится еще какой-то мужчина, съ нимъ трое малютокъ, плохо одѣтыхъ, немытыхъ; они боязливо глядятъ, точно загнанные звѣрьки. Отецъ храбрится, но видимо, что всѣмъ имъ живется очень плохо; я замѣтилъ, какъ онъ просилъ у пароходнаго повара дать

ему кусокъ-другой хлѣба, чтобы накормить голодныхъ дѣтей; они не просятъ у отца, но только печально глядятъ на него...

Семейная драма: женѣ надоѣла бѣдность; она сбѣжала отъ мужа въ Архангельскъ, бросивъ его и дѣтей; мужъ, отъ неожиданно свалившагося на него несчастія, впалъ въ тихое помѣшательство, бросилъ службу и отправился съ дѣтьми неизвѣстно куда и зачѣмъ...

— Тутъ нужно спрятать свое лицо отъ маленькихъ убійцъ!—авторитетно замѣтилъ толстякъ-пасторъ, напяливая на голову комичный накомарникъ изъ зеленаго тюля съ обручами; въ немъ онъ сталъ походить на фантастическаго Брекекэкса, съ безформенной лягушечьей головой. Комары, дѣйствительно, нещадно принялись жалить лицо и руки, трудно было отъ нихъ отбиваться, а финнъ добродушно посмѣивался и повторялъ:

— Это я зналъ, въ Библіи сказано,

что Моисей послалъ фараону мухей, вотъ этихъ комарей!

Плыть пришлось довольно долго; приливъ уже кончился,—океанъ уже двигался обратно, выгрести двѣ-три версты гребцы могли только часа въ полтора... Плыли среди зеленыхъ береговъ, вдалекѣ блеснуло золото креста на храмѣ, пасторъ сейчасъ же пояснилъ:

— Очень старый русскій кирка, и тоже старый пасторъ въ ней служитъ, я его знаю хорошо, онъ пришелъ сюда много годовъ, тридесять-четыредесять годовъ, но лопари его любятъ, слушаются теперь, ну, а потомъ... и онъ махнулъ рукою, — потомъ, пожалуй, по другому станется...

Вотъ къ этому древнему священнику—здѣшнему старожилу, о. Константину Щеколдину, живой лѣтописи этого далекаго края, я и направился; мнѣ сообщили, что никто другой не можетъ такъ много поразсказать о прошломъ этого заброшеннаго среди норвежскихъ владѣній

уголка, какъ онъ, прожившій здѣсь сорокъ пять лѣтъ, знающій все и всѣхъ...

Маленькій храмъ, построенный самимъ преп. Трифономъ, закрытъ деревяннымъ чехломъ... Какъ проста эта древняя церковка, безъ пилы и другихъ современныхъ инструментовъ строенная... Только одинъ топоръ поработалъ надъ ея сооруженіемъ. Преподобный самъ срубилъ въ лѣсу бревна, приладилъ ихъ, вывелъ незамысловатую крышечку, топоромъ же обтесалъ доски для пола, неровныя, волнистыя, вставилъ слюдовое окошечко, дававшее крохотный лучъ свѣта, и началъ служить Божьи службы для дикихъ лопарей, дѣтски-наивныхъ, не имѣвшихъ до сихъ поръ понятія о Богѣ невидимомъ, но живущемъ въ каждой былинкѣ, въ каждомъ дуновеніи вѣтра...

Такой же крохотный, какъ свѣтъ, проникающій черезъ слюдяное оконце, слабо мерцающій огонекъ сознанія и вѣры затеплился въ душѣ этихъ дикарей, и не погасъ...

Полный, громаднаго роста старецъ вышелъ ко мнѣ навстрѣчу, высокая грудь его вся тряслась отъ удушья, желтоватое лицо говорило о болѣзни о. Константина.

— Радъ человѣка повидать въ нашей пустынѣ, только лѣтомъ и видишь чужихъ, а наступятъ вѣтры, бури, никто къ намъ и не заглянетъ!—тяжело дыша, проговорилъ онъ, усаживая меня пить чай.

Трудно было говорить старому іерею, докторъ велѣлъ молчать, но живое слово срывается съ губъ его, хочется поразсказать пріѣзжему о всѣхъ мѣстныхъ невзгодахъ, нуждахъ, словомъ-другимъ перемолвиться...

Старушка, супруга его, захлопотала съ угощеніемъ, но времени у меня мало, надо поспѣть посмотрѣть еще Лопарскій водопадъ, на аренду котораго такъ настойчиво претендуютъ ближніе сосѣди—норвежцы, имъ онъ необходимъ для работъ динамо-машинъ, дробящихъ въ сосѣднемъ Киркенесѣ желѣзную руду...

Нужно спѣшить, отливъ уже начался, а то изъ-за камней и мелей не попасть на пароходъ,—рано утромъ онъ уже снова уходитъ въ море.

— Сами видите, какъ живемъ,—говорилъ съ трудомъ о. Константинъ,—кругомъ все норвежцы переманиваютъ нашихъ православныхъ лопарей: „идите, молъ, въ нашу вѣру, она вамъ сподручнѣе, да выгоднѣе, всякую работу вамъ предоставимъ и такъ денегъ дадимъ... Старики то еще держатся, отъ православія не отступаютъ, а молодымъ все равно, какая бы ни была вѣра! Кое-которые поотстали, но мнѣ сказать боятся, хотя знаю, что такъ... Водкой тоже сманиваются, у норвежцевъ ромъ больно крѣпокъ!

Сторожъ Антонъ, изъ приходскихъ лопарей, свелъ меня къ водопаду... Большой водоскатъ, около тридцати тысячъ силъ, а то и больше, опредѣляютъ...

Работу можетъ справлять и для насъ русскихъ, дѣло ему найдется, только бы нашлись люди, желающіе приняться за дѣло...

— Да, господинъ, у насъ въ погостѣ считается полтораста человѣкъ,—разсказывалъ мнѣ сторожъ, — старики наши еще ходятъ въ церковь, изъ молодыхъ же немногіе, а теперь, какъ батюшка боленъ и не служитъ, совсѣмъ поотстали,— шибко манятъ норвежане къ себѣ...

Красивая новая церковь во имя св. Бориса и Глѣба построена тутъ же рядомъ сравнительно недавно, ея-то крестъ видѣлъ я, подъѣзжая сюда; она тутъ нужна не только для духовныхъ нуждъ заброшеннаго далеко православнаго уголка, но какъ крѣпкій, незыблемый столбъ русской границы; безъ стариннаго храма преп. Трифона Норвежцы давно бы захватили всѣ эти земли себѣ, удержалъ ихъ только этотъ явный знакъ, что земля наша исконно-русская...

Еще Грозный царь, слушая разсказы

пустынниковъ о крайнихъ предѣлахъ своего царства, гдѣ лѣтомъ свѣтитъ солнышко въ полуночь, а зимою сверкаютъ на небѣ огненные „сполохи“, о живущей тамъ дикой Лопи, о чудовищѣ рыбѣ-китъ и о прочихъ „чудахъ“ далекаго края, „наказъ строгій далъ“, чтобы тамъ православную церковь соорудили, какъ знакъ, что земля это русская и „людьми датскаго круля не должна въ захватъ идти“.

Нигдѣ столь множества рыбы не видано, какъ здѣсь на Пазъ-рѣкѣ, говоритъ одинъ изъ старинныхъ ходоковъ на Мурманъ, посѣщавшихъ разрушенную обитель преп. Трифона. Лопари называли эту рѣку „Baiss“ (Святая), такъ какъ преп. Трифонъ крестилъ ихъ въ ней. По созвучію русскіе передѣлали это названіе въ „Пазъ-рѣку“...

Весь пароходъ былъ погруженъ въ глубокій сонъ, когда сторожъ Антонъ привезъ меня обратно.

Послѣ грязи мурманскихъ становищъ

чистенькій Киркенесъ кажется настоящимъ европейскимъ городкомъ. И дома, хотя деревянные, но красиво выстроенные, настоящіе магазины, гдѣ можно все найти, булочныя, кофейныя, всевозможныя лавки и мастерскія; прекрасныя шоссейныя мостовыя, садики, чисто одѣтая толпа на главной улицѣ, трезвая, почтительно уступающая дорогу дѣтской колясочкѣ... и отсутствіе винныхъ лавокъ!

Городъ молодой, всего шесть лѣтъ какъ возникшій, но уже теперь могущій служить примѣромъ чистоты и порядка; даже присутствіе большого количества рабочихъ, занятыхъ на недавно устроенномъ громадномъ рудодробильномъ заводѣ „Süd Yaranger", не вноситъ безпорядковъ и какихъ-нибудь скандаловъ.

Другихъ русскихъ пассажировъ, кромѣ меня, на „Преп. Трифонѣ" нѣтъ; горожане подозрительно посматривали на меня, когда я нѣсколько разъ проходилъ по главной улицѣ городка съ нашимъ штурманомъ и заходилъ въ лавки.

— Словно киркенесцы никогда еще не видали русскихъ?—изумился я подобному вниманію къ моей персонѣ со стороны горожанъ и спросилъ штурмана. Мой спутникъ хитро подмигнулъ мнѣ и, наклонившись чуть ли не къ самому уху, тихо шепнулъ:

— Имъ думается—не русскій ли вы шпіонъ! Они чуть не во всѣхъ пріѣзжихъ видятъ непремѣнно шпіона, втемящилось имъ въ голову, что мы хотимъ отнять отъ Норвегіи весь Варангерскій заливъ и дальше по побережью... Попробуйте, остаться здѣсь день-другой—ни минуты не дадутъ покоя, все будутъ къ вамъ ходить да разспрашивать, сперва исподволь, а тамъ и до сути доберутся, пожалуй и обыскивать станутъ! Бывали и такіе случаи...

Но я не хотѣлъ поддразнивать „добрыхъ сосѣцей" и скоро перебрался на бортъ нашего парохода.

Въ каютѣ оказался новый пассажиръ, видный пожилой брюнетъ, очень похожій

на... знаменитаго Баттистини. Необыкновенно кричащій ярко-оранжевый галстукъ былъ на немъ артистически повязанъ, на пальцахъ перстни съ камнями, черные глаза перебѣгали съ одного предмета на другой... Я заинтересовался этой личностью, спрашиваю.

— Извѣстный въ здѣшнихъ мѣстахъ лекарь шарлатанъ, выдаетъ себя за итальянца, норвежцы ему вѣрятъ, но не совсѣмъ, косятся, а финны считаютъ его прямо какимъ-то изумительнымъ ученымъ врачомъ, каждаго его слова слушаются, если заболѣютъ, къ доктору настоящему не пойдутъ, а къ нему побѣгутъ,—разсказывалъ мнѣ штурманъ,—обдираетъ онъ ихъ ужасно, за свои снадобья рублей по восьми беретъ за разъ, самъ ихъ онъ и мѣшаетъ и сливаетъ, для пущей важности непремѣнно въ полночь!

На мой вопросъ по-итальянски знахарь кое-какъ по-нѣмецки отвѣтилъ, что онъ такъ давно уѣхалъ изъ Сициліи, что даже позабылъ родной языкъ, вскорѣ

же я убѣдился, что онъ былъ просто цыганъ, обманывающій наивныхъ паціентовъ и обирающій ихъ. Когда въ Александровскѣ на пароходъ явились цыгане-лудильщики, шарлатанъ превосходно заговорилъ съ ними на горловомъ нарѣчіи этого кочующаго народа!

Финну-пастору грозила кутузка. Его поѣздка, какъ оказалось, была временнымъ бѣгствомъ изъ города; онъ побилъ одну изъ своихъ прихожанокъ за то, что она позволила своему сыну учиться въ русской школѣ и дружить съ своими русскими товарищами.

Русскій самородокъ архим. Іонафанъ.

IX.

Небольшой моторный ботъ торопливо заскользилъ по водяной глади Печенгской губы, немудреный монашекъ управлялъ имъ...

Сидѣть тѣсно, вездѣ расположились богомолки, ѣдущія къ преподобному Трифону въ обитель; ихъ кузовки и котомки заняли много мѣста. Женщины, противъ обыкновенія, сидятъ молча, на лицахъ ихъ отпечатокъ какой-то затаенной мысли, съ бабами ѣдутъ два подростка, тоже присмирѣвшіе и пугливо посматривающіе на машиниста-монаха.

— Ты чего это насупился, Васятка?— вышла изъ молчанія одна изъ жен-

щинъ:—на доброе дѣло тебя везу, послужить преподобному. Ревѣть-то нечего, не всегда въ обители останешься, о тотъ годъ за тобой пріѣду, возьму домой! По обѣщанію отдаю паренька на годокъ преподобному,—обратилась она ко мнѣ съ поясненіемъ.—Раньше все чтой-то онъ у меня хворалъ, а вотъ какъ обѣщалась, такъ и болѣсть всю, какъ рукой, сняло...

— Это всегда такъ бываетъ,—скрипучимъ голосомъ отозвалась другая и погладила своего сына по головѣ, смахивая концомъ платка слезинку у мальчика.

— Тутъ ужъ въ лодочку переберитесь, не подойти мотору-то къ берегу,—предупредилъ машинистъ въ рясѣ, указывая на привязанную къ колу лодку.

Чуть ли не до самыхъ краевъ погрузили пассажиры послѣднюю, все-таки всѣ помѣстились сразу, бойкій „годовичекъ“, помощникъ монаха заработалъ веслами.

— Дѣловито устроенный поселокъ!—

мелькнуло у меня въ мысляхъ при взглядѣ на раскинутыя на берегу постройки. Только красиво поставленный на холмикѣ храмъ говорилъ, что здѣсь монастырь. Немного дальше, въ концѣ губы шумѣлъ небольшой водопадъ, губа переходила въ рѣчку...

— Ужъ и хлопотливъ нашъ отецъ настоятель, покоя себѣ не видитъ, все бы ему только работать, да думу на новыя работы держать,—какъ то особенно почтительно разсказывалъ мнѣ гостиничникъ-инокъ про архимандрита Іонафана, отдавшаго всего себя на благоустройство еще недавно возстановленной обители.— Чего-чего только не понастроилъ онъ у насъ, какихъ дѣлъ не надѣлалъ!—продолжалъ разсказывать монахъ:—и телефонъ въ старый монастырь провелъ, и свѣтить электричествомъ водопадикъ нашъ заставилъ, мастерскія тоже разныя на „ходъ“ имъ же пущены, тотъ вонъ монахъ, что васъ на моторѣ сюда доставилъ, все и облаживаетъ, самоучка

вѣдь, а дошелъ до всего! Да какъ у нашего о. Іонафана не дойти, онъ самъ все лучше—лучшаго понимаетъ, разумную голову Творецъ ему далъ!

Пришлось невольно согласиться съ гостиничникомъ, что настоятель дѣйствительно богато одаренный Богомъ человѣкъ, онъ сумѣлъ использовать и водяную силу, и электричество, умѣло примѣняетъ человѣческій трудъ, заботится о монастырскомъ хозяйствѣ, какъ настоящій домовитый крестьянинъ, у котораго не пропадетъ ни одна щепка...

Изъ-подъ сѣдой шапки густыхъ сѣдыхъ волосъ на меня пристально уставились умные сѣрые глаза, когда я вошелъ въ небольшой домикъ настоятеля и засталъ архимандрита, писавшаго что-то за столомъ.

— Что-жъ, лошадокъ сейчасъ вамъ дадимъ,—услышалъ я его мягкій голосъ, когда спросилъ благословеніе съѣздить въ старый монастырь, лежащій отъ бе-

рега въ пятнадцати верстахъ,—помолитесь, посмотрите...

Превосходно выкормленные кони, запряженные въ линейку, быстро повезли меня и двухъ моихъ случайныхъ спутниковъ по хорошо укатанной дорогѣ; старичекъ возница-монахъ съ трудомъ могъ ихъ сдерживать.

— Самъ батюшка о. Іонафанъ старался,— указывая на дорогу, говорилъ старичекъ,— по зимамъ канавы глубокія по сторонамъ рыли, до песочнаго грунта добирались, чтобы, какъ послѣ поотгаетъ лѣтомъ-то, сырь эту самую повыжмало, и вода сквозь песокъ внизъ уйдетъ... вѣрно такъ и было, всѣ болотины пообсохли. А тамъ зачали мохъ сверху срывать, да навозъ возить, съ торфомъ этимъ перемѣшали и травы разныя засѣяли. Гляньте-ка, трава-то сколь высока, по грудь мнѣ будетъ!

Я невольно залюбовался прекраснымъ лугомъ, тянувшимся по обѣимъ сторонамъ дороги; трудно было повѣрить, чтобы такая трава могла вырасти такъ далеко на сѣверѣ; передъ моими глазами разстилался лугъ средней полосы Россіи.

— А зимою-то все съ фонарями работать приходится, цѣлыхъ два мѣсяца солнышка краснаго не видимъ! О. архимандритъ съ прочей братіей вмѣстяхъ работаетъ, чтобы примѣръ показать; онъ у насъ не бѣлоручка, да что говорить про него: гору срылъ!

Подивился я на такое упоминаніе, просилъ разсказать...

— Да такъ и срылъ! Не нужна она ему оказалась, подъ другое дѣло мѣсто требовалось, ну, благословясь и принялись наши монахи... живо срыли.

Не мало пришлось мнѣ изумляться и въ самомъ монастырѣ, не похожемъ на обитель, какъ мы ее себѣ представляемъ обыкновенно... Нѣтъ и плотныхъ стѣнъ вокругъ, какъ бы отчуждающихъ монастырь отъ „міра", отсутствуютъ и „златоверхіе" храмы, только одна небольшая церьковь стоитъ на берегу рѣки, русло

которой тотъ же неутомимый архимандритъ направилъ по другому направленію, а тамъ, гдѣ она текла раньше, раздѣлалъ подъ огородныя гряды, темная картофельная ботва затянула ихъ сплошь.

Не то ферма какая-то, не то поселокъ разумно разбитый и построенный; все на своемъ мѣстѣ, и большіе рубленные сараи для скота, и двухъэтажный корпусокъ для братіи, большой домикъ отведенъ подъ мастерскія, временно онѣ пустуютъ, ихъ перевели въ новый монастырь, тамъ обстраиваются, тамъ въ нихъ нужда...

Такія же небольшія, простенькія, но теплыя гостиницы, приспособленныя для незатѣйливыхъ богомольцевъ изъ крестьянъ, ютятся недалеко отъ церкви. Сама она невелика, задняя часть осталась древняя, спереди же пристроили новую. Въ ризницѣ—древнія ризы, въ которыхъ служилъ самъ преподобный Трифонъ, есть сосуды, даренные царями московскими...

Мощи преподобнаго въ старой церкви.

Трудно вѣрится, что еще недавно, всего нѣсколько лѣтъ назадъ, вся эта цвѣтущая долина была пустынной торфяной тундрой, на которой кромѣ моха, ядовитой „боли голова“ да морошки ничего не росло!

Сколько энергіи и силы воли должно быть въ человѣкѣ, чтобы рѣшиться воздѣлывать такой угрюмый сѣверный уголъ... Русскій самородокъ, простой монахъ рѣшился и воочію показалъ, что можно сдѣлать настойчивостью и увѣренностью въ самомъ себѣ. Пріѣзжали въ монастырь норвежскіе епископъ и нѣсколько пасторовъ, они хотѣли сами убѣдиться въ подобномъ чудѣ... Все осмотрѣли, все обошли, поразспросили, а потомъ и сказали архимандриту:

— Только теперь мы поняли, что можетъ сдѣлать энергія и упорный трудъ!

Ничего не забылъ о. Іонафанъ; въ обители имѣется школа, въ которой учатся по зимамъ дѣти сосѣднихъ лопарей и

находящіеся въ обители „годовики“, учатъ ихъ и разнымъ ремесламъ, чтобы, вернувшись домой, въ деревню, такой монастырскій труженикъ могъ бы самъ все дѣлать.

„Эхъ, если бы я могъ,—пишетъ въ книгѣ, имѣющейся въ монастырѣ для записей, одно высокопоставленное лицо,—снялъ бы я рясу съ о. Іонафана да въ министерскій обрядилъ бы его мундиръ! Для такой головы слишкомъ мелка монастырская работа“.

Но „работа“, которую вершитъ архимандритъ, вовсе не такъ ничтожна и незамѣтна, онъ сдѣлалъ многое—поставилъ обитель русскимъ форпостомъ на иноземной границѣ, перешагнуть норвежцамъ этотъ форпостъ нельзя, тутъ русская земля, здѣсь Русью пахнетъ!

Это хорошо знаютъ наши сосѣди и все-таки уважаютъ энергичнаго монаха, стараются даже подражать ему въ его изумительномъ превращеніи тундры въ превосходныя пожни.

Чудной, жирной ухой изъ свѣжей семги накормили меня въ монастырской гостиницѣ, у обители имѣются свои семужьи ловы, а не такъ давно правительство передало монахамъ и Айновскіе острова, на которыхъ гаги высиживаютъ птенцовъ; остающійся въ пустыхъ гнѣздахъ драгоцѣнный пухъ собираютъ живущіе на островахъ монахи и правильно ведутъ все дѣло. Раньше, когда острова были оставлены безъ надзора, норвежцы хищнически разоряли гнѣзда и убивали самихъ птицъ, число гнѣздъ оставалось тогда только 35, въ настоящее же время ихъ уже 2,000, птицы возвратились въ большомъ количествѣ.

На берегу, около водопада, гдѣ когда-то стоялъ древній монастырь, сожженный въ 1590 году шведами, перебившими братію, теперь возникаетъ новая обитель; о. Іонафанъ, не покладая рукъ, возводитъ здѣсь постройки, устраиваетъ новыя мастерскія, примѣняя вездѣ къ нимъ водяную силу, обращенную динамо-

машиною въ электрическую... Монастырь растетъ, являясь прекраснымъ культурнымъ центромъ, вокругъ котораго сосредоточиваются мало-по-малу всѣ православные лопари.

Бѣлая ночь не даетъ уснуть, да и времени немного, скоро нужно возвращаться на берегъ, иначе начнется отливъ и не попадешь на пароходъ...

По бревенчатому мостику прогремѣли колеса дрожекъ, пріѣхалъ самъ архимандритъ. Ему и здѣсь не мало дѣла, необходимъ свой глазъ, зоркій, хозяйскій. Ряска только сверху наброшена, подъ нею рабочая куртка изъ толстаго сукна, гдѣ тутъ въ рясѣ-то работать, запутаешься!

— Поглядѣли?—на ходу спрашиваетъ меня: — хаять насъ не станете?

И самъ спѣшитъ въ братскій корпусъ, чтобы переговорить съ о. казначеемъ, отдать ему новыя приказанія, а часамъ къ девяти, а то и раньше, поспѣть въ новый монастырь къ утрени...

Кипучая, не знающая устали дѣятельность, спать некогда, развѣ на часъ-другой забудется дремотой престарѣлый архимандритъ, да и то мозгъ не спитъ, все работаетъ, „созидаетъ“, о пользѣ обители не перестаетъ „пещись“... о ней всѣ заботы и думы старика... да о славѣ Россіи.

Настоящій сынъ своей родины!

Рѣзкіе абрисы Спасительной горы, гдѣ скрывался отъ враговъ пр. Трифонъ, сгладились, расплылись подъ блѣднымъ свѣтомъ ночного солнца; хоть свѣтитъ оно, но далеко не по-денному — мертво какъ-то, безъ тѣней... безъ жизни... Только что добрались до берега, случилась бѣда. Здоровые, хорошо выкормленные монастырскіе кони не то испугались чего-то, не то запутались въ постромкахъ, понесли пустой экипажъ, старичокъ-возница въ разодранной рясѣ вприпрыжку побѣжалъ за ними...

Ударили колесомъ о телеграфный

столбъ, еще больше испугались... все поразбили, линейка вдребезги, кое-какъ удалось остановить... храпятъ, ушами прядаютъ, обезумѣли, дико косятся налитыми кровью глазами... Отливъ начался уже давно, вода ушла, тамъ, гдѣ мы остановились на моторѣ,--гряда камней...

Приходится идти пѣшими до поселка Баркина и уже оттуда перебираться на лодкѣ. Все кругомъ еще спитъ, тихо, ни шелеста, ни звука...

Въ маленькомъ домикѣ—подворьѣ монастыря въ поселкѣ--раздобыли небольшой карбасикъ, поплыли одни, приходилось плыть осторожно, — легко сѣсть на мель.

Начался приливъ, выгребать противъ воды трудно, кое-какъ добрались до Трифонова ручья. Пароходъ еще не приходилъ. Дальнiй путь, безсонная ночь сказались, дремлется, глаза отяжелѣли, сонъ сморилъ... тутъ же на прибрежныхъ камняхъ я и уснулъ.

Опять величественный просторъ океана, зеленая волна и далекая панорама береговъ... Чудно!

За анкерокъ золота.

X.

Давно съ завистью поглядывали норвержцы на русскую Лапландію, не разъ пытались они захватить, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, хотя бы частицу ея, сосѣднюю съ ихъ владѣніями, да упоренъ былъ русскій царь, не хотѣлъ поступаться даже краюшкомъ родной земли...

Послалъ нарочно въ этотъ далекій край своихъ бояръ для тщательнаго осмотра и провѣрки русской границы.

Все, какъ слѣдъ, они осмотрѣли, въ порядокъ привели, границу правильную съ сосѣдями протянули, утвердили по старымъ записямъ, да по словамъ ста-

рыхъ людей, рѣкою Паесъ отдѣлились отъ скандинавовъ, по самое устье ея прошли, сосѣди словомъ противъ такого раздѣла не обмолвились: вѣдомо самимъ было, что такъ оно и есть...

А когда датчане пытались отнять отъ лопарей половину рѣки Полной, то по повелѣнію царя Бориса Ѳеодоровича былъ посланъ датчанамъ отвѣтъ о томъ, что „лопская земля искони вѣчная отчина государей русскихъ“.

Не успокоились скандинавы подобнымъ отвѣтомъ, стали упрашивать царя уступить имъ всю Лапландію, причемъ посламъ датскаго короля Христіана IV указывалось: „Если царь не уступитъ ея, или извѣстную часть, то должны они предложить 50,000 талеровъ за уступку всего края, а буде онъ и на это не согласится, то предложить ему раздѣлъ полюбовный, чтобы сѣверная часть отошла къ королю, а южная къ царю“.

Но и на это не согласился государь русскій, только, при заключеніи Стол-

бовскаго мира, въ 1617 году, шведы захватили русскія земли отъ губы Червляной (Гондвика) до Вересъ-Наволока. Такъ и оставалось до начала прошлаго столѣтія...

Въ 1826 году, въ мирное время, совершенно неожиданно шведамъ были отмежеваны наилучшіе, незамерзающіе заливы: Пазрѣцкій, Нявдемскій и Ровдинскій; добрые сосѣди получили не больше, не меньше, какъ 800 кв. верстъ искони русской земли, съ населеніемъ, состоящимъ изъ православныхъ лопарей, и съ древней часовней, построенной собственноручно пр. Трифономъ, ихъ просвѣтителемъ!

Около двадцати лѣтъ велась переписка, никто не зналъ, какъ это произошло, чья вина, немало исписали бумаги та и другая сторона; шведамъ и норвежцамъ пришлось употребить немало усилій, чтобы доказать свою правоту въ этомъ дѣлѣ, хотя это была очень сомнительная правда, письменное выраженіе согла-

сія русскихъ лопарей на переходъ ихъ земель во владѣніе Норвегіи и Швеціи; хотя, какъ это потомъ выяснилось, подписи подъ этимъ актомъ были совершенно другихъ лопарей, жившихъ далѣе 1.000 верстъ отсюда, безграмотныхъ и не имѣвшихъ никакого понятія объ этихъ земляхъ...

Такъ и потеряла Россія свою исконную землю, одни названія въ которой ясно говорятъ, что она русская: Хлѣбная, Червяная, Вересъ, Нявдема, Косая и т. д.

Совсѣмъ иначе происходило это возмутительное дѣло, никакихъ согласій со стороны русскихъ лопарей никто не спрашивалъ, не отбиралъ ихъ подписей, а сыгралъ въ этомъ случаѣ рѣшающую роль... анкерокъ съ золотомъ, т. е. небольшой боченокъ, наполненный золотомъ!

Задумали въ 1826 г. окончательно выяснить нашу пограничную черту со Швеціей, т.-е. съ Норвегіей, состоявшей съ нею въ то время въ уніи, былъ и

избранъ русскій уполномоченный, выборъ палъ на полковника Галямина, которому и было поручено это разграниченіе.

Блестящій петербургскій полковникъ пріѣхалъ на мѣсто и, не опрашивая никого изъ мѣстныхъ жителей, сталъ ожидать прибытія норвежскихъ комиссаровъ.

Явились къ нему старожилы, мѣстные лопари.

— Пойдемъ съ нами, мы тебѣ укажемъ, гдѣ находится настоящая граница съ норвежцами,—предложили они Галямину.

— Знаю ее я безъ васъ, убирайтесь,—крикнулъ онъ на пришельцевъ,—наврете мнѣ съ три короба, потомъ и разбирайся, какъ знаешь!

— Чего намъ говорить тебѣ неправду, -- пытались возражать ему лопари,—мы знаемъ все точно, наши отцы намъ границу показывали, крѣпко драли насъ, чтобы не забыли, когда пришили память навсегда!

Еще больше раскричался на нихъ

полковникъ, вонъ выгналъ, не велѣлъ ихъ пускать къ себѣ.

Пошли восвояси, не солоно хлебавши, простодушные лопари, изумляясь, за что на нихъ такъ разсердился важный русскій баринъ.

Иначе встрѣтилъ норвежскихъ комиссаровъ Галяминъ, проживалъ онъ тогда невдалекѣ отъ древней Трифоновской церкви во имя св. Бориса и Глѣба.

— Я готовъ, господа; когда мы отправимся по граничной чертѣ?—предложилъ онъ имъ.

— Къ чему будете вы только утруждать себя,—вкрадчиво отвѣтили норвержцы,—мы уже прошли весь путь, вы человѣкъ здѣсь новый, ничего не знающій, мы же всю эту сторону исходили—изъѣздили, будемъ вести границу, какъ она была и раньше... А вы по картѣ все точно просмотрѣть можете...

Поглядѣлъ на нихъ полковникъ, задумался немного, не хотѣлось и впрямь ему бродить по болотамъ да по торфяникамъ,

рѣчки переплывать, а гдѣ такъ и въ бродъ идти... лѣнь, что ли, его обуяла, или рѣшилъ онъ положиться на честность норвежскихъ повѣренныхъ.

— Хорошо,—согласился онъ на ихъ предложенiе,—будемте просматривать по картѣ.

Карты вытащили, разложили, разсматривать стали, говорятъ черезъ переводчика: ни полковникъ — по-норвежски, ни они—по-русски не понимаютъ, а говорить приходится.

— Вотъ читайте: рѣка Пазъ, а на картѣ прежняя граница по ней и идетъ!—говорили уполномоченные Норвегiи, указывая на рѣку Пазъ, гдѣ они находились въ это время, вмѣсто рѣки Паесъ, лежащей отсюда на большомъ разстоянiи, ловко пользуясь созвучiемъ словъ Пазъ и Паесъ.

— Слишкомъ что-то она близко отсюда течетъ,—невольно усумнился русскiй комиссаръ,—какъ будто должна она отстоять дальше?

Захолодѣло сердце у противниковъ,

они втайнѣ уже радовались, что попался такой сговорчивый комиссаръ, считали, что обойти его не такъ трудно.

Но особаго недовѣрiя Галяминъ къ нимъ все же не обнаружилъ. Переговоры продолжались нѣсколько дней, русскiй уполномоченный ни разу не удосужился пройти съ норвежцами хотя часть пограничной черты, а чуть посвѣжѣло, дожди пошли, уѣхалъ въ Петербургъ, оставивъ окончанiе разграниченiя до будущей весны.

Въ слѣдующiй годъ Галяминъ хотя и прiѣхалъ на Пазъ рѣку, но не надолго, а проживалъ все время въ норвежскомъ мѣстечкѣ Васинѣ, пока норвежскiе уполномоченные не поставили пограничныхъ столбовъ. Въ это время русскiе лопари, встревоженные тѣмъ, что по новой границѣ принадлежащiя имъ мѣста должны отойти къ норвежцамъ, вторично являлись къ Галямину, предлагая ему опять показать старую границу...

— Снова пристаете вы ко мнѣ съ пу-

стяками,—крикнулъ на нихъ въ отвѣтъ полковникъ:—сказалъ вамъ разъ, что я границу лучше васъ знаю, и довольно!

Помялись-помялись лопари, но всетаки рѣшились замѣтить:

— Да они тебѣ, баринъ, не ту границу показываютъ...

— Не ту! Убирайтесь вонъ, я самъ все просмотрѣлъ по картѣ, во всемъ убѣдился!—еще громче заоралъ Галяминъ и приказалъ выгнать нежелательныхъ указчиковъ.

Сомнѣнія, которыя, можетъ быть, лопари возбудили въ немъ, не долго заставили русскаго комиссара задуматься; по слухамъ, именно въ это время анкерокъ съ золотомъ сослужилъ норвежцамъ свою службу и принесъ имъ даромъ 800 кв. верстъ русской территоріи...

Предварительныя условія были подписаны съ обѣихъ сторонъ, нужно было ихъ только контрасигнировать.

Какъ это ни странно, но Галяминъ не оставилъ ни одной копіи со всего дѣло-

производства, ни одной лишней бумажки, точно все это важное дѣло по разграниченію двухъ государствъ, дѣлалось устно... Вѣроятно, чтобы замести слѣды золотого анкерка!

Спустя два года со стороны лопарей, которыхъ не хотѣлъ русскій комиссаръ слушать, было сообщено кольскому исправнику Кривцову объ его поступкѣ; исправникъ представилъ это сообщеніе дальше, губернскому правленію въ Архангельскѣ, и „пошла писать губернія!“

Архангельскій губернаторъ Бухаринъ представилъ объ этомъ дѣлѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, сообщая:

„Разграниченіе, произведенное Галяминымъ, послужило только поводомъ къ насильственному завладѣванію со стороны норвежскихъ жителей даже общихъ съ русскими рыбныхъ ловель“; генералъ-губернаторъ только подтвердилъ свое сомнѣніе о дѣлѣ, какъ кажется прен бреженномъ въ здѣшнемъ краю „невѣ-

дѣніе здѣсь весьма интереснаго дѣйствія Галямина".

Но вся эта переписка не повела ни къ чему, слишкомъ все дѣло запуталось, и, въ результатѣ норвежцы, даромъ получили громаднѣйшую и богатѣйшую русскую территорію и южную часть Варангерскаго залива, съ его рыбными, лѣсными и другими естественными богатствами!

Отдали бы и больше русской земли, если бы мѣсто, до котораго они уже дошли, не граничило съ Трифоно-Печенгскимъ монастыремъ, лежавшимъ въ то время хотя и въ развалинахъ, но явно свидѣтельствовавшимъ, что тутъ искони русская земля, политая мученическою кровью. Положила предѣлъ также ихъ хищническимъ притязаніямъ и церковь на рѣкѣ Пазѣ, построенная собственноручно пр. Трифономъ...

Но наплывъ норвежцевъ, несмотря на выясненіе границъ, усиленно продолжается и въ настоящее время; по всеподданнѣйшему докладу архангельскаго губернатора еще въ 1906 г. удостовѣряется, что наплывъ инородцевъ на нашъ Мурманъ настолько теперь великъ, что коренное населеніе почти вытѣснено...

„Анкерокъ золота" послужилъ только началомъ ихъ вторженію, въ настоящее время русское побережье Мурмана фактически заселяется съ каждымъ годомъ инородческими колонистами, среди которыхъ норвежцы все-таки составляютъ доминирующее большинство.

Мирное завоеваніе края идетъ быстро...

Забѣжалъ пароходъ нашъ въ „Кола—бабья воля",—искони ведется поговорка на мурманскихъ становищахъ; она пошла оттого, что женщины изъ Колы работаютъ на промыслахъ не хуже мужчинъ, не подчиняются мужьямъ, смѣло отвоевываютъ себѣ свободу.

Пришлось мнѣ побывать въ этомъ медвѣжьемъ углу, прославившемся издавна своимъ оригинальнымъ феминизмомъ, когда еще нынѣшнія англійскія отчаян-

ныя ратоборки за права и свободу женщинъ вовсе не существовали на бѣломъ свѣтѣ.

Уходились ли смѣлыя колянки или вообще времена перемѣнчивы, но заштатный городокъ ничѣмъ не оправдывалъ свою оригинальную славу; такъ же, какъ и вездѣ суетились бабы за стряпней, такъ же послушно бѣгала одна изъ нихъ, на моихъ глазахъ посланная мужемъ въ казенку за водкой, ничѣмъ не проявляя своей самостоятельности...

— Не во время изволили къ намъ попасть, чуть ли не всѣ наши „воинственныя и свободолюбивыя“ дамы-съ сейчасъ на промыслахъ работаютъ!—ядовито сообщилъ мнѣ мѣстный старожилъ:—вотъ о зиму онѣ дѣйствительно, какъ домой повертаются, всякія дѣла, можно сказать, раздѣлываютъ, посмотрѣть даже очень интересно, мужьями, словно скотиной, командуютъ...

— Ну, а тѣ?

— Молчатъ-съ, попривыкли къ жени-

нымъ ласкамъ, да и справы на нихъ въ самихъ себѣ найти не могутъ, у насъ бабы народъ здоровенный, моремъ просоленныя, вѣтромъ повитыя-съ!

Вѣрна и другая мѣстная поговорка: „Кола отъ ада всего въ трехъ верстахъ находится—на самыхъ чортовыхъ задворкахъ раскинулась“.

Тяжело должно быть живется въ этомъ заброшенномъ долгіе мѣсяцы углу: вѣдь какъ только кончатъ рейсы пароходы Мурманскаго товарищества, ау, сиди себѣ въ одиночествѣ, — посиживай, либо въ карты день и ночь играй, благо здѣсь цѣлыхъ два мѣсяца свѣта-то нѣтъ, а то есть другое раціональное средство, такъ широко примѣняемое у насъ на Руси— это пить безъ просыпа... иначе можно со скуки умереть!

Впрочемъ, коляне какъ-то приспособились: живутъ себѣ поживаютъ, о словѣ „скука“ мнѣ не приходилось даже слышать, сжились просто со своимъ неве-

селымъ жребіемъ... Люди ко всему привыкаютъ.

Въ древнемъ соборикѣ чуть живой слѣпецъ-сторожъ отвѣшиваетъ низкіе поклоны рѣдкимъ посѣтителямъ, знай себѣ похваливаетъ родную Колу, точно это первый городъ въ мірѣ...

У Колы есть все-таки славное прошлое, о ней хорошо помнили прежніе цари московскіе, суровыхъ посылали сюда воеводъ, чтобы спуску и проѣзжимъ варягамъ не давали, да и своихъ россійскихъ гражданъ въ строгости держали... Процвѣтала здѣсь когда-то и промышленность, и мѣновая торговля, шкуры звѣриныя у лопарей брали, рыболовную флотилію справную, по тѣмъ временамъ, держали, къ скандинавамъ за товаромъ ходили. Смѣлыя колянки за капитановъ стояли, ни вѣтра, ни бури не опасаясь, бороздили Студеный океанъ. Однимъ словомъ, торговали во всю, ну, а теперь въ заштатномъ, послѣ постройки Александровска, городкѣ только двѣ-три

лавчонки, да непремѣнная казенка съ зеленымъ виномъ.

— Все это агличанка намъ напортила, какъ въ 54 году Колу брать приходила!—снова шепчетъ мнѣ старикъ,— взять не взяла, хотя ишь какую уйму чугунныхъ орѣховъ къ намъ накидала,— съ гордостью указывалъ онъ на небольшую кучку подозрительныхъ по величинѣ ядеръ,—а мы ее, голубушку, ужъ такъ „поштовали"—вѣкъ будетъ о нашей Колѣ помнить!

Другая церковь, благодаря измѣненію морскихъ приливовъ и отливовъ, оказалась въ часто отрѣзаемомъ отъ городка мѣстѣ; въ ней рѣдко служатъ Коляне, берегутъ все-таки свою древнюю славу.

— Зимою у насъ посмотрѣли бы, въ храмъ Божій войдешь, словно на цвѣтущемъ лугу очутишься! Разрядятся наши колянки, которая какъ только можетъ, словно махровые цвѣты вездѣ засѣли...

Про училище говорятъ, что оно здѣсь

прекрасно поставлено и занимаются въ немъ ученики старательно и охотно.

Глубокая ночь на дворѣ, второй часъ, а мальчонки, забывая совсѣмъ о времени, такъ и бьются въ городки, веселый гомонъ не умолкаетъ, въ домахъ кое-гдѣ спятъ, а то изъ открытыхъ оконъ доносятся восклицанія: „я пассъ, иду съ червей! Ну, и свинья же вы, Иванъ Иванычъ, подъ вистующаго-то!“

Нашъ пароходъ совершенно очистился отъ барикадъ изъ бочекъ, не дававшихъ проходу по палубѣ.

— Не радуйтесь рано,—посмѣиваются надо мною служащіе,—вотъ пойдемъ обратно, всю палубу опять бочками загрузимъ, да на этотъ разъ не пустыми, а съ трескою, понюхаете вдоволь!

Субсидируемое правительствомъ Мурманское пароходство, прибавлю, очень крупно, не хочетъ понять, что за двумя зайцами гоняться нельзя: или одно грузовое движеніе, безъ пассажировъ, или же пассажирское, не возбраняющее брать

также и грузы подъ условіемъ, что они не будутъ существенно мѣшать пассажирамъ. Триста тысячъ—хорошій кушъ, чтобы, поступаясь нѣкоторыми выгодами, дать возможность совершать поѣздку при приличной обстановкѣ!

Мы шли обратно въ Архангельскъ, долго останавливаясь по становищамъ въ ожиданіи подачи груза, почтово-пассажирскій пароходъ терялъ много времени на чуждую для него работу!

О, какъ много у насъ, у русскихъ, времени и какъ мы имъ не дорожимъ!

„Страдаютъ“...

XI.

Вся наша далекая окраина оживилась, мурманское побережье кипитъ въ работѣ... Рыба шла хорошая, ловы день-ото-дня все удачливѣе и удачливѣе.

— Слава Творцу Небесному,—крестясь повторяютъ поморы,—„страдаемъ“ не зря, наживка во-время подоспѣла, и мойвы, и сельди недостачи не имѣется!

— Кабы Эпимахъ Васильичъ о наживкѣ не позаботился, пропадомъ - пропадай, время самое горячее, не то, что день, часъ другой дороже дорогого, а пришлось бы сидѣть, сложа руки, да норвегамъ завидовать: у тѣхъ завсегда наживная рыба въ запасѣ имѣется!—съ благодарностью отзы-

вались ловцы-поморы о промышленникѣ Могучемъ, взявшемся доставлять по всѣмъ становищамъ Мурмана наживку.

Изъ становища въ становище слушокъ перекидывается, гдѣ сколько рыбы наловили, какія цѣны держатся, какъ засолъ идетъ, хорошо ли рыба соль въ себя принимаетъ, каковы расторжки въ Архангельскѣ на рыбу, что раньше туда отправили, стоятъ...

Не легко въ такую пору ловцамъ, во времени недохватка большая, впору со всѣмъ дѣломъ справиться: наловить, освѣжевать, посолить, въ бочку уложить, да промышленнику-богатѣю сдать, а заутра снова въ море идти нужно—яруса ставить, крючья наживлять, на волнахъ трепыхаться, коли далеко отъ становища отплыли и домой вертаться несподручно... Смотришь, часа три-четыре минуетъ и тянуть снасть время пришло, треской, пикшуемъ, да зубаткой лодку загружать приниматься...

— Возьмете меня что ли съ собой?—

спросилъ я у знакомыхъ ловцовъ, работавшихъ у своей шняки за свѣжеванiемъ рыбы, только-что пойманной...

Суровымъ взглядомъ окинулъ меня старшой, Онисимъ, затаенно усмѣхнулся и, откидывая жирную тресковую „максу“ въ отдѣльную бочку, небрежно отвѣтилъ:

— Почто не взять, только ты, баринъ, не сблюешь, коли сильно качать зачнетъ?

Пришлось увѣренно отвѣтить, что ничего такого со мною не приключится.

— Что жъ, ладно, сплывай на ловы вмѣстяхъ съ нами,—согласился Онисимъ; ничего не возразили противъ этого и другiе его товарищи, только одинъ насмѣшливо пробурчалъ:

— Сонъ бы тебя не сморилъ, въ самую евоную пору на шнякѣ промышлять пойдемъ.

Но это замѣчанiе не поколебало моего рѣшенiя отправиться на ловы утромъ вмѣстѣ съ ними.

Говорить о томъ, встало-ли солнце рано, скоро ли наступило свѣтло, не

стоитъ; денное свѣтило и не закатывалось ни на минуту; свѣтло было, какъ днемъ, когда наша шняка лѣниво пошла съ береговой отмели, тяжело нагруженная еще непросохшимъ послѣ вчерашняго лова ярусомъ.

Промышленники налегли на весла, на вѣтеръ нельзя было надѣяться, онъ еле натягивалъ парусъ; грубыя, мозолистыя, всѣ разъѣденныя соленою водою руки поморовъ замѣнили его; берегъ все дальше и дальше оставался за нами, впереди лежалъ зеленоватый просторъ океана, далекiй, безбрежный...

Не близко ужъ отъ берега выбрались, на знакомомъ моимъ спутникамъ мѣстѣ оказались.

— Озавчера здѣсь ловили... должно опять сюда же метать ярусъ зачнемъ!—увѣреннымъ, не терпящимъ возраженiя голосомъ проговорилъ Онисимъ.

Стали приниматься за размотку снастей...

Привычныя руки „тяглеца“ ловко раз-

вертывали канатъ, распутывали „оростяги“, кое-гдѣ спутавшіяся, нашлось теперь дѣло и „наживщику“; принялся онъ насаживать вынутыя изъ ящика рыбки на острыя крючья рыболовнаго яруса. Снасть быстро погружалась въ воду, тяжелый грузъ тянулъ ее книзу...

Наживляли не сельдею, а мойвою.

— Три тыщи съ четвертью крючковъ-то на ярусѣ,—для чего-то сказалъ мнѣ „старшой“,—ишь какую уйму наживки-то надобно! Весь ящикъ заразъ изведешь...

Ярусъ оживлялся все больше и больше, наживленные крючки исчезали въ зеленоватой, мирно катящейся широкой океанской волнѣ, а конца снасти все еще не видно...

— Зачалъ пришелъ! — обрадованно крикнулъ „наживщикъ“, пуская за бортъ шняки синеватый „кубалъ“, громадный поплавокъ, указывающій мѣсто постановки яруса.

Махалки, прикрѣпленныя мѣстами къ ярусу, т.-е. небольшія палки съ навязанной на нихъ сверху горстью морской травы, „для ради видимости“, какъ объяснилъ мнѣ „старшой“, сейчасъ же закивали головами, грузъ, подвѣшенный у нихъ снизу, не давалъ имъ возможности кривиться, а волна настойчиво качала.

— Ну, помоги Богъ и Микола милостивый!—скорѣе, по-привычкѣ, проговорилъ Онисимъ, когда ярусъ былъ весь спущенъ. Примѣру его послѣдовали и остальные ловцы, всѣхъ ихъ на шнякѣ было четверо, да я пятый, положимъ, немогущій имъ ничѣмъ помочь.

Солнце давно уже поднялось высоко, но до зенита оставалось ему еще немалый путь, слабый бризъ, до сихъ поръ разводившій волну, и тотъ совсѣмъ упалъ, грозный океанъ совсѣмъ успокоился, зеленое зеркало его лежало ровно, кое-гдѣ, невдалекѣ отъ нашей шняки всплескивали дельфины, высовываясь изъ воды,

мелькали и черныя круглыя головы тюленей, этихъ морскихъ собачекъ.

— Потрудились вдосталь, пока можно часа съ два, а то и всѣ три соснуть,— услышалъ я голосъ старшого, „корщика“, какъ ихъ здѣсь называютъ; ловцы послушно полегли прямо на мокромъ полу шняки, сонъ не замедлилъ сейчасъ же ими овладѣть...

Мнѣ не спалось, хотя съ вечера тоже я спалъ немного. Странное чувство какой-то отчужденности ото всѣхъ, ощущалъ я въ эту минуту. На шнякѣ все было погружено въ сонъ, я былъ одинъ со своими мыслями, иначе настроенный, чѣмъ всегда, меня охватило чувство какого-то ничтожества, безбрежный океанъ подавлялъ меня своей громадой, своимъ могуществомъ, временно не выказываемымъ мнѣ... Но проснется эта стихійная сила, дремлющій титанъ, и всѣ эти ловецкія жалкія суденышки будутъ разнесены, какъ ничтожныя щепки!

Солнце припекло, мысли начали путаться, безсонная ночь сказалась... Самъ того не замѣчая, я крѣпко заснулъ.

Меня разбудилъ неожиданный шумъ, промышленники уже встали и принялись вытаскивать ярусную снасть...

Протянулся толстый матерой канатъ, я внимательно слѣдилъ, когда покажется самый ярусъ, сна у меня какъ не бывало, я надѣлъ два пенснэ и сталъ смотрѣть за бортъ шняки...

Вотъ что-то блеснуло надъ водою, судорожно содрогаясь, перекинулось въ наше суденышко черезъ бортъ—крупный пикшуй; за нимъ слѣдомъ попалась на крюкъ треска, поменьше перваго, и пошло, и пошло... Чуть не на каждомъ крючкѣ висѣло по рыбинѣ; страстно бились плѣнницы, въ особенности зубатки, не хотѣлось имъ разставаться съ милой свободой, такъ и извивалась, такъ и корчилась рыба...

— Не любитъ въ просолъ идти,—насмѣшливо кинулъ Авдѣй - наживщикъ, продолжая тянуть ярусъ руками, одѣтыми

въ толстыя кожаныя рукавицы,—ей бы наживку сорвать, да уйти... Ишь, въ самомъ дѣлѣ, какъ крюкъ обработала, сломала, почитай, на половину!—и наживщикъ крѣпко выругался,—должно не иначе, какъ зубатка-подлюга!

— Можетъ быть, семга крупная,—замѣтилъ я наивно, но сейчасъ же стыдливо потупился, услышавъ, какъ громко расхохотались всѣ четверо ловцовъ.

— Скажу тебѣ, баринъ, семгѣ не мѣсто здѣсь ловиться, ей особо отведено, а про семужину нашу худого слова сказать грѣшно, самая что ни на есть „скромная рыба“, по осени, какъ ей самый ходъ, ловимъ мы ее въ нашемъ мѣстѣ. Попадетъ она въ сѣть, такъ и стоитъ тутъ, ни тебѣ рвануть что ли, ни прокусить сѣти, вотъ какъ эта подлянка дѣлаетъ! Скромная, одно слово, совѣстливая!

Съ богатымъ уловомъ пришлось возвращаться нашей шнякѣ; за полдень далеко, повсюду лежала рыба, вездѣ

смотрѣли рыбьи застывающіе глаза, жизнь таилась еще во многихъ, онѣ судорожно раскрывали ротъ и слабо извивались на доскахъ пола, счастливѣе были попавшія въ отдѣленіе съ водой...

Съ океанскаго простора чуть дохнулъ вѣтерокъ, трепанулъ грязной парусиной...

— Должно подможетъ къ становищу плыть,—обрадованно замѣтилъ Онисимъ, и принялся расправлять шире и выше парусъ.

Суденышко, осѣвшее ниже въ воду, пошло скорѣе, сердитѣе зажурчала подъ килемъ вода; промышленники, не желая терять дорогого времени, сейчасъ же принялись свѣжевать добычу, вѣтеръ поднимался сильнѣе и гналъ шняку старательно къ берегу. Въ становище возвращались и другіе промышленники-ловцы, наша шняка перегоняла нѣкоторыя суда...

Все ближе и ближе сгрудивался ловецкій флотъ, ловцы перекидывались словами, шутками; судя по веселому тону промышленниковъ, мнѣ показалось, что

ловъ у всѣхъ былъ болѣе или менѣе удачный.

Заскрипѣли кили, врѣзаясь въ прибрежныя гальки, отливъ убѣгалъ быстро. Скоро шняки, елы, карбасы очутились обсохшими. Цѣлая армія зуйковъ засуетилась, выгружая богатую добычу и развѣшивая мокрыя снасти яруса.

— Какъ подсохнетъ, ей вы, пострѣляты, „глушить“ крючья не забывайте, а то даве напарывался я не разъ на нихъ,— крикнулъ мальчишкамъ наживщикъ Авдѣй и пошелъ въ незатѣйливую постройку, въ которой промышленники спали и ѣли. Ужинъ приготовлялся для насъ, присталъ и я къ моимъ сегодняшнимъ сотоварищамъ.

— Похлебай съ нами, баринъ, ущицы-то, скусна она въ тѣ поры, какъ съ лововъ придешь, такъ бы и ѣлъ все ее!— пригласилъ меня Онисимъ.

Промышленники отдыхали за ѣдой; нужно было спѣшить свѣжевать оставшую пойманную рыбу, а ее оставалось еще немало.

Промысловыя суденышки залились кровью, бочки съ максой переполнились мягкою, жирною тресковой печенью, а все пространство около шнякъ и елъ оказалось покрытымъ выкинутыми рыбьими внутренностями и мелкими головами трески, крупныя же проворные зуйки быстро развѣшивали на веревки для сушки.

Становище кончало свой „страдный“ день, усталые ловцы торопились со свѣжеваньемъ, чтобы поскорѣе приткнуться на свои грязныя нары въ жиденькихъ хибаркахъ. Гдѣ-то робко проснулась пѣсня:

„Напала пороха на талую землю.
Въ Петрово говѣнье, въ перво воскресенье,
По той бѣлой порохѣ шелъ Иванъ хорошій:
Ваня, бѣлый, кудрявый“...

„Холостъ, не женатый!“—подхватилъ пѣсню другой голосъ, и залилась она надъ „страдающимъ“ становищемъ, какъ

утренняя розовая заря заливаетъ небо на востокѣ, сперва робко, еле видимо, а затѣмъ все сильнѣе, все ярче, пока не обольетъ алымъ полымемъ весь небосклонъ.

Въ одной изъ небольшихъ шнякъ, не удачливо выходившей сегодня на промыселъ, сѣдоватый, коренастый, еще нестарый поморъ вполголоса читалъ старинный заговоръ:

— Святые апостолы Петръ и Павелъ, Андрей Первозванный!.. Верховные апостолы, первые рыболовы, помолитесь со святыми угодниками Пресвятой Госпожѣ Богородицѣ! Есть на святомъ престолѣ золотые ключи; возьмите эти ключи и отомкните, ключи, темный погребъ рабу Божьему Ѳомѣ, пригоните мелкой и крупной рыбы рабу Божьему Ѳомѣ! Сѣти мои шелковыя, яруса медовые, я здѣсь, рыба тутъ есть! Море святое, дно золотое, ловитесь и попадайте, и меня не забывайте! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь...

На лицѣ промышленника было написано выраженіе наивной, ничѣмъ незыблемой вѣры...

„Страдали“ не всѣ одинаково...

Кое-что...

XII.

Прощаясь съ далекой русской окраиной, съ этой страной „полуночнаго солнца и стожаровъ", я хочу сообщить объ ея теперешнемъ положеніи, о назрѣвшихъ нуждахъ Мурмана... Да, это одна изъ богатѣйшихъ окраинъ нашей родины, непочатый край всевозможныхъ даровъ природы, до сихъ поръ совершенно забытый, плохо эксплуатируемый... Четырнадцать лѣтъ миновало 23 іюня съ тѣхъ поръ, какъ построенъ и открытъ совершенно никому не нужный городъ Александровскъ, но колонизація его совсѣмъ не увеличивается, случайно заѣхавшіе сюда колонисты буквально плачутъ,

не имѣя возможности имѣть какой-либо постоянный заработокъ. Дома ихъ, а также остальныя городскія постройки, все больше и больше разрушаются, мурманскіе промышленники, если и пріѣзжаютъ сюда, то только за водкой въ монопольную лавку!

Если было бы необходимо показать когда-нибудь примѣръ ненужнаго ни къ чему города, то ярче и лучше постройки Александровска не найти--все здѣсь вопреки здравому смыслу: и гавань, хотя достаточно глубокая, но настолько тѣсная, что даже одному обыкновенному грузовому пароходу трудно развернуться, къ тому же въ ней имѣется только одинъ выходъ, тоже достаточно узкій, такъ что въ случаѣ войны онъ представитъ собою ловушку, второй Портъ-Артуръ въ меньшемъ масштабѣ.

Городъ построенъ на скалахъ, перерѣзанныхъ торфяниками, даже на площади его постоянно стоитъ громадная лужа; правда, проложены двѣ линіи

шоссе, но онѣ обслуживаютъ очень малое пространство, остальное все тонетъ въ болотѣ.

Несмотря на то, что городъ полонъ всевозможной администраціей, курьезы въ немъ попадаются на каждомъ шагу. Возможно ли, напримѣръ, вообразить, что Народный домъ соединился съ... банями, при чемъ входъ имѣется только одинъ въ оба учрежденія! Вообще оригинальностями городъ чрезвычайно богатъ, ихъ не перечесть...

Но Богъ съ нимъ, съ Александровскомъ. Онъ стоилъ много денегъ, да и теперь на него тратятся тоже не малыя суммы; это вполнѣ мертворожденное дѣтище прежняго губернатора Энгельгарда, естественная же необходимость въ центрѣ на Мурманѣ, какъ административномъ, точно такъ же и промышленномъ, указываетъ другія мѣстности по Лапландскому побережью.

Мнѣніе большинства мѣстныхъ промышленниковъ, капитановъ грузовыхъ

пароходовъ, скупщиковъ рыбы и звѣря— останавливается на двухъ-трехъ береговыхъ пунктахъ: Вайдъ-Губѣ, Кильдинѣ и только что народившемся недавно становищѣ Порчнихѣ. Всѣ они обладаютъ необходимыми для центральнаго пункта качествами: достаточно просторны, глубоки, удобны для стоянки судовъ, при чемъ въ Кильдинѣ имѣются два выхода въ море глубокими проливами...

Но до тѣхъ поръ, пока администрація прислушается къ голосу заинтересованныхъ въ дѣлѣ развитія нашего мурманскаго побережья лицъ, пройдетъ немало времени и многое еще, что перемѣнится. Въ особенности, когда по сосѣдству такіе предпріимчивые люди, какъ норвежцы, давно уже точащіе зубы на наши богатые рыбные и другіе промыслы и не опускающіе возможности, при каждомъ удобномъ случаѣ, захватить что-нибудь у добродушно-настроенныхъ русскихъ сосѣдей, то будто бы ненужные лопарямъ семужные ловы, то взять въ

аренду лишній для любезныхъ сосѣдей водопадъ и чрезвычайно удобный для норвежскихъ промышленныхъ цѣлей, а трудно ли прихватить какой-нибудь ненужный русскимъ кусочекъ при нашей простотѣ, халатности и любезности!

Какъ никакъ отъ добрососѣдскихъ, когда-то, отношеній съ прирубежными норвежцами остались теперь лишь одни преданія.

Сосѣди дерзко врываются въ наши воды и безцеремонно ловятъ чуть не въ самыхъ нашихъ становищахъ наживку для ловли рыбы, увѣренные, что не несутъ за это серьезной кары, какъ это было еще недавно съ норвежскимъ моторомъ, уже не въ первый разъ промышлявшимъ подобнымъ грабительскимъ ловомъ, пользуясь тѣмъ, что надзоръ за иностранными промышленниками у насъ очень слабо оборудованъ (нельзя же считать за серьезную охрану устарѣвшее казенное судно „Баканъ“, тихоходное и находящееся большую часть времени въ

Архангельскѣ, поморы его даже прозвали „Кабанъ“).

Норвежскій грабительскій моторъ былъ случайно замѣченъ частнымъ пароходомъ мурманскаго товарищества „Пр. Трифономъ“, потребовавшимъ отъ норвежца его бумаги и разрѣшеніе на ловъ „наживки“; судовщикъ сперва отвертывался, сообщилъ другое имя, а потомъ бросился наутекъ. По справкамъ оказалось, что онъ уже въ четвертый разъ нынѣшній годъ является сюда за наживкой и увозитъ съ собой обильный уловъ ея.

„Пр. Трифонъ“ кинулся вслѣдъ за норвежцемъ и съ трудомъ могъ поймать, только случайно загнавъ его въ губу. Вся исторія окончилась приговоромъ мирового судьи, оштрафовавшимъ грабителя всего на... 20 рублей, въ той же суммѣ штрафъ понесли и русскіе промышленники, не запрещавшіе норвежцу ловить наживку, принесшую ему за четыре раза больше 2,000 рублей пользы!

Совсѣмъ иначе поступаютъ сами нор-

вежцы съ нашими промышленниками въ подобныхъ случаяхъ: они отбираютъ у послѣднихъ все ихъ промысловое имущество, включая судно, рыболовныя снасти, налагая, кромѣ того, крупный штрафъ, подъ угрозой тюремнаго заключенія.

Въ нашу Гос. Думу внесенъ 18 декабря 1910 года проектъ закона о воспрещеніи иностранцамъ производства рыбныхъ и другихъ морскихъ промысловъ въ водахъ Архангельской губ., грозящаго тоже тюремнымъ заключеніемъ и конфискаціей всего промысловаго имущества, но скоро уже наступитъ три года, какъ онъ былъ внесенъ, а разсмотрѣніе его до сихъ поръ еще не послѣдовало...

Между прочимъ имѣется до сихъ поръ выговоренное съ Норвегіей условіе: за разрѣшеніе porto franco на Мурманскомъ побережьѣ — право для русскихъ промышленниковъ свободно ловить рыбу въ водахъ Варангерскаго залива, и въ 1900 году, согласуясь съ этимъ правомъ русскіе промышленники еще ловили тамъ рыбу, но теперь даже случайное появленіе русскихъ промышленныхъ судовъ въ заливѣ, забѣжавшихъ во время бури въ Варде или Киркенесъ, вызываетъ страшную тревогу среди норвежцевъ, грубо выпроваживающихъ изъ портовъ нежеланныхъ гостей.

Совсѣмъ иной пріемъ имѣютъ тамъ же наши скупщики трески, предпочитающіе покупать ее въ Норвегіи, вмѣсто своей домашней. Нужно замѣтить, что только благодаря имъ, цѣны на треску держатся высоко въ Норвегіи, всѣ порты Норвегіи богатѣютъ и держатся только на русскія деньги. Это можно заключить изъ того, что когда изъ-за льда въ горлѣ Бѣлаго моря русскіе скупщики не явились за покупкой въ Варде, цѣна на треску упала до 4 эръ, хотя до сихъ поръ стояла не дешевле 12; норвежцы принуждены были бросать рыбу обратно въ море, чтобы еще ниже не уронить цѣны, потребности горожанъ этихъ городовъ сразу сократи-

лись, жители пріуныли, лишась выгоднаго сбыта.

Какъ ни странно слышать, но это правда, что Россія покупаетъ у Норвегіи столько же трески, сколько производитъ и сама, несмотря на то, что наши промыслы на Мурманѣ вполнѣ могутъ возмѣстить все это количество. Нужно еще прибавить, что норвежцы сами тоже ловятъ въ пограничныхъ съ русскими водахъ, очень часто переходя условленныя приморскія мили разстоянія отъ берега, и со спокойной душою продаютъ намъ нашу же собственную рыбу...

Много чего необходимо сказать о самыхъ ближнихъ нуждахъ нашего Мурманскаго побережья, о порядкахъ, вѣрнѣе сказать, безпорядкахъ, царящихъ тамъ, но это послужитъ темою моихъ слѣдующихъ корреспонденцій.

Недостатокъ наживки, на которую такъ сѣтовали русскіе промышленники, теперь отчасти восполненъ, и становища своевременно снабжаются ею.

Съ нынѣшняго года одному изъ крупныхъ промышленниковъ, Е. В. Могучему, разрѣшена правительственная ссуда въ 159 тыс. рублей, часть которой онъ уже получилъ, именно 50 тыс. руб., остальную сумму дополучитъ для покупки необходимыхъ для ловли наживки пароходовъ и моторныхъ ботовъ, а также снастей, для найма ловцовъ и матросовъ. Въ настоящее время имъ пріобрѣтены уже два парохода—„С. Д. Бибиковъ“ и другой, которые ловятъ и развозятъ наживку по становищамъ; заказаны еще два другихъ для будущей навигаціи.

Могучій перегородилъ сѣтями двѣ губы, Сейду и Волоковую, въ которыхъ находится наживочная рыба: мойва и молодая сельдь, и по мѣрѣ надобности беретъ ее оттуда.

Промышленники вздохнули, обрадованные, что имъ не придется терять дорогое для нихъ во время промысловъ время за ловлей наживки. Могучій отпускаетъ имъ ее по цѣнѣ отъ трехъ рублей и де-

шевле за ящикъ, нужный для наживленія одного яруса въ 3,500 крючковъ, смотря по степени ея свѣжести.

Живое дѣло одолѣло на этотъ разъ „сухую бумагу“, такъ какъ однимъ изъ мелкихъ администраторовъ края былъ внесенъ проектъ поставить наживочное дѣло на офиціальную ногу, съ дорого стоящими рефрижираторами, „входящими и исходящими“ бумагами и прочей канцелярщиной.

Не такъ благополучно обстоитъ дѣло съ моторными ботами, крайне необходимыми для промышленниковъ.

Въ настоящее время на своихъ допотопныхъ шнякахъ и елахъ, пріобрѣтаемыхъ ими отъ норвежцевъ за ненадобностью въ нихъ послѣднимъ, русскій промышленникъ не только не можетъ работать успѣшно на ловахъ, но при малѣйшемъ штормѣ или бурѣ рискуетъ потерять не только дорого стоящія рыболовныя снасти, но и самъ погибнуть въ морѣ.

Вопросъ о моторныхъ ботахъ недавно поднятъ мѣстною администраціею, но движется довольно медленно, причиной тому является другой вопросъ: какъ и гдѣ пріобрѣтать эти суда? Желая дать заработокъ русскимъ заводамъ, предполагалось поручить постройку ботовъ имъ, но цѣны ими заявленныя довольно внушительны и не подъ силу нашему малоимущему помору.

Сообщаю эти цѣны голословно, лично не провѣрялъ, насколько онѣ справедливы: за моторный ботъ, приспособленный для лова рыбы, русскіе заводы и мастерскія назначили цѣну до 8,000 руб. за каждый, при 9 силахъ, тогда какъ норвежскіе моторные боты, при 18 силахъ, вполнѣ готовые къ работѣ, съ небольшими лодками, называемыми „дорами“, можно имѣть за 6,500 кронъ. Опять повторяю: я говорю со словъ знатока этого дѣла—мѣстнаго помора.

Кромѣ того, начальникъ надъ портомъ требуетъ, чтобы каждый изъ такихъ бо-

товъ былъ противопожаренъ и имѣлъ особыя водораздѣльныя переборки (секціи), хотя трудно предположить, чтобы на небольшомъ ботѣ могъ вспыхнуть такой пожаръ, который нельзя было бы затушить простымъ способомъ: ведромъ воды, зачерпнутымъ за бортомъ.

Оказывается, что и здѣсь „бумага" является препоной и заторомъ добраго начинанія.

Траловая система возбуждаетъ теперь всеобщее вниманіе. Благодаря отсутствію зоркаго надзора съ нашей стороны, въ русскихъ водахъ принялись за этотъ ловъ „сосѣди", но мы, русскіе, стали примѣнять траловую ловлю только съ прошлаго года, если не ошибаюсь. Во главѣ этого дѣла стоитъ цѣлая промышленная компанія, имѣющая уже пять траловыхъ пароходовъ, снабженныхъ всѣми принадлежностями для лова и засола рыбы.

Работаетъ она, повидимому, недурно и уже отправила не одно судно съ пой-

манной рыбой на заграничные промышленные рынки.

Но противъ траловъ имѣются серьезныя возраженія: „Тамъ гдѣ прошелъ по дну морскому рыболовный тралъ, ловить рыбу на яруса—бросовое дѣло, ничего все равно не поймаешь, да и не осталось ея тамъ",- вотъ что говорятъ промышленники.

„Рыболовный тралъ, проходя по дну моря, благодаря своей собственной тяжести, захватываетъ въ сѣть все, что только попадается ему на пути. Такимъ образомъ срываетъ онъ водоросли и другія растенія, растущія на морскомъ днѣ, попадаются въ сѣть также ракушки, мелкія животныя и т. п.; все это служитъ пищей для рыбы и съ исчезновеніемъ ихъ рыба перекочевываетъ въ другое мѣсто, а здѣсь больше не появляется",—это мнѣніе ученыхъ.

Исходя изъ того и другого мнѣнія, полезность трала и желаніе, чтобы траловый промыселъ процвѣталъ, еще находятся далеко подъ сомнѣніемъ.

Чтобы примирить такое разногласіе, по словамъ знатоковъ мѣстныхъ условій лова рыбы, необходимо предложить траловымъ промышленникамъ тралить рыбу не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ловятъ промышленники ярусами на наживку, а поодаль, напримѣръ, на банкахъ Канинскаго полуострова и т. п.; рыбы и тамъ не мало, щедрый океанъ не скупится и охотно дѣлится съ людьми своими богатствами...

Привожу интересныя статистическія цифры о траловомъ уловѣ рыбы англичанами въ нашихъ водахъ: они вывезли съ Мурмана прошлый годъ два милліона пудовъ рыбы, а русскіе скупщики таковое же количество ея ввезли въ Россію изъ Норвегіи.

Все послѣднее количество направлено въ Архангельскъ и, какъ привезенное изъ Норвегіи, должно быть оплачено извѣстною пошлиною при отправкѣ внутрь Имперіи; но дѣло это обходится проще: треску перегружаютъ въ становищахъ на

другія суда, не ходившія въ иностранныя воды, и рыба получается русскаго улова.

Съ нынѣшняго года на Мурманѣ появилась новая своеобразная конкуренція русской промышленности, но въ этомъ всецѣло виноваты мы сами, русскіе.

Давно ведется здѣсь, что бочки для засола рыбы дѣлаются въ окрестностяхъ Архангельска, ихъ отправляютъ на пароходахъ на Мурманъ, гдѣ раскидываютъ по становищамъ. Провозъ пустыхъ бочекъ требуетъ накладныхъ расходовъ, кромѣ того промышленникъ не всегда увѣренъ, что онъ во время ихъ получитъ, а рыба не ждетъ, дорога каждая минута во время обильнаго улова.

Въ этомъ случаѣ къ нему на помощь пришли смѣтливые и разсчетливые норвежцы, они увеличили у себя бочарный промыселъ и изъ нашего же лѣса, распиленнаго въ Россіи, принялись мастерить посуду, необходимую для промышленниковъ.

Небольшихъ бы денегъ стоило устроить

гдѣ нибудь въ центральномъ становищѣ бондарное заведеніе и на мѣстѣ, привезя изъ лежащей вблизи Колы, гдѣ имѣется лѣсопильный заводъ, клепку, дѣлать эту посуду.

Имѣется на Мурманѣ и каменный уголь, слѣды его давно уже отысканы, но къ дальнѣйшимъ работамъ никто не приступалъ. Въ становищѣ „Рыбачье“ найдены инженеромъ Изабо—краски и слѣды золота... Колонисты мнѣ разсказывали, что имъ приходилось находить въ горахъ драгоцѣнные камни...

А промыселъ гагачьяго пуха на Айновскихъ островахъ? Съ тѣхъ поръ, какъ добыча пуха передана инокамъ Трифоно-Печенгскаго монастыря, его добывается не мало; въ настоящее время на островахъ находится болѣе двухъ тысячъ гнѣздъ гаги, а еще недавно, когда Айновскіе острова оставались безъ хозяина, норвежцы хищнически истребляли эту птицу: было всего 35 гнѣздъ, гага, на-

пуганная этими незваными охотниками, почти совсѣмъ покинула острова.

Не пользуемся мы также и такими богатствами, какъ птичій пометъ, чрезвычайно полезный для удобренія, а между тѣмъ его накопились толстые слои по берегамъ въ скалахъ. Эти мѣста, вслѣдствіе громаднаго количества птицъ, обитающихъ на нихъ, носятъ названіе „птичьи базары“. Нѣмцы, да и сами норвежцы умѣли использовать эти залежи, нагружая ими парусники, благо никто не претендовалъ на это, и увозили пометъ на родину.

А нашъ Сѣверъ тоже нуждается въ удобреніи, въ особенности теперь, когда кое-гдѣ начинаютъ приниматься за переработку тундръ и торфяниковъ на луга для покоса; разительные примѣры такого чудеснаго превращенія показали монахи того же Трифоно-Печенгскаго монастыря подъ энергичнымъ управленіемъ своего настоятеля, архимандрита Іонафана, по его указанію превратившіе большое про-

странство монастырскихъ болотъ въ чудесные луга, дающіе, несмотря на короткое сѣверное лѣто, превосходные укосы...

Трудно перечислить всѣ богатства, имѣющіяся въ этой сравнительно недалекой нашей окраинѣ, нужно только приложить къ дѣлу руки да посерьезнѣе отнестись къ Мурманскимъ „скаламъ и топямъ", не упуская ни единаго права на воды, ловы, не отдавая въ аренду, а тѣмъ болѣе не уступая въ полную собственность ни клочка земли нашимъ „добрымъ сосѣдямъ"—норвежцамъ, давно уже жадно посматривающимъ на этотъ край...

О пьянствѣ на Мурманѣ исписано уже не мало бумаги, но „возъ и нынѣ тамъ"; все остается попрежнему, если еще не хуже; серьезныхъ шаговъ хотя бы къ уменьшенію этого зла, губящаго и развращающаго русскаго промышленника, никакихъ не сдѣлано, а можно было... Въ настоящее время водка главнымъ

образомъ добывается становищниками... въ двухъ казенныхъ монопольныхъ лавкахъ: въ Колѣ и Александровскѣ, хотя отпускъ ея промышленникамъ официально запрещенъ, но покупаютъ ее другіе и спокойно перепродаютъ имъ же четвертями. Придуманъ и другой обходный способъ: промышленникъ запасается фельдшерскимъ свидѣтельствомъ, что въ виду его болѣзни онъ долженъ пить ежедневно по рюмкѣ, по двѣ, а покупаютъ ведро...

Жены колонистовъ въ Александровскѣ подавали прошеніе, прося закрыть казенную винную лавку, но получили отказъ, очень слабо мотивированный.

Прибѣгаютъ и къ такимъ хитростямъ: грузятъ изъ Александровска бочки и ящики, дѣлая на нихъ отмѣтку, что тамъ находится „соленая рыба"; кое-когда, если случайно при погрузкѣ разобьется какая-нибудь бутылка и водка потечетъ, ящикъ или бочку осматриваютъ и отбираютъ; въ большинствѣ же случаевъ

водка благополучно доставляется по назначенію...

Съ одного становища, очень маленькаго, изъ Іоканки, была отправлена въ Архангельскъ телеграмма: „Пришлите два ящика лаку"; какую мебель нужно было лакировать въ кое-какъ сколоченныхъ хибаркахъ—трудно рѣшить, но капитанъ парохода долженъ былъ принять этотъ грузъ, и только случайно обнаружилось, что вмѣсто лака отправлена... водка. Всѣхъ хитростей, какъ промышленники добываютъ водку, трудно перечислить.

Доставляется это зелье и на судахъ, приходящихъ за рыбою на Мурманъ изъ нашихъ прибалтійскихъ городовъ Риги, Либавы, продаютъ ее промышленникамъ открыто, наблюденіе на становищахъ самое слабое.

Также однимъ изъ важныхъ доставщиковъ водки нужно считать пароходы, идущіе изъ Архангельска по становищамъ; въ буфетѣ купить тихонько почти всегда возможно для становищни-

ковъ; разумѣется въ силу риска передъ штрафомъ буфетчикъ продаетъ бутылку водки по рублю и дороже; надсмотръ за провозомъ и недопущеніемъ продажи промышленникамъ имѣется на каждомъ такомъ пароходѣ въ лицѣ особаго урядника, но въ большинствѣ случаевъ такой блюститель сквозь пальцы смотритъ на покупающаго водку помора и только иногда, въ оправданіе себя, поймаетъ какую-нибудь бутылку-другую водки у охмелѣвшаго покупателя. Мнѣ пришлось самому ѣхать на пароходѣ съ однимъ изъ такихъ урядниковъ, который всю дорогу былъ самъ пьянъ и не останавливаясь игралъ съ пассажирами третьяго класса въ карты; было ли у него время, чтобы „блюсти"?

Еще одинъ изъ важныхъ вопросовъ... это колонизація нашей далекой окраины. Все сѣверное побережье Кольскаго полуострова отъ норвежской границы до Св. Носа, на востокѣ тянущееся на очень длинное разстояніе, заселено только 627

семьями колонистовъ, живущихъ здѣсь осѣдло, но изъ этого числа—русскихъ только 235 семей, при чемъ третья часть ихъ живетъ въ западной части Мурмана. Остальные колонисты: финны, карелы и норвежцы... На восточномъ Мурманѣ всего 155 русскихъ семействъ постоянныхъ жителей, занимающихся рыболовствомъ и храненіемъ во время зимы снастей и судовъ поморовъ, уѣзжающихъ въ августѣ въ родныя деревни.

По официальнымъ даннымъ эти переселенцы влачатъ жалкое существованіе, не имѣютъ никакихъ средствъ, закабалены мѣстными богачами-фактористами, а между тѣмъ колонисты западнаго Мурмана, преимущественно иноземцы и финны, живутъ хорошо, опрятно, здоровы и благоденствуютъ.

Мнѣ на-дняхъ прислалъ письмо одинъ изъ мѣстныхъ промышленниковъ, прирожденный поморъ, нерѣдко даже зимующій на мурманскихъ становищахъ, съ просьбою опубликовать нѣкоторыя изъ

причинъ далеко нецвѣтущаго положенія Мурманскаго побережья, сравнительной недостаточности его лововъ и тяжелаго положенія мелкаго промышленника-покрута. Вотъ, что онъ мнѣ пишетъ:

„Много написано про нашъ Мурманъ, о главныхъ нуждахъ его кажется все сказано, переговорено, кое-что принято къ свѣдѣнію и ужъ исполнено: я говорю о наживи, но имѣются еще и такіе вопросы, которые сразу кажутся пустяшными, а между тѣмъ зачастую они важнѣе важныхъ.

Во-первыхъ, рейсы Мурманскаго пароходства начинаются только съ мая и кончаются въ началѣ сентября, остальное время года добраться до насъ не легко, а между тѣмъ, я, какъ прожившій нѣсколько зимъ на Мурманѣ, подтверждаю, что рейсы того же пароходства могли бы быть продолжены смѣло еще на мѣсяцъ, даже на полтора, льду въ это время еще немного, идти пароходы могутъ свободно, недаромъ же получается

этимъ обществомъ крупная правительственная субсидія.

Благодаря удлиненію времени рейсовъ наши промышленники охотно останутся на Мурманѣ дольше, именно въ то дорогое время, когда рыба хорошо упитана, жирна и крупна; холодное время даетъ возможность доставлять ее свѣжею въ столицы и на прочіе рынки сбыта. Разумѣется, для этого необходимо устроить въ Архангельскѣ холодильникъ, каковой имѣется въ норвежскихъ рыболовныхъ центрахъ, и озаботиться о регулярной доставкѣ свѣжихъ грузовъ по желѣзной дорогѣ.

Точно такъ же и весною: съ конца марта у рыбачьяго полуострова стоятъ громадныя стаи трески и пикшуя, занимающія площадь болѣе 1,000 квадратныхъ верстъ, когда же промышленники въ половинѣ мая явятся сюда на ловы, вся эта масса трески уже далеко передвинулась на востокъ.

Вотъ почему статистическія данныя

показываютъ русскій уловъ не болѣе 600,000 пудовъ противъ улова норвежцевъ въ 2.350,000 пудовъ. Разумѣется, норвежцы пользуются благопріятнымъ временемъ, когда вся масса рыбы скопляется у нашихъ береговъ и надзора за хищническимъ ловомъ нѣтъ, ибо русскіе промышленники отсутствуютъ; норвежцы ловятъ во всю, продавая намъ нашу же рыбу. Необходимо ограничить ихъ аппетиты также наложеніемъ на норвежскую рыбу пошлины, не обращая вниманія на жалобныя причитыванья русскихъ скупщиковъ норвежской рыбы. Отсутствіе этой пошлины вредитъ не только нашей тресковой промышленности, но и задерживаетъ ростъ нашего торговаго флота.

Во-вторыхъ, необходимо устроить въ нѣсколькихъ мѣстахъ по побережью склады муки, соли и другихъ необходимыхъ для существованія продуктовъ. Въ-третьихъ, надо создать кооперативныя товарищества по продажѣ въ Архангельскѣ

рыбы отъ мелкихъ самостоятельныхъ промышленниковъ. Въ-четвертыхъ, улучшить стоянки—гавани для промысловыхъ судовъ. Въ-пятыхъ, увеличить медицинскую помощь по становищамъ хотя бы еще въ двухъ-трехъ мѣстахъ...

Ну, а затѣмъ колонизацію Мурмана необходимо обставить серьезнѣе, чѣмъ въ настоящее время, принимая въ число колонистовъ людей, завѣдомо трудоспособныхъ, сознательно переселяющихся въ этотъ край. Что же касается охраны территоріальныхъ водъ Мурманскаго побережья, то она должна быть дѣйствительною, а не такою, какъ теперь, фантастическою, въ лицѣ парохода „Баканъ“.

Необходимы еще рейсы легкихъ пассажирскихъ пароходовъ хотя бы того же Мурманскаго пароходства, а то теперь цѣлую недѣлю Мурманъ отдѣленъ отъ всего міра. А послѣднее, что чрезвычайно важно для насъ: безусловное запрещеніе лова рыбы траулерами въ территоріальной полосѣ.

Вотъ наши маленькія нужды“.

Этимъ кончается письмо промышленника, слезно умоляющаго „опубликовать“ желаніе мурманцевъ.

Соловки...

XIII.

Новый пароходъ мурманскаго пароходства „Кереть“, значительно меньшій по размѣрамъ „Николая II“, узкій, а потому достаточно валкій, повезъ меня по неспокойному Бѣлому морю...

Все на немъ иначе и пожалуй хуже, чѣмъ на моемъ прежнемъ океанскомъ пароходѣ: каюты тѣсны, прислуга нерасторопна, про буфетъ и говорить нельзя, да и пассажиры благодаря короткому переѣзду мало сплочены между собою.

— Ну, баронъ, не обезсудьте, пробу сдѣлать извольте морскому дегтю,—неожиданно услышалъ я чей-то голосъ надъ самымъ ухомъ, но не обернулся,

думая, что обращаются къ кому-нибудь другому.

— Да не спѣсивьтесь, ваше превосходительство, личико свое къ намъ оберните!—уже болѣе настойчиво раздалось еще ближе. Я невольно обернулся и недоумѣвающе посмотрѣлъ на рыжеватаго, грузнаго купца, наклонившагося ко мнѣ...

— Если вы мнѣ говорите, то, во-первыхъ, я не баронъ, и не ваше превосходительство, а затѣмъ, что вамъ отъ меня угодно?—сдержанно отвѣтилъ я ему.

— Что намъ угодно!—безсмысленно засмѣялся рыжій, — просить могу только, колѣнопреклонно умолять, пробу на морской деготь навести, значитъ, свою просвѣщенную экспертизу произвести, а послѣ апробаціи этой—буфетчику разносъ строгій, по своему усмотрѣнію и наказъ сдѣлать, зачѣмъ онъ сухую и пустую посуду подаетъ!—Онъ загоготалъ еще громче. Я брезгливо отодвинулся отъ него.

— Не обижайтесь, господинъ, на ихъ

степенство, они въ запойномъ состояніи, все время голый коньякъ душитъ, а компаньона себѣ не имѣетъ, загрустилъ, тоску на себя напустилъ, сейчасъ плакать начнетъ, смотрите.

Купецъ разливался бѣлугой и все еще стоялъ на колѣняхъ передъ диваномъ.

— Изъ Сорокъ, богатый торговецъ, три раза въ годъ только запиваетъ и тогда на всѣхъ пароходахъ взадъ-впередъ катается и коньякъ пьетъ, морскимъ дегтемъ его называетъ,—пояснилъ мнѣ другой пассажиръ, тоже мѣстный лѣсной торговецъ...

Здорово качнуло пароходъ, Бѣлое море начало свои шутки, нашъ „Кереть" снова вползъ въ волну, и опять палуба ушла подъ моими ногами.

— Это, что—пустякъ естественный, а вотъ если бы вы на „Вѣрѣ" монастырской идти надумали, совсѣмъ бы закачались! Каждый рейсъ чуть ли не полъ парохода вповалку лежатъ, „морянкой" мучаются... А монахамъ польза отъ этого —

сейчасъ молебенъ запоютъ, а тамъ каятся третьеклассниковъ заставятъ, „кто что укралъ? Какіе грѣхи содѣлалъ?" Все же кража выше другихъ грѣховъ у нихъ признается.

— Что же, каются?

— Еще какъ! Всѣ грѣхи свои выложатъ, чужихъ приплетутъ вдосталь, а монашекъ глянь съ тарелочкой стоитъ и за индульгенцію денежки собираетъ. Сами бабы, которые ѣдутъ въ Соловки, больше всего своими разговорами мысли о морской болѣзни внушаютъ; заведетъ невѣсть что, ну всѣ и слушаютъ; тутъ какъ-то двухъ дѣвчонокъ маленькихъ до того напугали своими разсказами, что тѣ съ испуга въ море броситься хотѣли...

Удалось уснуть въ каютѣ, качка не переставала, но небольшая. Солнца незаходимаго, какъ на Мурманѣ, здѣсь уже нѣтъ, легкая дымка ночи медленно набѣжала на воду, обвѣяла и нашъ пароходъ. Палуба вся сплошь занята спящими третьеклассниками-богомольцами, трудно

пройти, чтобы не наткнуться на чью-нибудь руку или ногу. Успокоился и коммерсантъ, пившій „морской деготь“, его куда-то убрали. На кормѣ—трое иностранцевъ: англичанинъ изъ Архангельска, голландецъ, только что прибывшій изъ Амстердама и норвежка... Всѣ они компаньоны одной крупной лѣсопильной фирмы, ѣдутъ осматривать Соловецкій монастырь.

Ничто не ускользаетъ отъ ихъ вниманія, отъ ихъ взора. Говорятъ по-англійски; британецъ, какъ живущій въ Россіи уже нѣсколько лѣтъ, все объясняетъ своимъ спутникамъ, тѣ только головой покачиваютъ, „гутъ“ да „jä so“ говорятъ. Въ шестомъ часу меня разбудилъ слуга.

— Соловки на виду, вставайте, господинъ!

Я вскочилъ съ койки и скоро выбрался на палубу. Качка прекратилась, „Кереть“ мѣрно двигался по водяной глади между островами.

Чудная картина раскинулась передъ

моими глазами — древняя обитель, вся залитая солнечными лучами, на бѣлыя стѣны ея смотрѣть больно, яркій блескъ слѣпилъ глаза. На куполахъ храмовъ солнце зажгло огненные огоньки...

Плылъ мягкій благовѣстъ къ ранней обѣднѣ, звуки мѣди разносились по водѣ, таяли гдѣ-то далеко-далеко, у края горизонта...

Отошли отъ пристани двѣ шлюпки съ богомольцами, возвращающимися изъ монастыря, сидятъ до самыхъ бортовъ, настолько переполнены онѣ живымъ грузомъ. Пароходы Мурманскаго общества, за рѣдкими исключеніями, не заходятъ въ гавань „Благополучія“, монахи неохотно пускаютъ чужіе пароходы въ нее...

— Тѣсновато у насъ ужъ больно, самимъ повернуться мало мѣста,—оправдываютъ они свое нежеланіе, хотя главною причиною является конкуренція ихъ монастырскимъ пароходамъ...

Устроили меня въ гостиницѣ недурно, комната большая, перегороженная попо-

ламъ, чистая, она предназначается на четверыхъ. Длинный корридоръ тянется между комнатами, вездѣ чисто, охотно подаютъ самоваръ, не отказываютъ въ хлѣбѣ.

— А ужъ кушать пожалуйте въ трапезу, — предупреждаетъ гостиничникъ, — какъ отойдетъ поздняя литургія, такъ и трапезовать зачнутъ! А тамъ, коли угодно, на линейкѣ въ дальніе скиты проѣхать возможно, и въ Голгофо-Распятскій скитъ, и на Сѣкирную гору—вездѣ повезутъ...

Пошелъ въ древній соборъ... Старина смотритъ отовсюду. Весь соборъ повитъ мистическимъ сумракомъ давно прошедшихъ временъ. Поютъ громко, но несогласно, стараются перекричать одинъ другого, богомольцевъ достаточно, все это „простецы",—какъ выразился одинъ изъ монаховъ,—но близкіе къ Богу душою. Для этихъ простецовъ прежняя братія расписала длинный корридоръ, идущій налѣво отъ притвора, картинами, характерно показывающими всѣ соблазны міра и наказанія тѣмъ, кто „прельстится" и пойдетъ хотя на одну изъ нихъ...

О, здѣсь все распредѣлено строго по рангамъ, по чину, по градаціямъ!..

Воровалъ во время земной жизни—пожалуйте на томъ свѣтѣ на особый вертѣлъ, пожарьтесь, какъ бифштексъ, а старательный дьяволенокъ такъ и повертываетъ грѣшника, чтобы не пережарить и въ „самомъ соку выдержать"... Болтали при жизни много, „чѣпку" сквозь языкъ продѣнутъ, но, судя по картинѣ, такую цѣпь можно протащить развѣ черезъ языкъ мастодонта, а человѣческій, болтливый дамскій языкъ слишкомъ малъ для нея!

Тутъ и соблазнитель рода человѣческаго въ видѣ очень неприглядной молодой дѣвицы, разодѣтой въ модную соломенную шляпку, въ зеленыхъ перчаткахъ и въ кринолинѣ, соблазняющей старца, кидая въ него цвѣты, „липки",

какъ написано подъ картиной... Но самое интересное—это сѣченіе ангелами соблазнительной дѣвы!

— Со мной точь въ точь самое это дѣло случилось,—разсказываетъ какая-то женщина, уже не первой молодости, въ платочкѣ, внимательно прислушивающимся къ ея разговору „простецамъ"-богомольцамъ,—не теперь, а давишній разъ, какъ сюда молиться пріѣзжала...

— Ой, тетка, молиться ли? — послышался насмѣшливый вопросъ изъ толпы.

— А то какъ же, не плясать же сюда пріѣзжаютъ, — огрызнулась разсказчица,—пошла это я по скитамъ, а въ мысляхъ-то совсѣмъ другое держу... Только небожественное...

„Простецы" смѣются. Женщина не обращаетъ на нихъ вниманія.

— Да какъ закричу я такъ, на весь голосъ, моченьки моей нѣтъ, а меня-то такъ и сѣкутъ, и сѣкутъ... Побѣжала я опрометью, оглянуться боюсь, но чую, что не здѣшніе сѣкутъ-то, а оттуда,—

показала она на небо,—до скитка одного добѣжала, такъ и грохнулась. Ничего не скрыла, все старцамъ повѣдала, а они мнѣ внушеніе прочитали, епитимью строгую-престрогую наложили...

— Долго лбомъ-то полъ колотила, тетка?—не унимался смѣшливый парень.

— Ну, а потомъ здѣсь какъ бывала, уже спустя годковъ съ двадцать, такъ никакихъ такихъ искушеньевъ больше со мной не случалось, вѣрно говорю! А ужъ теперь и подавно!

— Поди-ка, теперь въ субботу, въ обѣдъ сотню лѣтъ насчитаютъ, а то еще съ гакомъ, а, тетка? Дьяволъ-то не дуракъ, не станетъ на старуху льститься!

— Озорной! — вознегодовала женщина,—какъ это еще такихъ шелыгановъ въ обитель пускаютъ!—разсердилась она окончательно, плюнула и затрусила къ выходу...

Въ самомъ притворѣ по стѣнамъ множество священныхъ изображеній, образовъ и картинъ, нѣкоторыя поражаютъ

своей наивностью: на большой доскѣ изображены всѣ дни сотворенія міра, очень наглядно и „добропорядочно“,—по словамъ одного инока,—а посрединѣ, на мягкой кушеткѣ изображенъ Творецъ вселенной, отдыхающій въ „седьмый день“ отъ трудовъ... Одѣяло даже выписано, которымъ Онъ прикрылся, съ узорами, „добропорядочное“ тоже.

Но что самое непріятное въ Соловкахъ— это чайки, „божьи птички“,—какъ ихъ здѣсь называютъ,—отъ нихъ нигдѣ нѣтъ прохода, онѣ свободно расхаживаюти на монастырскихъ дворахъ, наглыя, толстыя, хватающія за полы тѣхъ, кто не кидаетъ имъ куски хлѣба или булокъ... Ими же загажены всѣ дворы, крыши и стѣны храмовъ, монастырскихъ зданій, а главное ихъ несмолкаемый крикъ все время буквально раздражаетъ.

— Что вы ихъ не бьете?— спросилъ я послушника.

На лицѣ подростка появился испугъ, точно я сказалъ что-то ужасное...

— Развѣ возможно, господинъ, спасителей своихъ убивать? Онѣ, вѣдь, какъ англичанка обитель воевать подходила и спасли святыню, гадостью своею... вотъ этимъ-то,—пояснилъ онъ мнѣ,—всѣ глаза англичанамъ и запорошили!

Дальше я не посмѣлъ разувѣрять подростка о наглости чаекъ...

Древніе казематы, гдѣ сидѣли отступники отъ вѣры, теперь всѣ заняты подъ монастырскія кладовыя, а если и они пусты, иноки спокойно отвѣчаютъ на вопросъ желающаго осмотрѣть ихъ:

— Ну, чего тамъ хорошаго, гниль да плѣсень одна, воздухъ спертый, „скверна“ библейская, не стоитъ, господинъ честной. Гуляйте здѣсь, ишь благодать какую далъ намъ Господь Богъ... и солнышко-то тебѣ свѣтитъ, и волна съ волною разговариваютъ, а воздуси-то сколь благорастворенны, такъ бы все дышалъ, не надышался!

„Противъ рожна не попрешь“—какъ го-

ворится,—волей-неволей отказываешься отъ своего желанія посмотрѣть казематы.

— Людей туда заточали, значитъ они должное себѣ наказаніе воспринимали, а тебѣ до нихъ что за дѣло!—отвѣчаютъ болѣе грубые иноки,—не тебя сажаютъ— ну и благодари Вседержителя за это, а про другихъ не держи въ памяти!

Крѣпко все задѣлано, не наспѣхъ строили, долгіе годы обитель возводили—все покорено, и скалы, и болота, и песчаные пригорки, ни о чемъ не позабыли крѣпкіе духомъ древніе старцы... Не смогли покорить они только моря!

Попрежнему оно грозно реветъ въ бурныя непогоды, свиститъ надъ глубинами рѣзкій вѣтеръ, перекатываются сѣдые валы, и властно отрѣзаютъ твердыни Соловецкія на долгіе мѣсяцы отъ всего міра!

Сытые монастырскіе кони бойко потащили четырехмѣстную линейку...

Моими спутниками оказались: какая-то парочка купеческихъ молодоженовъ,

любовно все время поглядывавшихъ другъ на друга, четвертымъ пассажиромъ ѣхалъ, не понимавшій ничего по-русски, голландецъ, пытавшійся изъ пары знаемыхъ имъ русскихъ словъ составить понятную фразу, но, при всѣхъ усиліяхъ, ничего не могъ сдѣлать и ограничивался только двумя словами: „нишево“, „здравствуйте“...

Дорога вьется пыльнымъ проселкомъ, то поднимаясь на пригорки, то сбѣгая въ низину, кругомъ все лѣсъ, иногда проглянетъ серебряная поверхность небольшого озерка или вдавшейся губы моря.

Удушливо жарко, воздухъ точно наkаленъ, отъ впереди ѣдущихъ линеекъ несутся тучи пыли, вся придорожная зелень ею покрыта, навстрѣчу попадаются небольшія часовенки, притаившіяся въ рощицѣ, торчатъ одиноко, сѣрые отъ времени и непогодъ, кресты...

— Ай, грибы!—неожиданно раздается съ передней линейки, и молодая куп-

чиха, ярая грибница, чуть не на всемъ ходу соскакиваетъ съ ея подножки.

Цѣлая полянка усѣяна красными шапочками, ихъ тутъ сидитъ безчисленное количество, грибами загружаются всѣ линейки, нѣтъ больше мѣста...

— Ѣдемте дальше, а то опоздаемъ въ Ребольду, и карбасъ уйдетъ безъ насъ,— увѣренно говоритъ одинъ изъ попутчиковъ, не первый разъ бывающій здѣсь.

Снова всѣ въ пыльномъ облакѣ, возница — годовичекъ, ничего не умѣетъ объяснить, онъ только еще второй мѣсяцъ, какъ на Соловкахъ, привезла его сюда, по обѣту, мать и оставила въ подмогу обители, до будущей весны.

— Раньше здѣсь годовичкамъ этимъ пользу большую обитель приносила, при прежнемъ настоятелѣ, — разсказываетъ тотъ же, бывалый, перебравшійся къ намъ на линейку, вмѣсто занявшаго его мѣстс голландца,—всякимъ ихъ ремесламъ учили, кого какому, кто къ чему склонность поимѣлъ, да и грамотѣ на-

учить не позабывали, культурный центръ для всего русскаго Сѣвера Соловецкая обитель была крѣпкимъ оплотомъ вѣрѣ православной и народности русской, да и нравственнымъ цѣлямъ служила...

— Развѣ въ настоящее время она позабыла свои высокія задачи?—съ недоумѣніемъ спросилъ я.

— Позабыть не позабыла, а вотъ ужъ восемнадцать лѣтъ, какъ нынѣшняго настоятеля поставили въ игумены, такъ отставать начала отъ своего прямого пути, другими дѣлами занялись иноки, стяжаніемъ занялись, позапустилъ сильно обитель нынѣшній игуменъ, нерадивъ онъ къ завѣтамъ святыхъ отцовъ, взгляда правильнаго у него на все дѣло не имѣется, поразстроились Соловки, не тѣмъ путемъ пошли, да и денежными средствами посбились, зря капиталы на бездѣлье бросаютъ. Присмотритесь, самимъ вамъ замѣтно станетъ...

И впрямь кое-что замѣтилъ; а о прежнемъ величавомъ житьѣ иноковъ, о ихъ

чуть не полномъ отчужденіи отъ міра нѣтъ теперь и помина, остался только чисто купеческій принципъ, „торгуемъ помаленько, слава Богу", а прежней проникновенности, прежняго пустыннаго житья, о которомъ исписано не мало книгъ и древнихъ хартій, нѣтъ какъ нѣтъ...

— Схимники, которые еще держатся старинныхъ правилъ, завѣты преподобныхъ основателей не позабыли... всѣ въ одинъ голосъ винятъ нынѣшняго настоятеля о. Іоанникія, онъ распустилъ; вотъ, постойте, я вамъ поразскажу,—предложилъ мой собесѣдникъ, — пожилой, не то крестьянинъ, не то мелкій купецъ, изъ Кеми.

Но разсказъ его пришлось отложить, мы приближались къ небольшому скиту Ребольда, откуда намъ приходилось переправляться черезъ морскую губу, верстъ пять съ половиной до другого берега, гдѣ находится другой скитъ—Анзерскій. Здѣсь въ Ребольдѣ монахи занимаются

ловлею „звѣря", т. е. нерпъ и тюленей; уставъ монастырскій гласитъ, что во владѣніяхъ св. обители проливать кровь нельзя, грѣшно, запрещается вслѣдствіе этого бить и морского звѣря, но иноки нашли обходъ противъ означеннаго правила... Они ловятъ звѣря сѣтями и, вытянувъ его на землю, „глошатъ" слегка палочкой по темени! Очень онъ не любитъ подобнаго глушенія, сейчасъ же послѣ этой операціи околѣваетъ.

— Вотъ „бѣлуху" не оглушишь, да она сама всю сѣть тебѣ разорветъ,—объяснялъ мнѣ сѣдобородый монахъ, находившійся здѣсь на послушаніи,—только стрѣлять ее надобно, а стрѣлять въ обители воспрещено. Ишь, онъ, звѣрюга, точно эту нашу правилу знаетъ, смотрите, какъ забавляется, — указалъ онъ мнѣ на „бѣлуху", играющую недалеко отъ лодки. Она ныряла въ легкой волнѣ, перевертываясь своимъ бѣлымъ брюхомъ, отъ котораго и получила свое названіе.

Карбасъ двигался медленно, годовики,

дружно навалившись на весла, гребли въ три пары, насъ сидѣло тридцать шесть человѣкъ, карбасъ плылъ, почти касаясь воды бортами.

— Вотъ, кажись, качни волной покрѣпче и прощай бѣлый свѣтъ! — боязливо замѣтила старуха-богомолка, посматривая на воду, — поди-ка, тутъ сажени съ двѣ глуби! — ни къ кому не обращаясь, замѣтила она.

— Всѣ пятьдесятъ, тетенька, насчитаешь, — съ усмѣшкой объяснилъ мой давешній собесѣдникъ. Всѣмъ невольно стало жутко послѣ его словъ, мало кто изъ этихъ трехъ десятковъ людей умѣлъ плавать, а спасенья поблизости никакого, — мы плыли почти по самой серединѣ пролива, берега чуть виднѣлись узенькой полоской...

— Слава Тебѣ, Господи!—перекрестилась старуха, когда карбасъ стукнулся о сваи пристани того берега, — благополучно приплыли!

Изящный каменный храмъ, весь бѣлый, красиво выдѣлялся среди окружающей его зелени поля и высокихъ кустарниковъ, во храмѣ почіютъ мощи одного изъ основателей, преподобнаго Елеазара...

Опять на новыхъ линейкахъ, запряженныхъ свѣжими лошадьми, мчимся дальше, нужно проѣхать на коняхъ четыре съ половиной версты до Голгоѳскаго скита.

Дорога еще красивѣе, все время вьется въ чащѣ лѣса, сбѣгаетъ разъ-два къ водѣ...

На Голгоѳу нужно взбираться пѣшкомъ, церковь стоитъ на самой вершинѣ, иноческія кельи, точно испуганное стадо, сгрудились около храма...

Что за чудный видъ открылся съ вершины Голгоѳской площадки! Куда ни кинешь взглядъ—вездѣ раскинулось густое зеленое море, а среди него красиво вкрапленными извилистыми фигурами серебрятся морскіе заливчики, губы и прѣсныя озерки, дальше, на горизонтѣ,

туманнымъ маревомъ, грезится узенькая ленточка того берега, откуда мы приплыли сейчасъ на карбасѣ...

А надъ всей этой красивой панорамой шатромъ, безъ краевъ и конца, раскинулся свѣтлоголубой небесный сводъ... Чудно! Грудь дышетъ легко, взоръ наслаждается красивой картиной, дума летитъ куда-то высоко-высоко, прочь отъ всего низменнаго, земного...

— А вы знаете, что выдумалъ настоятель-то нынѣшній? — продолжаетъ мнѣ свой разсказъ прежній спутникъ, когда мы возвращались назадъ въ Анзерскій скитъ, — здѣсь имѣются такъ называемыя озера св. Филиппа съ прѣсной водой, еще съ его временъ въ нихъ водилась бѣлая рѣчная рыба въ изобиліи, братія въ праздничные дни на трапезу себѣ ее налавливали, искони такъ велось... а тутъ надумалъ нашъ архимандритъ-настоятель братію новымъ послушаніемъ наградить, приказалъ рыть каналы, чтобы сообщеніе между ними было...

и принялась за рытье ихъ братія, теперь ужъ который годъ все роетъ, толкъ-то одинъ изъ этого дѣла предвидится—возможность катать богомольцевъ, которые побогаче, на лодкахъ, по всему острову, а пользы прямой никакой... вышло, что вмѣсто пользы вредъ не маленькій. Ушла вода изъ тѣхъ озеръ, которыя стояли повыше, обмелѣли они, и рыба вся пропала, да и кататься по нимъ несподручно: мелко...

Вотъ всѣ затѣи настоятеля таковы— никчемушнія, а денегъ на нихъ онъ уйму тратитъ и все зря, ради пустяковъ, а что нужно, не устроитъ! Вотъ хотя бы моторъ водяной поставилъ бы для переѣзда между Ребольдой и Анзерскимъ скитомъ, куда смѣлѣе было бы богомольцамъ плыть, да и скорѣе... не хочетъ и слышать объ этомъ, много разъ упреждали, по своему настаиваетъ, а дѣлу обительскому вредъ приноситъ...

Жалобы его на настоятеля не прекращались всю дорогу; признаться, я далеко

не всему и повѣрилъ, но потомъ, переговоривши и съ другими лицами, близко знакомыми съ Соловецкою обителью и дѣятельностью ея архимандрита-настоятеля, придалъ обвиненіямъ больше вѣры.

— Старцы жалобу на о. Іоанникія собираются написать и подать въ московскую синодальную контору, которой подвластенъ Соловецкій манастырь, — сообщили мнѣ еще другіе.

— Поздно спохватились, — усмѣхнулся я.

— Какое поздно? Подавали и раньше, да жалобу-то ихъ иначе повернули, самихъ жалобщиковъ ею обернули и кого куда поразогнали... Сейчасъ, смѣшно сказать, никого изъ братіи не найти, чтобы замѣнить игумена; вести не смогутъ, силы воли ни въ комъ не отыщется! А нуженъ человѣкъ твердый, ахъ какъ нуженъ, въ родѣ какъ бы о. Іоанафанъ въ Печенгской обители. Самъ онъ ужъ не молодъ, да силъ нѣтъ у него, чтобы такимъ дѣломъ боль-

шимъ и важнымъ править, а отъ своего дѣтища Печенгской обители не уйдетъ, пока самъ живъ, въ другія руки не передастъ ея...

Глухое недовольство настоятелемъ въ Соловецкомъ монастырѣ уже продолжается давно, хотя до сихъ поръ никогда не выливалось въ форму такого рѣзкаго протеста, но не въ силахъ больше терпѣть соловецкіе иноки...кажется, даже жалоба теперь уже послана. Сильно упали за восемнадцать лѣтъ игуменства Іоанникія всѣ просвѣтительныя учрежденія обители, главныя задачи ея — представлять собою незыблемый центръ Русскаго Сѣвера, „изничтожились“, какъ говорятъ здѣсь... пропали... Дай Богъ, чтобы нашелся ему достойный замѣститель, принявшій къ сердцу всю важность Соловецкой обители для всей Сѣверной Руси...

На Сіѣ.

XIV.

Снова чувствую подъ ногами твердую землю...

Ласковый океанъ и капризное Бѣлое море осталось позади меня, широкая тихоструйная С. Двина раскинулась передо мною.

Плыву вверхъ по рѣкѣ, до Котина, оттуда мой путь лежитъ по Вычегдѣ на сѣверо-востокъ въ таинственный Уборскій край, до сихъ поръ упоминаемый въ Большомъ Государевомъ титлѣ...

Первая моя остановка—на устьѣ рѣки Сіи: интересуетъ меня древняя обитель, гдѣ былъ заключенъ патріархъ Филаретъ Никитичъ.

Пароходъ пріостановилъ ходъ, машина застучала глуше. Къ трапу подплывали лодки за пассажирами; гребцы преимущественно женщины. Раннее утро, только шестой въ началѣ; вся рѣка, насколько можетъ видѣть глазъ, повита легкой дымкой тумана. Солнце уже давно на небѣ, но еще не палитъ.

Хотя день предвидится погожій, въ небѣ ни облачка...

— Къ намъ, господинъ, въ лодочку пожалуйте, живо на тотъ берегъ переправимъ!—стоя на трапѣ, слышу подъ ногами женскій голосъ и вижу протягивающуюся за багажомъ руку.

Спустился въ лодку, перевозчицы отвалили отъ борта парохода, и мы, покачиваемые волненіемъ, разведеннымъ винтомъ судна, поплыли къ берегу.

Широкая рѣка точно спала; зеленые берега красиво оттѣняли ея русло.

Въ лодку изъ плохо задѣланныхъ пазовъ струилась вода, сыро ногамъ.

— Ничего, баринокъ, доплывемъ, успокаивала меня старшая изъ перевозчицъ.

Добрались до берега, на песокъ выкинулись.

— Къ третьему часу поспѣшайте, мы пріѣдемъ, къ пароходу свеземъ, слово крѣпко, что твое, что наше,—договариваются со мной бабы.

До деревни добираться—не близко, къ двумъ верстамъ будетъ. Навстрѣчу попался мѣстный крестьянинъ, помогъ мнѣ донести багажъ; я съ нимъ порядился свезти меня въ монастырь и обратно. Деревня справная, большая, чуть ли не всѣ работаютъ въ столицахъ въ кровельщикахъ, служатъ артельщиками въ банкахъ, пріѣзжаютъ только на побывку сюда, кто лѣтомъ, кто зимою, вслѣдствіе чего немало хорошихъ домовъ заколочено за отъѣздомъ владѣльцевъ.

Запряженный въ двухколеску сытый меренокъ бойко затрусилъ по земскому московскому тракту. Цѣлые милліарды желтыхъ и черныхъ оводовъ тучей закру-

жились надъ нами, облѣпили Сѣрку и окровянили ему спину и бока.

— Справы на нихъ, треклятыхъ, нѣтъ— говорилъ мой возница.—Вособъ эти желтые—„ольшаники“, скотинѣ прохода не даютъ, а, какъ „страдать“ въ полѣ бабы зачнутъ, то и ихъ жалить зачнутъ! Ишь, прямо въ лицо такъ и лѣзутъ,—отмахнулся онъ ладонью отъ жесткихъ крыльевъ овода.

Дорога пошла берегомъ озера, то взбѣгая на пригорокъ, то снова падая въ логовину; еще промелькнуло за рѣдкимъ лознякомъ другое озерко, блеснуло серебряной полоской третье...

— Къ обители приписаны, поди, сотни три годовъ тому будетъ. Патріархъ Филаретъ, на память о себѣ, монахамъ отказалъ, — разсказывалъ Анемподистъ. — Рыбные больно, всякая въ нихъ имѣется, и язь красноперый, окунь, судакъ водится.

Потянулись монастырскія пожни, травы не высоки, но густы.

— Холода все нонѣ, въ ростъ не по-

шли, косить о Петра и Павла нынѣ не придется, за Казанскую начнемъ.

Бѣлыя стѣны древней обители глянули изъ-за деревьевъ; по сторонамъ дороги раскинулись хозяйственныя постройки. Еще ближе есть гостиницы, двухъ-этажныя, деревянныя, съ гостиничнымъ монахомъ, стоящимъ на крыльцѣ одной изъ нихъ.

Съ часъ я отдохнулъ послѣ безсонной ночи. Разбудили меня мягкіе звуки колокола, врывавшіеся вмѣстѣ съ золотой полосой солнца въ открытое окно...

Обитель невелика, всего два храма, слитно построенныхъ вмѣстѣ: соборъ съ высокимъ шарообразнымъ входомъ да трапезная въ помѣщеніи трапезы...

Темнота въ древнемъ храмѣ, только иконостасъ освѣщенъ сверху; сурово глядятъ съ древнихъ стѣнъ лики святыхъ, полусвѣтъ придаетъ еще больше величавости ихъ лицамъ. Рядъ иноковъ протянулся вдоль задней стѣны; у при-

твора, лѣвѣе всѣхъ, стоялъ настоятель архимандритъ Веньяминъ.

Высокій, еще нестарый инокъ, неподвижно стоитъ всю службу; слѣдуетъ примѣру его и братія.

Правый клиросъ поетъ еще сносно, но лѣвый „козлоголитъ“, пѣвцы стараются перекричать одинъ другого. Обѣдня отошла, стали служить молебенъ передъ мощами пр. Антонія Сійскаго...

Немало памятниковъ о пребываніи здѣсь патріарха Филарета, нѣсколько иконъ и цѣнныхъ даровъ; не забывалъ государевъ родитель о мѣстѣ своей невольной ссылки, одарилъ обитель и угодьями и церковной утварью.

Подъ трапезной—помѣщеніе, гдѣ похороненъ его довѣренный служка, преданный ему человѣкъ, принявшій иноческій санъ.

Соборъ характерной сѣверной постройки, главы надвинуты низко, звонница сквозная, вокругъ обѣихъ церквей монастырское кладбище; у крыльца,

съ деревянными низкими кольями разбитъ огородъ. Деревянная, старинная, недавно возобновленная ограда окружила всю обитель; ближе къ святымъ воротамъ каменный флигель съ помѣщеніемъ для архіерея: внизу лавки для монастыря и мѣстныхъ крестьянъ...

За оградой заливчатымъ полукругомъ серебрится озеро, окаймленное пожнями и еловымъ боромъ. Блѣдноголубое небо шатромъ раскинулось надъ окрестностями, отразилось въ тихихъ водахъ...

Зазвенѣлъ призывной набатный колоколъ къ трапезѣ, черный рядъ иноковъ вылился изъ храма и сталъ подниматься на сосѣднее бѣлое крыльцо. Чинно разсѣлась братія послѣ молитвы за длинными столами. Послушники начали читать „житіе“. Степено смѣняли кушанья другіе послушники по звонку игумена. Царило молчаніе, только слышно было чавканье проголодавшихся иноковъ...

Новый звонокъ; трапеза окончилась, всѣ бредутъ вонъ.

Царевна Софія подарила монастырю Евангеліе, рукописное, украшенное на каждой страницѣ ея собственными рисунками. Оно носитъ названіе „Априкосъ“ и представляетъ интересный памятникъ нашей письменности того времени.

Снова раскинулась передо мною земская дорога изъ монастыря. Оводы къ полудню еще большими роями кружились надъ бѣдной лошаденкой и надъ нами. Стало душно...

Дневной пароходъ внизъ уже прошелъ, пришлось переправиться на другой берегъ ожидать, когда покажется второй.

Томительно тянулось время до десяти часовъ; на пустынномъ берегу стояли только двѣ избенки и полуразрушенная часовня.

Но только-что еще далеко заревѣлъ пароходный гудокъ, какъ мои перевозчицы, усадивъ меня въ карбасикъ, повезли на

середину рѣки, махая платками пароходу, чтобы остановился.

Бѣлая ночь незримо спускалась на землю и воду.

Строгановское гнѣздо.

XV.

Бѣлая, скорѣе „красная“, судя по здѣшнему, ночь мѣшаетъ спать, томитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чаруетъ.

— Разсыпь ты теперь, примѣрно, по палубѣ сотню иголокъ,—увѣренно говорилъ мнѣ старикъ, мѣстный житель,—наши ребята за милую душу всю сотню соберутъ тебѣ, хоть въ полночь, ни единой не утеряютъ! Ишь свѣтло, какъ равно полдень теперь, а не полночь!

И дѣйствительно, куда свѣтлѣе, чѣмъ у насъ, въ Петербургѣ, въ это время. Свернули направо въ Вычегду, пошли „супротивъ воды“, какъ говоритъ лоцманъ, стоящій наверху.

Малюсенькій, четырехсильный пароходикъ, временно замѣнившій на день другой, большій, чистившій сегодня котелъ, потащилъ меня, перекачиваясь со стороны на сторону, въ Сольвычегодскъ.

Восемнадцативерстное разстояніе до этого города пассажирамъ, перегрузившимъ до-нельзя ветхое суденышко, пришлось тащиться болѣе четырехъ часовъ; плыли буквально съ опасностью для жизни. Пароходный котелъ представлялъ собою старый, заплатанный со всѣхъ сторонъ, самоваръ; при малѣйшемъ увеличеніи пара, онъ неминуемо лопнулъ бы. Чуть не черпали бортами воду; парню, исполнявшему обязанности „капитана", приходилось то и дѣло покрикивать „лежавшимъ" на крышѣ крохотной каюты третьеклассникамъ:

— Ей, ребята, перевались-ка пузомъ полѣвѣе! А то, гляди, какъ бы не загрузить еще пароходъ-отъ!

И послушные „пассажиры" переваливались по командѣ то налѣво, то направо,

а то, затаивъ дыханіе, лежали не шевелясь посрединѣ.

Прямо какимъ-то только чудомъ добрались до маленькаго городка; случись самое крохотное волненіе на рѣкѣ, и можно было быть увѣреннымъ, что наше плаванье окончилось бы катастрофой.

— Ну и робѣлъ же я! Кажись, отъ Соловокъ моремъ сколь времени шли, волной качало, а того страха не натерпѣлся, какъ о сейчасъ! — говорилъ какой-то паломникъ, возвращавшійся въ родную деревню около города.

Старинное гнѣздо рода Строгановыхъ со стороны рѣки кажется красивымъ: величавый соборъ, постройки „именитыхъ людей" Строгановыхъ, красиво освѣщенный заходящимъ солнцемъ, лѣвѣе его тонко вырисовывающіяся главы обители, современной ему, залитый зеленью берегъ, къ которому пристаетъ нашъ „пароходище", пестро разряженная толпа, встрѣчающая пріѣхавшихъ—интересная картина...

Но стоитъ только подвинуться немного дальше, въ самый городъ, какъ пріятное впечатлѣніе сразу исчезаетъ, повсюду разваливающіеся домишки, улицы въ громадныхъ колеяхъ, заставляющія невольно предполагать:

— А осенью, должно быть, тутъ ни проѣзду, ни проходу!

Когда-то, давнымъ-давно, городъ стоялъ не на томъ мѣстѣ, а въ трехъ верстахъ отсюда и назывался Черниговымъ, затѣмъ въ 1581 году его перенесли ближе къ рѣкѣ Вычегдѣ и назвали Выбиромъ. Но и здѣсь онъ просуществовалъ недолго: рѣка быстро слизала городскую стѣну, повредила она и нѣсколько храмовъ. Пришлось опять переселяться ближе къ небольшому соленому озерку; хотя рѣка пыталась и здѣсь „смести“ новый городокъ, но жители окончательно утвердились на озеркѣ, назвали Сольвычегодскомъ и начали добывать соль.

Разбогатѣли мѣстные купцы Строгановы, не мало всякаго добра прикопили,

о душѣ вспомнили, рѣшили храмъ Божій построить, да такой, чтобы сама Москва позавидовала.

Построили, не мало достоянія вбили, пріукрасили надиво, а спустя немного и обитель Божію соорудили, тоже не какъ-нибудь, а незыблемую твердыню поставили, кирпичъ какъ желѣзо обожгли, камень дикій обтесали надиво. Трудъ тогда былъ свой, весь городъ Строгановыхъ чуть не за князей почиталъ, прекословить ничѣмъ не смѣлъ, на всякую работу горожане шли для „именитыхъ“ людей, а тѣмъ болѣе, какъ Ермакъ въ городѣ объявился и въ службу къ Строгановымъ пошелъ, „новыя сибирскія земли для державы русскія добывать“.

Еще теперь поражаютъ эти постройки своей массивностью, несокрушимостью... Построили храмъ Божій для души, да и про плоть грѣшную не забыли, вѣдь и ее надо потѣшить...

Мѣшковъ каменныхъ въ стѣнахъ понадѣлали, узкихъ, преузкихъ, только

одному человѣку помѣститься, ямъ каменныхъ понарыли, темныхъ, сырыхъ, страшныхъ, безмолвныхъ...

Чуть кто запрекословитъ имъ, словомъ нехорошимъ обмолвится, аль продерзость какую противъ „именитыхъ“ выскажетъ, сейчасъ ослушника дерзкаго хватаютъ и въ мѣшокъ каменный спустятъ; тамъ кричи, не кричи, никто тебя не услышитъ, на помощь не придетъ, изъ могилы каменной не вызволитъ, помощи не окажетъ. Рѣдкимъ удавалось снова на свѣтъ Божій выбраться, такъ тамъ голодной смертью и погибали, а если порой смилостивятся „именитые люди“, къ жизни провиннаго вернутъ, то и то не на радость для него...

И дня не пробудетъ въ каменномъ мѣшкѣ, какъ уже готовъ: разума лишился!

Мучится такой ослушникъ, замуравленный въ каменныхъ стѣнахъ, глубоко внизу, въ вѣчномъ мракѣ, а наверху, въ богато разукрашенномъ храмѣ, „именитые люди“ Богу добра и милосердія молитвы приносятъ, о ниспосланіи имъ всякихъ даровъ и милостей молятся! О томъ-то, что тамъ внизу-то, проклиная ихъ, мучится, умирая, и не мыслятъ...

Жестокое время, желѣзные характеры!

Нѣсколько лѣтъ назадъ принялись за очистку этихъ „мѣшковъ“ и „ямъ“, больше 20 возовъ человѣческихъ костей вывезли... но и теперь испытываешь жуткое впечатлѣніе, когда осматриваешь эти остатки человѣческой жестокости.

Преданіе говоритъ, что изъ подземелья собора ведетъ тайный ходъ въ монастырь и имѣется тяжелая, съ желѣзными крѣпами, дверь куда-то. Во время посѣщенія Сольвычегодска великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ, въ 1885 г., по его приказанію начали было раскопки подземелья, открыли дверь, но послѣ его отъѣзда прекратили работы, дверь снова замазали, такъ и остается все до сихъ поръ.

По слухамъ, въ этомъ подземельѣ

скрыты сокровища Строгановыхъ, и будто бы во время упомянутыхъ кратковременныхъ раскопокъ былъ найденъ большой глиняный горшокъ съ мѣдной монетой...

Впрочемъ, мало ли что ни создаетъ народная фантазія!

Самъ соборъ, дѣйствительно, представляетъ изумительно рѣдкій, богатый памятникъ старины, съ очень цѣнною живописью на стѣнахъ и въ куполѣ, хорошо сохранившеюся. Имѣются шитыя серебромъ пелены, изображающія св. Дмитрія Царевича въ различныхъ видахъ; всѣ онѣ работы женъ и дочерей Строгановыхъ и превосходно исполнены, несомнѣнно требовавшія много труда и стараній.

Курьезный случай произошелъ съ одной изъ этихъ пеленъ, изображающей плащаницу.

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ соборъ явился какой-то скупщикъ старыхъ вещей и предложилъ старостѣ собора,

малограмотному человѣку, промѣнять ветхую плащаницу на совсѣмъ новую, при чемъ прибавлялъ еще 400 рублей, говоря:

— Жалѣя только прихожанъ вашихъ, не имѣющихъ возможности по скудости своей пріобрѣсти новую плащаницу, и памятуя о своей душѣ грѣшной, вкладъ сей въ вашъ храмъ дѣлаю,—сладко пѣлъ старьевщикъ, прекрасно понимая стоимость старинной вещи.

Обрадовался староста щедрому дару, не видѣлъ по простотѣ своей хитрости жертвователя, побѣжалъ къ настоятелю, наскоро перетолковали съ нимъ, не стали и раздумывать—сейчасъ же и согласились: передали щедрому жертвователю ветхую плащаницу, а отъ него получили совсѣмъ новенькую и 400 рублей, думая этимъ обрадовать прихожанъ...

Такъ бы дѣло этимъ и кончилось, если бы продавецъ не перепродалъ его другому, а тотъ за границу, въ Англію; тамъ сейчасъ же поняли, какая рѣдкость имъ

досталась, помѣстили въ каталоги, и плащаница, вѣроятно, очутилась бы въ Америкѣ... но случайно объ этомъ доложили покойному государю Александру III и онъ за 25,000 рублей выкупилъ ее оттуда.

Несмотря на сравнительную сохранность древностей сольвычегодскихъ собора и монастыря, все же археологическому обществу недурно было бы позаботиться о нихъ; во многихъ мѣстахъ монастырской церкви стѣны порастрескались, входъ въ храмъ перекосился и безъ поддержки онъ въ недалекомъ будущемъ развалится. Требуется опытная рука настоящаго реставратора, чтобы возстановить приходящія въ упадокъ фрески и картины, въ противномъ случаѣ онѣ окончательно исчезнутъ и пропадутъ наглядные документы старины.

Крупными самородками оказываются теперь эти „именитые гости", какихъ только промысловъ ни заводили они. Между прочимъ въ небольшой рѣчкѣ Иксѣ, пробѣгающей недалеко отъ города,

они отыскали жемчужныя раковины, устроили около собора въ Сольвычегодскѣ большую яму, выложили камнемъ и переносили ихъ сюда изъ рѣки для созрѣванія, съ тѣмъ, чтобы потомъ „бурмицкимъ зерномъ", полученнымъ здѣсь же, дома, украшать пелены къ иконамъ, и т. д.

Женщины Строгановскаго рода этимъ и занимались; жемчужное дѣло процвѣтало.

Около двухъ верстъ выше Сольвычегодска остатки древняго города Чернигова, смытаго водою.

Песчаные холмы засыпали его развалины. „Курьимъ бродомъ" прозвано это мѣсто, ни слѣда, ни знака, что здѣсь когда-то стоялъ большой городокъ, все успокоилось въ глубокихъ песчаныхъ дюнахъ да въ рѣчномъ ложѣ...

Забыли и о подземельѣ, ведущемъ изъ древняго собора на мѣсто бывшаго женскаго монастыря, а между тѣмъ въ 1877 г. пытались проникнуть въ него и даже

отмуровали стѣну въ каменномъ мѣшкѣ подъ соборомъ.

— Расковыряли это, вошли въ проходъ,—боязливо разсказывалъ мнѣ одинъ изъ старожиловъ, „ветхій деньми" горожанинъ,—а какъ оттуда пахнетъ спертымъ-то духомъ, такъ всѣ и попадали. Одинъ парень, ладистый таковой, ротъ и носъ полотенцемъ себѣ обвязалъ, да и шаркъ туда, чуть не ползкомъ проползъ въ дыру; ждемъ... вернулся сердешный, бѣлѣе холста самъ, трясется весь, еле слово вымолвить можетъ: „страшенный", шепчетъ, „старецъ сидитъ тамъ и не пущаетъ дальше идти, заклято должно тамъ!" Повѣрили мы парню, бросили затѣю, рѣшили сызнова ходъ-отъ заложить, до утра оставили пока, а какъ утромъ закладывать зачали, глянь—хожено, слѣдокъ свѣжій имѣется... Допытываться не стали—заложили, а послѣ прослышали, что парень тотъ старинной мѣдной деньгой платить вездѣ зачалъ, а тамъ еще и слушокъ прошелъ, что ее онъ

въ ту ночь цѣлый чугунъ изъ хода одинъ выволокъ! Подумали, погадали, а сызнова тревожить побоялись...

— А есть что-нибудь тамъ, дѣдушка?

Качнулъ старый головой.

— Какъ не быть! Должно, имѣется. Старики-то Строгановы казну всю свою богатую и вещи которыя сюда прятывали, боялись, какъ бы хожалый народъ, а то свои же станичники, что со Степанъ Тимофеевичемъ приходили, не польстились да не разграбили! Ой, много, мнѣ думается, добра тамъ всякаго попрятано...

Отчего бы въ самомъ дѣлѣ Императорской археологической комиссіи не попытаться отмуровать этотъ таинственный ходъ, о которомъ такъ много толковъ?

Одною изъ достопримѣчательностей Сольвычегодска нужно отмѣтить подгородное село Петряшино, заселенное всецѣло боковою отраслью Строгановыхъ. У нихъ имѣются дарственныя записи отъ различныхъ царей русскихъ, подтвер-

ждающія ихъ права и вольности и указывающія, въ какой степени родства крестьяне эти или, какъ ихъ называютъ еще, „бѣлопашцы" состоятъ къ бывшимъ „именитымъ людямъ", нынѣ графамъ Строгановымъ.

Разумѣется, подобное родство заставляетъ петряшинцевъ питать несбыточныя надежды, что рано или поздно графы Строгановы придутъ къ нимъ на помощь такъ или иначе, но, увы, до сихъ поръ надежды эти не сбываются, именитые сородичи не откликаются на ихъ неоднократныя просьбы и упорно молчатъ...

Петряшинцевъ все-таки трудно разубѣдить, они настойчиво повторяютъ:

— Теперь старый графъ недавно скончался, и вдова его скоро должна пріѣхать къ намъ сюда...

— Съ чего это ей вздумалось пріѣзжать сюда?—спрашиваю.

— Какъ съ чего! Наслѣдство дѣлить: графъ и на нашу долю оставилъ, не забылъ сродственниковъ, цѣлыхъ два миллiона намъ отвалилъ!

— Да неужели это правда, такъ-таки два милліона рублей?

— А то какъ же, не копеекъ. Не стоило ему изъ-за копеекъ пачкаться, не какой-нибудь прощалыга, а, понимаете, Строгановъ! Одного золота у него въ имперіалахъ ровно сто милліоновъ, въ бумажкахъ семьдесятъ три милліона, да помѣстій, угодій разныхъ больше тоже, какъ на сотни двѣ милліоновъ наберется! Одно слово, пофортунило намъ нонча, съ деньгами будемъ, считали: по пятидесяти тыщъ на брата приходится—строили золотые планы петряшинцы, наивные, какъ дѣти, даже не представляющіе себѣ, какой это графъ умеръ, какъ его зовутъ, да есть ли у него въ самомъ дѣлѣ столько денегъ, какъ они предполагаютъ, а главное, дадутъ ли имъ придуманное наслѣдство наслѣдники!

И, въ ожиданіи фантастической вдовы они довольно небрежно относятся къ сво-

ему домашнему обиходу и не ладятъ съ землею, которая, впрочемъ, у нихъ довольно плохая и мало пригодна для обработки, а между тѣмъ въ своихъ мечтахъ о золотомъ дождѣ они проспали постановленіе остальныхъ мѣстныхъ крестьянъ о поземельныхъ налогахъ и, надѣясь на свои грамоты и дарованныя вольности, теперь пререкаются съ земскимъ начальникомъ, пріѣзжающимъ описывать имущество за неплатежъ этого сбора.

Истинная наивность далекаго медвѣжьяго угла!

Вымирающій городокъ, даже по земской статистикѣ число жителей въ немъ годъ отъ года уменьшается, никакихъ промысловъ, заводовъ, торговли; даже рыболовство уменьшается, сходитъ нанѣтъ...

Спятъ горожане непробуднымъ сномъ!

По зырянскому краю.

XVI.

Воды еще много, но пароходъ значительно меньше размѣромъ, чѣмъ на Сѣверной Двинѣ, идемъ тоже тише: „вода верховая претъ, ну не пущаетъ шибче идти“,— поясняетъ мнѣ тотъ же лоцманъ, а выше совсѣмъ тихо пойдемъ, тамъ рѣка уже силу большую забираетъ и держитъ; спадетъ когда, тогда ходимъ, хоть и съ опаской, но подыматься куда легче и ходъ скорѣй...

Настоящее „сѣверное гнѣздо“ и допотопныя твари, мѣстами явный слѣдъ геологическихъ наслоеній, историческій докладъ воочію!

Чуткая тишина...

Гдѣ-то на кормѣ, на связкѣ канатовъ, завилась заглушенная пѣсенка... Словъ не разобрать, но мелодія затѣйливая, узорчатая, не то восточная, не то славянская, тягучая, жалобная...

— Зырянинъ завылъ! — пренебрежительно заявляетъ сосѣдъ, примостившійся на верхнемъ балкончикѣ,—недолго прокан҄ючитъ, скоро самому надоѣстъ,— увѣренно говоритъ сосѣдъ.

Не зная языка, трудно понять, о чемъ эта жалоба; дѣйствительно жалоба, ею проникнута вся пѣсня, мелодія сама выражаетъ ее...

— Ихъ послушать, они завсе ноютъ и плачутъ!—презрительно отвѣчаетъ на мой вопросъ тотъ же сосѣдъ,—такой ужъ пытливый народъ, пьяные—орутъ, дерутся, а тверезые, либо молчатъ, либо нудятъ душу своими пѣснями!

Да и сама Вычегда какая-то скучная, да нудная; подъ сотню верстъ проплыли, все одна пустыня; поселки, точно оазисы, на

нѣсколько десятковъ верстъ другъ отъ друга пораскинулись...

Болотистый лѣсъ, поломанный, мшистый тянется безъ конца, съ обѣихъ сторонъ надвинулся на рѣку, и нѣтъ ему ни конца, ни начала!

Кое-гдѣ овраги пораскинулись, серебряныя ленточки ручейковъ по нимъ протянулись, Вычегду поятъ своей водицей, перекаты ея до поры до времени прикрываютъ.

— Глухой и... глупый край!—слышу я авторитетное замѣчаніе сзади себя. Оборачиваюсь, молодой, еще не вполнѣ оперившійся коммивояжеръ изъ евреевъ.

— Почему вы такъ думаете?—спрашиваю его.

— Очень просто, по граммофонному репертуару!

Странная оцѣнка края, по совершенно новой системѣ!

Вояжирующій приказчикъ не заставилъ меня долго ждать его разъясненія.

— Я ѣзжу отъ большой московской

граммофонной фирмы и отлично знаю, какой репертуаръ пластинокъ гдѣ идетъ, что больше всего гдѣ нравится!—съ апломбомъ заявилъ онъ мнѣ,—самый интеллигентный покупатель,—приказчикъ особенно смачно выговорилъ слово „покупатель“,—это у насъ, въ юго-западномъ краѣ, преимущественно берутъ Шаляпина, разныя итальянскія оперы, танцы:—маюфестъ и т. д. На Волгѣ же люди понимаютъ хорошую музыку, ну, а здѣсь—сбродъ всякій берутъ: русскія пѣсни, цимбилибимбели и молитвы церковныя кое-гдѣ еще любятъ и то не вездѣ,—постарался оправдаться продавецъ,—больше по глухимъ мѣстамъ, туда за Яренскомъ, тамъ народъ совсѣмъ дуракъ еще, заведетъ на граммофонѣ что поскучнѣе, а самъ такъ бѣлугой и разливается.

Во всякомъ случаѣ судить объ извѣстномъ развитіи народа по... граммофонному репертуару, кажется, еще не надумались и нѣмцы, на что они искусники

во многомъ чемъ, даже въ выдумкѣ обезьяны.

Полсотни верстъ не доѣзжая до Яренска, къ берегу, мимо котораго мы медленно проплывали, подбѣжали горы, Вычегда разлилась красивой долиной, уходящей безъ конца въ даль.

Еще ближе къ берегу въ нее влилась Лена; водное пространство стало значительно шире, русло перерѣзалось многочисленными островами, покрытыми, точно шапками, густыми купами березъ и сосенъ. Мѣстность сдѣлалась красивѣе, кое-гдѣ проглянули пашни, потянуло дымкомъ.

— Тутъ еще что,—замѣтилъ мнѣ стоящій рядомъ со мной у борта купецъ,—вотъ туда дальше, за Яренскомъ, пойдутъ мѣста, такъ тамъ отъ дыма не продохнешь!

— Смолокуреніемъ что ли тамъ особенно старательно занимаются?

— Какое тамъ смолу курятъ! Ленъ

сѣютъ, ну и дымятъ, хуже еще чѣмъ смолу гонятъ!

Заинтересовалъ меня оригинальный способъ сѣять ленъ съ огнемъ, не могъ себѣ и вообразить подобнаго способа.

Улыбнулся купецъ, когда я его объ этомъ спросилъ.

— Въ нашихъ зырянскихъ краяхъ не бывали, значитъ, и не знаете, какъ у насъ завсе ленокъ сѣютъ! Возьмутъ подпалятъ лѣсъ, не разбирая, поудобнѣе, гдѣ придется, апосля какъ сожгутъ его, перемѣшаютъ на выжженномъ мѣстѣ-то пепелъ съ землею, такія особенныя бороны-самодѣлки изъ длинныхъ вѣтокъ устроены, по цѣлинѣ этой-то посѣютъ ленокъ...

— И родится?

— Еще какой уродится, цѣлину-то всю повыпьетъ, всю ея силу себѣ возьметъ, отощаетъ послѣ него земля сразу, долго холостой ходить будетъ...

— Значитъ, такимъ посѣвщикамъ только бы сорвать одинъ урожай и вся недолга?

— А то какъ же, и лѣсъ за ничто сведутъ, зачастую дорогой, стоялый, строевой лѣсъ, а имъ и горя мало, развѣ смекаютъ, что такое сокровище зря губятъ!

— А если нечего жечь, что тогда будутъ дѣлать?

— Не смышленъ зырянинъ на что другое, а на это сметка у него имѣется: навезетъ порой изъ какой еще дали на такую палу, гдѣ раньше ленъ сѣялъ, рубленаго лѣса, накатаетъ на берегъ, позажжетъ эти бревна и начнетъ ихъ горящіе по прежней палѣ катать. Огнемъ они пышутъ, дымомъ очи застилаютъ, а зырянинъ впрягся въ нихъ со всѣмъ своимъ семействомъ, знай себѣ ихъ катаетъ и переворачиваетъ...

Сгорятъ эти—еще новыя волокетъ, пока всю палу не испепелитъ, а тамъ снова засѣетъ палу льномъ и сборъ хорошій сниметъ. Темнота это все здѣшняя, указать какъ что крестьянину здѣшнему

некому, ну онъ зря и жжетъ лѣса, благо еще возможно!

Посмотрѣлъ я потомъ на здѣшнихъ крестьянъ и пожалѣлъ и подивился на нихъ вчужѣ...

Сами черные, точно прокопченные, глаза красные, слезятся, плохо видятъ, всѣ ѣдкимъ дымомъ выѣдены, а все же не оставляютъ своего стараго пріема посѣва льна, хоть и тяжелъ онъ и непрактиченъ...

Много чудного видалъ я у насъ на Руси святой, а чуднѣе Яренска не приходилось. Стоитъ городъ въ двухъ верстахъ отъ рѣки и отъ нея же отдѣленъ, весенней порой, тоже водой! Вотъ тутъ и пойми: вода воду отъ суши отдѣляетъ!

Вода всю сухопутную дорогу до города заливаетъ и на пристань къ рѣкѣ ни на чемъ въ это время нельзя попасть, пробираются на лодкѣ, и то кое-какъ, такъ какъ мѣстами ее по обсохшимъ мѣстамъ приходится тащить волокомъ.

А все жъ „Еренскъ"-городокъ, какъ

его прозвали встарь, на большомъ привольѣ пораскинулся, точно говоритъ:

„А ну, пришлый людъ, родной, полюбуйся на мою ширь водную, да земляную! Старинное-то „гнѣздо сѣверное" пошукай, раскопай мои нѣдры, нетронутыя еще никѣмъ, много чего цѣннаго, нужнаго для родины понаищешь тамъ себѣ!"

Ой, напрасно, кажется, сѣверное приволье да ширь могучая зоветъ къ себѣ коренного русачка, не зарится онъ на ея богатства, подъ землею сокрытыя, не манятъ его и дали сѣверныя, потайныя, какъ и встарь, тяжелъ онъ на подъемъ, заднимъ умомъ крѣпокъ, да и лѣность его обуяла не малая, отъ татаръ онъ ее себѣ перенялъ, такъ навсегда и присвоилъ, сроднился съ нею...

Потолковать, помечтать не прочь нашъ русскій человѣкъ, а раскачается еще не скоро, а когда лѣнь съ себя сброситъ, глаза, какъ слѣдъ, протретъ... всѣми богатствами здѣсь иноземцы воспользуются,

придется ему ходить только кругомъ и около, да съ завистью посматривая, вспоминать о томъ времени, когда всѣ эти богатства ему неотъемлемо принадлежали, его достояніемъ были... А недалеко это время, ужъ теперь нѣмцы и бельгійцы точно рои шмелей кружатся надъ этимъ богатымъ краемъ, кое-гдѣ и рвутъ его, пользу для себя извлекаютъ...

Не спятъ и наши окраинцы, вездѣ по непролазнымъ путямъ рыскаютъ, все высматриваютъ. Нынѣшній годъ зимою, на Чердыни, у самой Печоры рѣки, нѣсколько эстонцевъ пробрались, земли осмотрѣли, больше десятка земли подъ раздѣлку на пашню купили по семи рублей за десятину и ужъ подобрали охотниковъ-колонистовъ изъ своихъ земляковъ! Да подвернулись выгодные покупатели, татары изъ Уфимской губерніи, тѣмъ переуступили по пятнадцати рублей.

— Нажили мы, а для своихъ еще разъ пройдемъ по этому краю, опять купимъ!— довольный барышомъ, говорилъ мнѣ ихъ

представитель, ѣхавшій вмѣстѣ со мной на пароходѣ.

Просыпаются „сѣверныя гнѣзда"; хоть тихо, но просыпаются, жалко только, что будитъ ихъ не свой, не русскій, а иноземецъ, которому до интересовъ родины нѣтъ никакого дѣла...

Жаль, если и теперь мы проспимъ свое національное богатство и закабалимъ неисчерпаемо богатый сѣверный край пришлымъ чужеземцамъ!

Странный народъ зыряне! Считаются офиціально православными, ходятъ въ церкви, молятся Богу, а между тѣмъ до сихъ поръ, кажется, нигдѣ на Руси христіанскіе обряды такъ тѣсно не связаны съ языческими повѣрьями и обычаями.

Пришлось мнѣ случайно разговориться съ однимъ пожилымъ зажиточнымъ зырянином, поразсказалъ онъ мнѣ о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

— Есть у насъ на Вишерѣ-рѣкѣ церковь, такъ въ нее каждый годъ съ тѣхъ

поръ, какъ ее поставили, 8 сентября дикій олень прибѣгалъ. Въ этотъ день, много лѣтъ назадъ, приплыла на лодкѣ икона Божьей Матери, въ честь которой потомъ и былъ сооруженъ самый храмъ. Почитаютъ эту икону по всему зырянскому краю, много народу поправилось, когда ей молились...

— Олень здѣсь же при чемъ?—спросилъ я, недоумѣвая такому странному сопоставленію.

— Сейчасъ все вамъ разскажу, слушайте. Какъ церковь только поставили, сталъ каждый годъ къ началу обѣдни прибѣгать олень, народъ вмѣстѣ съ священниками свѣжевали его мясо, приносили въ жертву Богородицѣ, а потомъ дѣлили между всѣми прихожанами. Они уносили его домой...

Какъ-то, побольше полутораста лѣтъ, оленя этого ждали, ждали 8 сентября, по обыкновенію, а онъ не прибѣгаетъ!..

Рыдать навзрыдъ всѣ начали, думали, что Богородица прогнѣвалась за что-ни-

будь на зырянскій край, жарко молились, а священникъ, потерявъ всю надежду на появленіе жертвеннаго животнаго, началъ служить обѣдню...

Къ концу она ужъ подвигалась, какъ олень прибѣжалъ, измученный такой, весь въ поту и въ пѣнѣ, и не ожидая, чтобы его зарѣзали богомольцы, самъ ударился о каменный помостъ и сразу убился...

— Съ той поры не сталъ появляться таинственный жертвенный олень 8 сентября,—прибавилъ мой собесѣдникъ и, замѣтивъ улыбку на моемъ лицѣ, настойчиво прибавилъ:—не вѣрить этому нельзя, мой дѣдъ самъ его видѣлъ и даже свѣжевать не разъ доводилось. До сихъ поръ въ вишерской церкви хранится верхняя часть рога жертвеннаго животнаго, она похожа словно на человѣческую руку, сложенную, всѣ пять пальцевъ обозначились... Пепелъ отъ рога этого оленя отъ дикихъ звѣрей скотъ нашъ сохраняетъ...

Не мало имѣется здѣсь повсюду „чудскихъ“ ямъ, про нихъ говорятъ, что это таинственное племя во время распространенія христіанства предпочитало лучше погибнуть, чѣмъ принять новую вѣру.

Цѣлыми семьями, даже родами залѣзали они въ подобныя ямы, предварительно наваливъ на крышу надъ нею груду земли, а затѣмъ, подрубивъ подпорки, хоронили сами себя.

Давно исчезла съ лица земли „чудь белупоглазая“ и слѣда отъ нея не осталось; упорно стоявшіе за своихъ боговъ язычники смололись подъ колесомъ исторіи, много прошло съ тѣхъ поръ лѣтъ, даже столѣтій, а край все находится чуть ли не въ прежнемъ дикомъ положеніи...

У „Вратъ смерти“.

XVII.

Все пустыннѣе, все глуше становятся берега широкой, но угрюмой Вычегды... Кое-гдѣ, на взгорьяхъ, виднѣются деревни и села, но и они не веселятъ взора. Рѣка причудливо завивается, слизываетъ мѣстами песчаные берега... Горы то перекидываются съ одной стороны на другую, то сразу далеко отбѣгаютъ отъ рѣки и чуть-чуть синѣютъ вдали, чтобы затѣмъ снова, буйно разбѣжавшись, круто уткнуться въ самую рѣку и разлиться вдоль нея темно-зеленою хвоей старыхъ елей, спутанныхъ внизу частымъ можжевельникомъ... Пошла зырянская земля, лѣсное приволье, заповѣдныя чащи, тай-

ничжи, всѣ сплошь заросшіе затѣйливыми листами узорнаго папоротника, человѣкъ замкнулся въ лѣсныя дебри, сроднился съ угрюмыми растительными гигантами.

Они увлекли его съ собой, оторвали отъ всего міра, научили его молчать, точно онъ всегда скрываетъ какую-то тайну...

Подплываемъ къ Усть-Сысольску, тоже расположенному не на самой Вычегдѣ, а въ трехъ верстахъ отъ нея.

Почему всегда у насъ на Руси селились не у самой воды? Боялись въ старину разлива воды или хотѣли обезопасить себя этимъ отъ набѣговъ сосѣдей?

Хотя Усть-Сысольскъ и столица зырянскаго края, но онъ невеликъ относительно своего уѣзда, разбѣжавшагося на полтораста тысячъ квадратныхъ верстъ!

И на такомъ-то громадномъ пространствѣ, больше любого германскаго княжества, разбросано всего-навсего меньше ста тысячъ жителей!

Неисчислимыя богатства, скрытыя въ нѣдрахъ этой грандіознѣйшей площади, покоятся до сихъ поръ нетронутыми, неизслѣдованными, дѣвственными... Русскій капиталистъ охотнѣе поѣдетъ на чисто аферныя предпріятія, вложитъ деньги, и немалыя деньги, въ различныя „Луна-парки“, опереточныя антрепризы, фантастическія предпріятія, раскричанныя ловкимъ, оборотистымъ международнымъ аферистомъ, повѣритъ послѣднему, на словахъ даже, въ возможность проведенія желѣзной дороги на луну... и скептически отнесется къ словамъ всѣми признаннаго спеціалиста, старающагося доказать ему о громадной выгодѣ разработки естественныхъ богатствъ нашего Сѣвера!

„Люди на лѣсъ не зинутъ—деревья не сгинутъ“—пришлось мнѣ тутъ слышать поговорку, она отлично иллюстрируетъ странный, если не сказать даже больше, близорукій взглядъ нашихъ русскихъ капиталистовъ на здѣшнія богат-

ства. Недалеко отъ нихъ отстала и наша землеустроительная администрація, въ особенности лѣсное вѣдомство.

Повсюду чувствуется недостатокъ правильнаго надзора за лѣсами, да и нельзя требовать его отъ людей, которымъ они поручены, вѣдь слишкомъ милліонъ десятинъ лѣса наблюдаютъ всего... десять человѣкъ! Развѣ можетъ одинъ человѣкъ хотя только обойти, болѣе ста тысячъ десятинъ, а въ особенности при невозможныхъ мѣстныхъ путяхъ сообщенія, которыхъ, проще всего сказать... не существуетъ!

Неизмѣримыя казенныя богатства стоятъ споконъ вѣка не считанными, гніютъ и гибнутъ задарма, нельзя-же въ самомъ дѣлѣ считать мало-мальски сноснымъ доходомъ... пять копеекъ съ десятины лѣса, какъ теперь показываетъ казенная статистика!

Въ любомъ европейскомъ государствѣ разсмѣялись бы прямо въ глаза, услыхавъ о подобномъ доходѣ отъ той мощ-

ной лѣсной чащи, отъ тѣхъ лѣсныхъ исполиновъ, разлившихся здѣсь необозримымъ зеленымъ моремъ!

Грустно послѣднимъ гибнуть отъ остраго топора лѣсопромышленника, но тяжелѣе еще безцѣльно гнить въ непроходимыхъ лѣсныхъ дебряхъ и захолустьяхъ! Да не объ одномъ лѣсѣ стоитъ здѣсь позаботиться, есть тутъ и золото, и желѣзо, и „камни самоцвѣтны“, не мало и горныхъ породъ, интересныхъ для разработки.

Здѣсь, какъ и вездѣ на Руси, приходится слышать одну пѣсню:

— Земли мало! Хлѣба своего не достаетъ!

Хотя громадныя земельныя пространства стоятъ совершенно неиспользованными, не приносящими никакой пользы... а между тѣмъ опыты, произведенные здѣсь, ясно доказали возможность сѣять не только рожь, ячмень, ленъ и картофель, но даже клеверъ!

Но для этого необходимо указать мѣст-

ному населенію, какъ производить посѣвы, какъ обращаться со взошедшими сѣменами, необходимо завести здѣсь правильную культуру хлѣбовъ и травъ, прислать опытныхъ инструкторовъ, и на опытныхъ поляхъ показать народонаселенію все это.

Теперь же, какъ мнѣ здѣсь сообщали, министерство земледѣлія отпускаетъ на изученіе культуры хлѣбовъ и травосѣяніе въ уѣздѣ, имѣющемъ двадцать семь милліоновъ десятинъ, громадную сумму въ... пятьдесятъ рублей!

Не знаю, смѣяться ли въ этомъ случаѣ или... негодовать на нашу россійскую халатность, на нашу небрежность, на нашъ презрительный взглядъ, который кидаютъ на все олимпійцы, засѣдающіе въ различныхъ департаментахъ и незнакомые съ жизненной практикой ввѣреннаго имъ дѣла...

Усть-Кулома—„Врата смерти“, въ переводѣ съ зырянскаго языка...

Здѣсь теряются и остатки цивилизаціи,

названіе вполнѣ справедливое. Даже пріѣхавшій сюда человѣкъ весь во власти стихійной природы; хочетъ она—помилуетъ пришельца, закапризничаетъ—погубитъ.

Даже врачебная помощь, въ видѣ земской больницы съ однимъ врачомъ—послѣдній этапъ до самаго Урала, весь громадный Печерскій край обходится безъ врачебной помощи...

„Сѣверныя гнѣзда“ концентрируются тутъ преимущественно по монастырямъ. Крѣпко сидятъ эти древніе поборники благочестія, строго держатся преданій и уставовъ настоящаго „иноческаго житія“, по постамъ „скороми“ вкушать не рѣшаются...

— Мы здѣсь въ простотѣ живемъ, Богу молимся, да работаемъ, вотъ и все,—говорилъ мнѣ монашекъ въ Ульяновскомъ монастырѣ, — намъ, инокамъ, не полагается мудрствовать, исполняй только положенное на тебя послушаніе, да мысленно тверди „Господи, помилуй!“

И въ его словахъ слышалось не притворство, не заискиванье передъ чужакомъ пріѣзжимъ, а настоящая вѣра, спокойная увѣренность, что иначе и быть не можетъ.

— Мы, вѣдь, Соловецкой обители обряды блюдемъ, преподобныхъ Зосимы и Савватія уставъ вершимъ, ихъ труженички, а кому же лучше, какъ не имъ, святымъ угодникамъ, знать, какъ иноку жить надлежитъ!—подтверждалъ другой.

И благодаря такой незыблемой вѣрѣ, тамъ, далеко въ сѣверной глуши, еще сохранилось православіе, во всей своей чистотѣ, дѣтски-наивное, прекрасное, какъ полевой цвѣтокъ, обрызганный утренней благоуханной росою...

Страна преданій.

XVIII.

Пройдя еще небольшое разстояніе по рѣкѣ Выми, я остановился въ селѣ Кошка, съ тѣмъ, чтобы спустя нѣкоторое время отправиться обратно.

Ой, какъ древни здѣшнія поселенія! Они помнятъ еще просвѣтителя пермскаго края св. Стефана...

Пришлось ему проходить здѣсь, проповѣдывая ученіе Христа, а въ мѣстныхъ селахъ веселье идетъ, дымъ коромысломъ стоитъ, зыряне-язычники справляли какой-то свой языческій праздникъ и припѣвали: ляли! ляли!

Разумѣется, не стали слушать христіанской проповѣди, порицающей подобное веселье, разгулявшіеся сельчане.

Сурово взглянулъ на нихъ св. Стефанъ, погрозилъ имъ рукою и прибавилъ:

— Оставайтесь же вы отнынѣ на вѣки-вѣчные „лялями“!

А сосѣднее село, гдѣ его проповѣдь жители встрѣтили мяуканьемъ, онъ назвалъ „кошкою“. Такъ и стали оба эти села зваться съ той поры „Лялями“ и „Кошкой“.

Весь край здѣсь пропитанъ стариной, но теперь позабытой, не изслѣдованной. Выше къ сѣверу тянется отсюда знаменитый Удорскій край, когда-то бывшій самостоятельнымъ княжествомъ, названіе котораго до сихъ поръ упоминается въ полномъ титулѣ Царскомъ...

Но ничего не осталось отъ этого княжества, никакихъ слѣдовъ, даже и мѣстопребываніе самихъ удорскихъ князей до сихъ поръ не отыскано. Имѣются только различные погосты съ замысловатыми названіями: Вашъ-Гортъ, Оленья-Брода,

да неразрытые, неизслѣдованные курганы...

Интересныя поговорки пришлось мнѣ здѣсь слышать: „язва отъ стрѣлъ—глубока, отъ меча широка“; „кто пьетъ вино безъ опасья — тотъ скоро погаснетъ“; „послѣ немочи—повалки живутъ“...

Земли здѣсь незанятой не мало, но, видимо, о ней совсѣмъ и позабыли, некому о ней вспомнить, некому за нее взяться, много ее въ пустыряхъ лежитъ...

— Ну, какая здѣсь земля! — презрительно говорятъ земельные устроители,— болота да лѣсныя топи, вотъ и весь край Удорскій!

А между тѣмъ одинъ изъ серьезныхъ изслѣдователей края утверждаетъ, что стоитъ только снять во многихъ мѣстахъ верхній сырой мохъ, для того, чтобы обнаружилась прекрасная для травосѣянія почва, а расчистка лѣса избавитъ отъ вреднаго вліянія на луга и пашни тумановъ и холодовъ.

Утверждать, насколько это указаніе

правильно и раціонально, я не стану, такъ какъ не спеціалистъ въ этомъ дѣлѣ, но все-таки думаю, что съ введеніемъ большаго порядка въ мѣстномъ посѣвномъ и травяномъ хозяйствѣ много въ сачемъ перемѣнится общій недружелюбный взглядъ на эти заброшенныя русскія земли.

Недолго пришлось мнѣ здѣсь гостить, поплыли въ обратную дорогу, къ Яренску...

Перебрались опять въ Вычегду, вода въ рѣкѣ замѣтно стала падать, дождей давно не было, вешнія воды уже сбѣгали, берега сдвигались, рѣка мелѣла, кое-гдѣ раскатъ ея измѣнился, вода входила въ свое природное русло...

— А старинные зырянскіе храмы поостались еще гдѣ?—задалъ я вопросъ ѣхавшему съ нами на пароходѣ священнику.

— И слѣда отъ нихъ нѣтъ, даже приходы, какъ они раньше были разграничены, никто не помнитъ... Изъ самыхъ

старыхъ, пожалуй, можно указать на Вожемскую церковь, тутъ недалеко, почти подъ самымъ Яренскомъ будетъ, въ ней на иконахъ и надписи по-зырянски сдѣланы. Другая церковь по ту сторону рѣки стоитъ, зовется: Цилимская. Богатой самой прежде слыла, мощи въ ней имѣются, преп. Дмитрія. А тамъ, поближе еще къ городу, въ Иртовскомъ храмѣ, имѣется Нерукотворнаго Спаса образъ, говорятъ, что самимъ св. Стефаномъ написанъ; паникадило тоже особенное—деревянное все рѣзное. Колоколъ раньше заграничной работы на колокольнѣ висѣлъ, сказываютъ, старый-престарый. Какъ какому особенному случаю надлежитъ приключиться—самъ звонить зачиналъ, никто его и не раскачивалъ. Ну и знали это, въ церковь шли, Богу со слезами молились, чтобы помиловалъ. Потомъ его въ городскую церковь на колокольню повѣсили...

— А теперь когда-нибудь онъ самъ звонитъ?

— Что-то не слыхать, а можетъ быть и звонитъ кое-когда, да не приказано сказывать...—смутился батюшка и, подозрительно на меня посмотрѣвъ, прекратилъ разговоръ и отошелъ въ сторону.

Въ Яренскѣ такъ мнѣ и не удалось посмотрѣть этотъ знаменитый колоколъ-предсказатель, ужъ потомъ въ Вологдѣ одинъ большой знатокъ всѣхъ мѣстныхъ повѣрій и легендъ передалъ мнѣ, что этотъ мѣдный глашатай виситъ на колокольнѣ церкви во имя св. Стефана за оврагомъ, и повѣшенъ здѣсь по приказу ужъ много лѣтъ умершаго исправника, негодовавшаго на предсказателя за то, что онъ своимъ таинственнымъ звономъ „смутьянитъ" жителей города и поддерживаетъ въ нихъ вѣру въ свою сверхъестественную силу...

По словамъ разсказчика, на колоколѣ имѣется надпись, что онъ вылитъ въ 1628 году въ Гейдельбергѣ...

Какъ онъ сюда попалъ? Странное сопоставленіе: старинный городъ Германіи и русскій дальній сѣверъ!

Немало должно существовать здѣсь легендъ и повѣрій, если я, случайный проѣзжій, познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ, но никому нѣтъ желанія подробнѣе познакомиться съ этимъ краемъ, про который имѣются еще записи въ „сошномъ" письмѣ царя Ѳеодора Іоанновича...

„А оброкъ съ Еренскаго городка долженъ доставляться въ Москву въ приказъ дьяка Андрея Щелканова", — пишетъ самъ царь...

Слово „Яранъ", изъ котораго происходитъ названіе Яренска, означаетъ „пастухъ оленей".

Но „пошла-де подъ Еренскій городокъ рѣка Вычегда, и острогъ, и башни подмыла и въ воду свалила... и на томъ мѣстѣ храму быть невозможно"...—доноситъ въ Москву мѣстная власть въ 1630 году, и по просьбѣ жителей городъ приказано переставить на новое мѣсто.

Около города раскинулось Себентьевское озеро, соединенное съ Вычегдой протокомъ. Мѣстное земство недавно возбудило вопросъ объ устройствѣ здѣсь гавани для зимней стоянки судовъ...

Эта гавань, несомнѣнно, имѣетъ въ будущемъ большое значеніе, когда ухтинская нефть найдетъ, наконецъ, для своей разработки серьезнаго и солиднаго предпринимателя. Здѣсь, въ Яренскѣ, устроится естественно ея главный складъ, и предполагаемая постройка Печорской желѣзной дороги нисколько не повредитъ водному пути для новаго нефтяного бассейна, зимовать здѣсь могутъ только большіе караваны съ нефтяными продуктами.

Мѣстный край, ближе къ самому мѣсторожденію ухтинской нефти, подробно изслѣдовалъ въ геологическомъ отношеніи горный инженеръ В. Н. Мамантовъ въ цѣляхъ проложенія желѣзнаго пути и сводъ его очень тщательнаго труда даетъ чрезвычайно интересную

картину богатствъ ископаемаго царства въ этомъ отдаленномъ глухомъ углу...

Здѣсь, кромѣ желѣзной, мѣдной и свинцовой руды, имѣются: каменный уголь въ большомъ количествѣ, огнеупорная глина, азбестъ, магнезитъ, сѣрный колчеданъ, марганецъ, хромъ, доломитъ...

Спряталось здѣсь, не особенно глубоко въ землю, также радость и горе человѣчества—злато, на него только въ районѣ Ухта—Печора и Кама сдѣлано съ 1888 года 434 заявки!

Какъ-то странно слышать, что здѣшній громадный сѣверный уголъ, несмотря на свою сравнительную близость къ центрамъ, не привлекъ жадной до наживы толпы золотоискателей, не поднялъ этой золотой лихорадки, заставляющей людей мчаться въ такія отдаленныя страны, какъ Клондайкъ и Камчатка...

Несомнѣнно, здѣсь играетъ роль недовѣріе, которое мы, русскіе, постоянно обнаруживаемъ къ своимъ роднымъ предпріятіямъ и дѣламъ.

Чѣмъ же инымъ объяснить очень слабую разработку здѣсь драгоцѣннаго металла?

Золото имѣется разсыпное и шлиховое.

Но серебро въ краѣ отсутствуетъ, или же оно до сихъ поръ не было найдено.

Говоря объ ископаемомъ богатствѣ края, я забылъ упомянуть еще о... соли и гипсѣ; первой—громадное количество; при разработкѣ болѣе старательной ее можно добывать несравненно больше, чѣмъ теперь, второй же совсѣмъ не разрабатывается, между тѣмъ и въ открытыхъ мѣсторожденіяхъ его немало. Зорко слѣдящіе за русскими ископаемыми богатствами иностранцы уже сдѣлали немало заявокъ въ краѣ...

По солеварницамъ Сѣвера.

XIX.

Одною изъ главныхъ задачъ оживленія нашего Сѣвера является поднятіе его промышленности, въ особенности тѣхъ ея отраслей, которыя или еще совсѣмъ не были использованы, или же значительно сократились, а во многихъ мѣстахъ совершенно сошли на-нѣтъ, „изничтожились“, по мѣстному выраженію.

Одинъ изъ такихъ промысловъ, очень древній, обратилъ на себя вниманіе, именно: солеваренный.

Одно время весь нашъ Сѣверъ былъ покрытъ сѣтью солеварницъ, и большинство изъ здѣшнихъ городовъ и мѣсте-

чекъ въ самомъ своемъ названiи это показываетъ: Соль-Вычегодскъ, Усть-Сысольскъ, Соли-Камскъ и т. п.

Въ настоящее время работаютъ три завода, два въ вологодской и одинъ въ архангельской губернiи: Леденгскiй, Сереговскiй и Ненокскiй, причемъ перебиваются, скорѣе, съ хлѣба на квасъ.

Холодный, не похожiй на лѣтнiй, вечеръ спустился на землю, когда мы, перебравшись изъ небольшого, но привѣтливаго уѣзднаго городка Тотьмы на правый берегъ Сухоны, затряслись на тарантасѣ по земскому тракту въ село Леденгскъ, лежащее въ 35 верстахъ отъ рѣки.

Послѣ небольшого участка молодняка, поднимающагося на мѣстѣ сведеннаго стараго лѣса, дорога побѣжала черезъ просѣку густого казеннаго бора, не затронутаго еще топоромъ промышленника.

Угрюма, таинственна сѣверная природа. Ни звука, ни шороха; стоятъ, точно завороженныя, семисаженныя сосны, слабо дрожитъ листва на тонкомъ осиновомъ стволу, высоко вытянувшись вверхъ, нѣжно бѣлѣетъ березка среди своихъ угрюмыхъ хвойныхъ товарищей...

Пошло болото за тощей растительностью. Сѣро, непривѣтливо.

— Въ курортъ нашъ, что ли, лечиться ѣдете, аль такъ его повыглядѣть? —любопытно спрашиваетъ ямщикъ.

Онъ тоже леденжанинъ и возитъ въ небольшой бальнеологическiй курортъ при варницахъ больныхъ. Лечебный пунктъ тоже существуетъ не мало времени, но съ 1908 г. онъ сданъ въ аренду тотемскому уѣздному земству и, по имѣющимся свѣдѣнiямъ, работаетъ годъ отъ году все лучше и лучше, пацiентовъ прибавляется съ каждымъ лечебнымъ сезономъ.

Кромѣ этого лечебнаго заведенiя, на Сѣверѣ ближе Старорусскаго курорта не имѣется никакого другого, а больныхъ, нуждающихся въ соляно-желѣзистыхъ

ваннахъ, все прибавляется; уже теперь въ Леденгскѣ болѣе 300 больныхъ, въ теченіе же лѣта здѣсь перебываетъ болѣе 600—700 человѣкъ.

Тарантасъ нашъ поднялся въ гору, подъѣхали къ деревнѣ Низовья; отсюда остается ровно половина пути до варницы.

Легкое покрывало бѣлой ночи незамѣтно окутало уже спящую деревню, высокія стѣны бора, замело извилины дороги и протянулось по лужкамъ и низинамъ тонкимъ слоемъ росы. Проснулись болотные обитатели, скрипуче закричалъ дергачъ, заквакали согласно лягушки...

Снова просѣка, трактъ чинится, навоженъ песокъ, роются по сторонамъ канавы, но все-таки трясетъ въ „кованомъ" тарантасѣ сильно; трудно даже разговаривать изъ боязни прикусить языкъ. Вхожу въ положеніе больныхъ, нуждающихся въ Леденгскѣ! Потемнѣло еще немного, на небѣ слабо выяснился молодой

мѣсяцъ; ухнула далеко въ чащѣ сова, рѣзко отозвался звукъ въ плотной щеткѣ лѣса. Коренникъ насторожился.

— А ну, чего дуришь-то!—окрикнулъ его сердито возница и, обернувшись къ намъ, прибавилъ, указывая кнутовищемъ,—озавчера тутъ медвѣдь-скотникъ двухъ коровъ потратилъ.

На пригоркѣ забѣлѣло зданіе церкви, скоро показался и самъ Леденгскъ.

Несмотря на одиннадцатый часъ, въ двухъ этажныхъ, какъ вообще на Сѣверѣ, избахъ свѣтились огоньки.

— Это все пріѣзжіе, больные, — пояснилъ намъ ямщикъ.

Проѣхавъ по длинной улицѣ, тарантасъ нашъ остановился у казеннаго дома помощника лѣсничаго; пріютились на ночь у него. Завтра нужно было осмотрѣть обѣ солеварницы, еще недавно, всего второй годъ, перешедшія со „стариннаго" чернаго, ямнаго способа на „бѣлый трубный", новый, потребляющій ме-

нѣе топлива и вырабатывающій продуктъ высшаго качества.

Со мною пріѣхалъ г. А. П. Борисовъ, стараніями и хлопотами котораго и было введено это новшество; его интересовало, успѣшно ли идетъ выварка и общее положеніе дѣла. Несмотря на дешевую плату, по которой казна отпускаетъ дрова для выработки соли мѣстному крестьянскому обществу, образовавшему артель для аренды варницъ, отсутствіе даже небольшихъ оборотныхъ средствъ ярко сказывается. Артель не въ состояніи своевременно заготовлять дровяное топливо въ достаточномъ количествѣ и должна временно пріостанавливать выварку соли въ самое благопріятное, лѣтнее время. Отсутствіе средствъ принуждаетъ также артельщиковъ продавать несвоевременно соль по низкой цѣнѣ.

Нынѣшній годъ по этой причинѣ леденжанамъ пришлось продать часть по выработкѣ по 17 коп. за пудъ, а самимъ соль обходилась по 18—20 коп. при

обыкновенной рыночной цѣнѣ 25-30 коп. Выработано за годъ соли 41 т. пуд. Дрова изъ казенной дачи отпускаютъ артели по 20 коп. за куб. сажень.

Обѣ новыя бѣлыя варницы варятъ хорошо и, если бы работали круглый годъ, могли бы дать хорошую пользу артельщикамъ.

Земскій курортъ, какъ уже было сказано, постоянно переполненъ больными, причемъ имѣются пріѣзжіе даже изъ Москвы и Петербурга. Здѣсь 18 ваннъ въ особомъ ванномъ помѣщеніи; самыя ванны недороги—30 коп.; каждая подогрѣта до извѣстныхъ градусовъ по предписанію врача, г. Бѣлянина, проживающаго здѣсь и зимою. Послѣдній превосходно изучилъ лечебныя свойства мѣстной воды и удачно даетъ свои указанія пріѣзжимъ больнымъ. Жизнь здѣсь не дорога, помѣщенія тоже. Все это вмѣстѣ взятое и привлекаетъ такъ много больныхъ въ этотъ, пока еще единственный на русскомъ Сѣверѣ, курортъ, несмотря

на неудобства 35-верстнаго земскаго пути.

Обратный путь въ Тотьму намъ пришлось совершить при мелкомъ, чисто осеннемъ дождѣ, въ наглухо закрытомъ тарантасѣ и по испортившейся еще больше дорогѣ.

Въ Тотьмѣ тоже имѣются пріостановленныя уже много лѣтъ соляныя варницы Кокорева. Теперь у города возникаетъ предположеніе устроить на ихъ мѣстѣ другое лечебное заведеніе, но городскіе гласные, большинство которыхъ состоитъ гласными и въ мѣстномъ земствѣ, опасаются, чтобы возникновеніе новаго, болѣе удобно расположеннаго на самомъ водномъ пути—Сухонѣ—курорта не повредило только-что окрѣпающему Леденгску,—и благое намѣреніе невольно тормозится.

Но требованія самой жизни говорятъ иначе... По древнимъ трубамъ тотемскихъ солеварницъ, вѣроятно, скоро снова заструится цѣлебный соляной разсолъ, вопреки сухимъ разсчетамъ земцевъ.

Ѣхать въ Сереговскій солеваренный заводъ, лежащій выше по Вычегдѣ, около Устьсысольска, мнѣ не представлялось необходимымъ: онъ принадлежитъ частному предпринимателю и обслуживается допотопнымъ способомъ, такъ называемымъ ямнымъ или „чернымъ“, причемъ уничтожается громадное количество топлива, и соль получается темнаго цвѣта.

Приходилось перекочевывать въ архангельскую губернію, гдѣ существуютъ въ настоящее время только однѣ казенныя солеварни, арендуемыя крестьянскимъ обществомъ на правахъ временной собственности. Находятся онѣ въ 72 верстахъ отъ Архангельска, по лѣвому берегу Унженской губы. Это посадъ Ненокса.

Отъ города пришлось добираться до деревни Рикасихи на маленькомъ пароходѣ, а оттуда почтовымъ земскимъ трактомъ, пролегающимъ во многихъ мѣстахъ

по болотамъ. Пароходикъ оказался мнѣ землякомъ: на немъ плавали петербуржцы по Невѣ лѣтъ двадцать пять тому назадъ, когда онъ принадлежалъ еще финляндскому о-ву, но за негодностью вышелъ изъ его флотиліи и проданъ сюда въ числѣ другихъ, ему подобныхъ.

Утлое суденышко идетъ черепашьимъ ходомъ и переполнено пассажирами, а между тѣмъ преддверье Бѣлаго моря не мелко и не любитъ шутить! Русскія „авось“ и „небось“ тутъ примѣняются въ широкихъ размѣрахъ.

Земскій возница мчитъ чрезвычайно быстро, но дорога, идущая во многихъ мѣстахъ по деревянному поперечному настилу, вытрясываетъ душу, въ особенности при ѣздѣ въ тарантасѣ.

У ст. Солза пришлось прибѣгнуть къ помощи парома. Перевозъ до-нельзя оригиналенъ: паромщикъ, чтобы паромъ не наткнулся на камни, быстро раздѣвается

и, соскочивъ въ воду, доходящую ему до груди, тянетъ тяжелый плотъ руками.

— Теперь ничего. Благодать еще, вода теплая, а вотъ осенью да ранней весною ажно весь закоченѣешь!—разсказываетъ плотовщикъ.

Солза—одно изъ мѣстъ обильнаго лова семги: почему-то считаютъ здѣшнюю рыбу за лучшую по вкусу мяса. Но теперь еще нѣтъ лова, до августа онъ не начинается. Ловятъ здѣсь особымъ способомъ: рыба заходитъ въ рѣку изъ моря, рѣку перегораживаютъ широкими сѣтями и гонятъ въ нихъ рыбу.

Село раскинулось на песчаномъ мысѣ, вдающемся въ море; ни деревца, ни травки около крестьянскихъ домовъ, двухъ-этажныхъ, прочно срубленныхъ изъ толстыхъ бревенъ, какъ вообще строятъ здѣсь, на Сѣверѣ.

Слѣдующая станція—посадъ Ненокса.

Пятьсотъ лѣтъ существуютъ здѣсь соляныя варницы. Въ Двинской лѣтописи сказано, что еще въ 1419 году „мур-

маны“, какъ тогда называли норвежцевъ, сожгли всѣ солеварницы и самый посадъ, принадлежавшіе монастырю. Сохранились въ самой Ненoксѣ и другіе древніе документы, но послѣ пожара старой ратуши расхищены.

Девять варницъ существуетъ еще теперь, но это какія-то развалины. Зданія ихъ стоятъ въ логу, большинство изъ нихъ покривилось на бокъ, деревянныя крыши прогнили, вездѣ слѣды запустѣнія. Варятъ теперь только въ одной, въ остальныхъ проржавѣли черены, испорчены топочныя ямы, да и сами онѣ опасны въ пожарномъ отношеніи—рухлядь! Варятъ всѣ паевые участники по очереди, каждый долженъ приготовить для своего варева $2^1/_2$ кубика дровяного топлива, получаемаго даромъ или изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ въ видѣ сухоподстоя, или же пособрать на берегу выкинутый моремъ-благодѣтелемъ строевой лѣсъ изъ разбитыхъ бурею плотовъ и судовъ.

Отъ очередного варева солепромышленникъ получаетъ 92—102 пуда соли, дающихъ ему при удачѣ 20 рублей; стоимость же варки доходитъ до 19 руб.; получается пользы въ лучшемъ случаѣ 1 руб. Такъ и бьются пайщики съ хлѣба на квасъ!

А между тѣмъ здѣшній соляной разсолъ по своему содержанію, 12% соли, одинъ изъ лучшихъ; при вываркѣ улучшеннымъ способомъ соль будетъ обходиться значительно дешевле и будетъ лучше качествомъ, чѣмъ теперь, когда копоть и сажа толстымъ слоемъ осаждаются на ней; попадаетъ также много грязи, благодаря чему рыбопромышленники не охотно ее покупаютъ. Соль эта дѣлаетъ рыбу илистой и заставляетъ скоро протухать. Перестроить свои пришедшія въ упадокъ варницы ненокцы не въ состояніи, хотя пайщиковъ болѣе ста человѣкъ: необходимы денежныя средства, а ихъ ни у кого изъ нихъ нѣтъ. Отсутствуетъ и знающій дѣло постройки варницъ по современному, „бѣлому“, спо-

собу человѣкъ; послѣдняго необходимо пригласить изъ пермскихъ соляныхъ заводовъ, гдѣ давно уже работаютъ этимъ способомъ.

Съ каждымъ годомъ посадъ приходитъ все больше и больше въ упадокъ, жители, не имѣющіе другого заработка, кромѣ выварки соли, бѣднѣютъ, приходится уходить на отхожіе промыслы и окончательно забрасывать свое исконное дѣло.

„Зелено вино“ тоже сыграло немалую роль въ этомъ упадкѣ. Высчитано, что ненокцы пропиваютъ каждый, принимая во вниманіе даже грудныхъ младенцевъ, по $5^1/_2$ рублей.

— Съ горя пьемъ!—пояснилъ мнѣ одинъ изъ солеваровъ.—Все равно скоро „въ кусочки пойдемъ“; ничего не приноситъ наша работа, окромя убытка!

И пойдутъ, непремѣнно разорятся, если на помощь имъ не придутъ горный департаментъ министерства промышленности и торговли, вѣдающій соляными

промыслами, и министерство финансовъ. Только получивъ казенную ссуду и разумно употребивъ ее на возведеніе новыхъ солеваренъ, которыхъ достаточно всего двѣ, вмѣсто теперешнихъ девяти, на очистку обѣихъ трубъ, дающихъ разсолъ, ненокцы могутъ подняться и вырабатывать хорошую соль, сбытъ для которой имѣется громадный.

Уже теперь чувствуется недостатокъ на Сѣверѣ соли, хотя ея везутъ немало съ пермскихъ солеваренъ, но качествомъ ея рыбопромышленники не особенно довольны, а покупаютъ преимущественно иностранную, такъ называемую „шпанку“, удовлетворяющую ихъ больше, и хотятъ возбудить даже ходатайство передъ правительствомъ о скидкѣ на этотъ иностранный продуктъ половины ввозной пошлины.

Обидно будетъ для насъ, русскихъ, если заморскій продуктъ вытѣснитъ свой собственный, тѣмъ болѣе, что соли въ сѣверномъ краѣ немало, только нужно вы-

рабатывать ее лучшимъ способомъ, и тогда всѣ эти Неноксы и прочія солеварницы, раскинутыя на Сѣверѣ, въ настоящее время окончательно разоренныя въ Унѣ, въ Лудѣ, на Красной горѣ, въ посадѣ Кулогъ, снова оживутъ и будутъ кормить свое разоряющееся населеніе.

Время упускать нельзя, нужно сейчасъ же приниматься за дѣло и помочь имъ.

Типографія Александро-Невскаго о-ва трезв. Обводный, 116.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

6

Страничка прошлаго. Истор. разсказы. Роскошн. издан. съ рис. худ. С. И. Панова, ц. 2 р. 25 к.

Кому лучше? Романъ 2-ое роскошное изданіе съ рис. Фридберга, ц. 2 р. 25 к. Одобрено Особ. Отд. Ученаго Ком. Мин. Нар. Просв.

Ты бывала въ Порторико, танцовала контрадансъ. Веселые разсказы, ц. 80 к.

Мелкая дробь. Веселые разсказы, ц. 40 к.

Ошибки. Веселые разсказы, ц. 80 к.

Онѣ. Новеллы, ц. 1 р.

Трудящіеся. Повѣсти, ц. 1 р.

Аккорды бытія. Разсказы, ц. 1 р. 25 к.

Развиватели. Романъ, ц. 75 к.

Своя вина. Романъ, 2-ое изданіе, ц. 1 р.

На паровозѣ жизни. Очерки и разсказы, ц. 1 р.

Въ морѣ житейскомъ. Разсказы, ц. 1 р.

Поваръ испанскаго короля. Разсказы, ц. 1 р.

Подъ шрапнелью и ядрами. Разсказы, 2-ое изд., ц. 50 к.

Боярыня Морозова. Историч. повѣсть, 2-ое изд., ц. 65 коп.

(Своя вина — Боярыня Морозова: распроданы)